

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 11-008

# КОМУ МЫ ОБЯЗАНЫ «АФГАНОМ»

А.А. Жемчугов



(год)

ХРАНИТЬ

вечно ЛЕТ

КОМУ МЫ ОБЯЗАНЫ «АФГАНОМ»

А.А. Жемчугов





А.А. ЖЕМЧУГОВ

КОМУ МЫ  
ОБЯЗАНЫ  
«АФГАНОМ»?

Москва  
«Вече»

УДК 355/359  
ББК 66.4(0)  
Ж53



**Жемчугов, А.А.**

**Ж53** Кому мы обязаны «афганом»? / А.А. Жемчугов. — М. : Вече, 2012. — 368 с. : ил. — (Гриф секретности снят).

ISBN 978-5-9533-5973-3

Проходит время, и то, что вчера считалось великой государственной тайной, перестает ею быть. Тайна становится общим достоянием и помогает понять логику и героических, и трагических событий в истории нашей Родины. Афганская эпопея, на первый взгляд, уже не является чем-то секретным, запретной темой, которую лучше не затрагивать. Но ни в одной из появившихся в последнее время публикаций нет внятного, однозначного ответа на вопрос: кому мы обязаны «афганом»? Свои истинные цели в Афганистане Старая площадь скрывала как только могла. Даже принимая 12 декабря 1979 г. решение о вводе войск, она не осмелилась дать однозначное объяснение, во имя чего советская армия вторгается на территорию дружественного нам государства.

Реконструкция событий 1979 г. позволяет не просто проследить от начала до конца весь процесс «вызревания» окончательного решения о вводе в Афганистан «Ограниченного контингента советских войск», но и понаблюдать за тем, как вела себя при этом Старая площадь, верховная, ни перед кем не подотчетная инстанция власти в Советском Союзе.

Книга издается в авторской редакции.

**УДК 355/359  
ББК 66.4(0)**

ISBN 978-5-9533-5973-3

© Жемчугов А.А., 2012  
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012

## К ЧИТАТЕЛЯМ

Афганская эпопея вроде бы исписана-переписана вдоль и поперек. Одних мемуаров — «вагон и маленькая тележка». Но ни в одной публикации нет внятного, однозначного ответа на вопрос: кому мы обязаны «афганом»?

На это еще в феврале 1999 года обратил внимание генерал-полковник К.В. Тоцкий в своей статье, опубликованной в журнале «Ветеран границы», № 1—2, 1999.

«Прошло десять лет с тех пор, как завершилась афганская война, война на земле Афганистана с участием наших воинов, — писал тогда директор Федеральной пограничной службы Российской Федерации. — Война, в определенной мере так и оставшаяся неясной, загадочной и таинственной. Не случайно ей давали так много скоропалительных определений — «нелицензионная», «несобъявленная» и т.д. Но все они остались не более как журналистскими, пропагандистскими приемами, так и не прижившись. А только «политическая» оценка войны, робкая, невнятная и с точки зрения нашего государственного интереса далеко не безупречная, не могла вобрать в себя ее истинного смысла»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Имеемся в виду так называемая «Информация Комитета Верховного Совета СССР по международным делам о политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан», озвученная членом этого комитета А.С. Дзасоховым 26 декабря 1989 г. на Втором съезде народных депутатов СССР. Полный текст информации приведен в приложении 1.

...Восточная мудрость гласит: «Чтобы понять настоящее, нужно заглянуть в прошлое». Вот я и решил «заглянуть в прошлое», дабы постичь истинный смысл Афгана и наконец-то узнать, кому мы обязаны этой трагедией. Так родилось желание написать книгу. Она получилась такой, какой получилась.

Откровенный интерес к ней проявил академик Е.М. Примаков, по совету которого одна из глав книги претерпела существенные структурные изменения, а из прочих были устранены подмеченные им смысловые и стилистические погрешности и шероховатости.

Также положительно воспринял книгу бывший начальник советской внешней разведки Д.В. Шебаршин, который знает «афган» не понаслышке.

Теперь слово за вами, уважаемые читатели. Любой ваш вердикт будет принят с пониманием и благодарностью.

*Автор*

Незабываем героический подвиг наших ребят, сражавшихся в Афганистане. Но это не должно уводить от трезвого анализа и того, как принималось решение о вводе войск, и того, как они там застряли на долгое-долгое время.

*Е.М. Примаков*

## ВВЕДЕНИЕ

### **«Афган». У каждого свой и один на всех**

Эта война отпечаталась в нашей отечественной истории нерусским словом «афган», коротким, всего из пяти букв, но очень емким.

Начавшись 27 декабря 1979 г. и закончившись 15 февраля 1989 г., она стала самой длительной войной в новой истории нашего отечества. «Десять кровавых лет» — так называют ее сами «афганцы».

«В общей сложности за эти годы в Афганистане побывало около 900 тысяч советских военнослужащих различных родов войск, — утверждает в своих мемуарах В.А. Крючков, один из творцов «афгана». — Их численность в отдельные периоды колебалась от 30 тысяч до не многим более 100 тысяч человек»<sup>2</sup>.

И у каждого был свой «афган».

**А.А. Шахов, сапер, рядовой, за службу в Афганистане удостоен медали «За отвагу»:**

«Мы, саперы, долго на одном месте не задерживались и видели всяких людей. Скажем, на босых действиях все ведут

---

<sup>2</sup> Крючков В.А. Личное дело: Часть первая. М.: Олимп; АСТ, 1997. С. 209.

себя примерно одинаково. Случись что с любым солдатом, ранили его или на mine подорвался, отношение только одно и реакция одна — помочь. А в остальном все обстояло, как в гражданской жизни. Только, пожалуй, раскрывались люди быстрее. Кто-то, скажем, писарем при штабе свои два года тихо-мирно просидел и раньше других домой поехал, потому что все время был на виду. Кто-то в полку пристраивался, как у нас говорили, к «общественной работе»: в казармах порядок наводить, стекло треснутое заменить, печку поправить. Кто-то на вещевом складе служил — двое из моего призыва, например, туда попали, так за полгода ни разу сапоги не надели, ходили в мягких тапочках, сытые, выспавшиеся.

Помню, направили нас вместе с разведзвездом в засаду. Ехать надо было на ночь глядя, решили попросить на складе хотя бы сухие пайки. Куда там — ни в какую не дают, все равно что в магазине за минуту перед закрытием... Конечно, и такая служба нужна, не хочу никого упрекать. Только если человеку это место не по душе, он и на другое мог попроситься. Были такие случаи, становилось ребятам рано или поздно совестно перед теми, кто ездит на боевые. Да и дома стыдно было рассказывать, что провел два года писарем или кладовщиком. Тут уже зависело от тебя самого.

Так же, на мой взгляд, обстояло дело и с офицерами. Многие, особенно те, кто воевал уже несколько лет, относились к нам хорошо. Солдат это ценить умест. Но было ведь и такое: разведет командир полка рядовых по плацу, вызовет всех офицеров с прапорщиками к себе на середину и там часами с ними разбирается — изучает внешний вид, дает указания. Не торопится — подумаешь, солдаты ждут... Потом подойдет к нам и тоже «лекцию» читает. А жара под пятьдесят градусов, солнце жжет, с утра уже все мокрые. Весь полк стоит навытяжку, и офицеры тоже, и что тут поделаешь...



## Кому мы обязаны «афганом»?

---

Были и такие, кто больше о наградах думал. Ордена и медали в основном получали честно. Но вот запомнился такой случай. Весной прошлого года, перед самым моим увольнением, пришел в одну роту новый командир. Уже объявлено, что скоро всей дивизии из Афганистана уходить, но когда именно — никто сказать не может, сколько еще будет боевых действий, неясно. А тому ротному нужно еще в курс своих дел войти. Отличиться хочется, только в бою никак не побывает. В это время командование полка дает указание — наградить троих самых отличившихся. Награждать было кого и за что, некоторые из ребят по многу раз подрывались, в засады попадали. Но ротный одного солдата из списка вычеркнул и вписал свою фамилию. Случайно увидел у него на постели этот листок замполит роты, на глазах у солдат скомкал и прямо ротному в лицо: «Не хочу, — говорит, — быть с вами в одной роте».

Не думаю, что мы стали какими-то особенными, отличными от других. Война, конечно, многое как бы упрощает. Там чувствуешь себя более или менее спокойно, когда под руками автомат, а рядом товарищ, который в случае чего тебя прикроет. Но потом, когда возвращаешься, это чувство быстро исчезает. Здесь все сложнее... В Афганистане случалось всякое — и в засады мы попадали, и на минах подрывались. И много было такого, что, казалось бы, скорее надо забыть. Но вычеркнуть из памяти эти годы мне не хотелось бы. Я научился, мне кажется, лучше видеть людей, оценивать их поступки, начал действительно понимать, что такое дружба, справедливость, что такое доверие. И главное, убедился, как много зависит от человека. Никакая организация и дисциплина не помогут, если с ним что-то неладно. Например, я как сапер точно знаю: многие из наших солдат подрывались на минах лишь потому, что после боевых действий их сразу отправляли в наряды, забывали дать им как следует отдохнуть, восстановиться не только физически, но и морально.

Мы научились иначе смотреть и на саму войну. Мои, например, представления о ней менялись резко. Когда нас призывали на службу, ни из газет, ни из телепередач нельзя было толком понять, что делается в Афганистане. Думал, прилечу, дадут нам по автомату, и сразу в окопы — и так все два года. Оказалось, ничего подобного, шли мы туда, совершенно не зная, с чем столкнемся. Видимо, надеялись, что поможем афганцам скорее наладить иную жизнь, чем та, к которой они привыкли. Мы ждали этого почти десять лет и, мне кажется, так и не дождались. Я много где побывал, и везде, кроме Кабула, картина примерно одна и та же: глинобитные хижины и лавки-дукапы, вокруг них и идет вся местная жизнь. Там, где мы в эту жизнь не вмешивались, отношения с населением были неплохие — правда, это только рядом с нашими частями. А попросят нас афганские власти отбить у неприятеля кишлак — отобьем, но гражданское население почти целиком убегает в горы, прячется по подземным колодцам, уходит в «зеленку», в заросли. Туда мы по возможности старались не забираться — и опасно, и, как правило, бесполезно. Вроде бы наступает тишина. Мы уходим — народ в кишлак возвращается, все там начинает идти по-прежнему. Через некоторое время местные власти опять просят помощи, мы снова занимаем кишлак, а жители оттуда опять разбегаются. И так по многу раз. В итоге нет ощущения нашего поражения, но и победы тоже. Как пришли, так и ушли»<sup>3</sup>.

**С. Казакпаев, лейтенант, командовал ротой:**

«За те два года, что я восвал в чужой стране, в 1983—1984-м, были убиты и скончались от ран, болезней 3789 наших ребят, из них 515 офицеров. Я был ничем не лучше их и мог бы разделить их участь. Повезло. Мне суждено было запомнить, за-

<sup>3</sup> Журнал «Коммунист». № 6. 1989. С. 86—88.

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

печатлеть в памяти навечно облик моей смерти — в бою, когда глаза ее смотрели на меня в упор, я даже видел, как душман убивает меня...

И по сей день каждая мелочь, каждое мгновение той ночи живет во мне, словно это было час назад.

Наш ротный командир, старший лейтенант Олег Бодров, месяц назад заболел брюшным тифом, и, казалось, сгинул в полевом госпитале, а я, исполняя его обязанности, командовал ротой.

С 22.00 мы ждали караван из Пакистана. По данным разведки, он должен был появиться сегодня ночью на дороге в ущелье, которую мы и оседлали... Я обошел солдат, в установленный на каждом автомате и пулемете прибор НСПУ осмотрел сектор обстрела и панораму местности каждого из подчиненных. Некоторым поменял позиции... Прилег, глядя на звезды. И вроде задремал, потому что очнулся от того, что кто-то тормозил меня:

— Товариш лейтенант, едут!

...Машин было шесть, впереди, мигая одной фарой, кажется, ехал мотоцикл. «Что ж, пропустим дозор, — решил я, — пусть живет мотоциклист. Открою огонь по первой машине».

Зачем-то посмотрел на часы: два часа...

Когда «мотоциклист» подъехал совсем близко, я понял: это никакой не мотоциклист, а автомобиль, он шел, освещая себе путь одной фарой. Размышлять уже не оставалось времени, и я, наскоро прицелившись, открыл огонь. В небо тут же взвились осветительные ракеты, стало бело как днем.

Я увидел, что однофарным автомобилем был японский «Семург» — машина, похожая на нашу «Волгу», только с кузовом. И понял, что попал в «Семург» наверняка. Он еще катился по дороге, но уже неуправляемый, не подчиненный воле «духа»...

Застрочил очередями АГС-17, гранаты начали хлопать среди разбегавшихся душманов. Кое-кто пытался отстреливаться. Но тщетно и недолго. Они не видели нас, а они — как на ладони.

Бой вскоре стал затихать.

— Прекратить огонь! — скомандовал я.

И ночь еще раз отступила перед залпом осветительных ракет, я осмотрел местность. В долине осталось пять машин, вокруг которых в разных позах лежали душманы. Шестая машина удалялась от засады на большой скорости, была уже недосягаема для пули.

Доложив комбату о результатах боя, собрал сержантов, поставил задачи... Через некоторое время на связь вновь вышел комбат:

— Казакпаев, я прошу тебя, глянь, что они везли в машинах...

— Селявин, Хайдаров, со мной! Пойдем вслепую, без света, только к первой машине, задача: собрать оружие и узнать, что в кузове...

По оврагу мы вышли к дороге. «Семург» стоял теперь перед нами метрах в десяти...

— Вперед!

У бампера приказал:

— Осмотрите правую сторону.

...Я шагнул в сторону дверцы пассажира. В ту же секунду увидел то, от чего вздрогнул сначала, а потом, словно голого, меня обдало колющим, пронзительным холодом. Из-за переднего колеса затравленно смотрели два блестящих глаза и ствол автомата. Никогда прежде не видел таких глаз: и ненависть, и страх, и ужас, и злорадство — все перемешалось в них. Вот сейчас, сейчас...

Помню, я успел еще подумать: «Это конец».

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

Душман надавил на курок, я совершенно отчетливо увидел это, показалось даже, что дернулся ствол автомата, но он ... не выстрелил.

Сколько же это продолжалось? Потом мне казалось, что стоял на грани небытия и вечности. А в тот самый момент, когда я понял, что живу, и что теперь уже точно буду жить, выхватил из-под руки свой АКМ, нажал на спусковой крючок, и помимо моей воли палец словно прирос к нему. Автомат трясся в руках, пока в магазине от РПК не иссякли все патроны. И только тогда перевел дух...

Наверняка это был шок.

С оружием наготове возник из-за кузова Хайдаров.

— Вы что, товарищ лейтенант?

— Показалось.

— Снимайте ДШК и ящики, — приказал я, а сам стал быстро собирать оружие у лежащих вокруг «Семурга» мятежников.

Последним, к кому я подошел, был тот, в ком несколько минут назад таилась моя смерть. Я вытащил его из-под машины. Это был молодой бородатый мужчина, одетый в обычную афганскую одежду, поверх которой он был опоясан египетским подсушком, где плотно друг к другу лежали магазины и гранаты. На поясе — кобур. Мои пули прошли через подсушок в грудь душмана, пронзили обе его руки. Я машинально отстегнул ремень с кобурой и взял лежащий рядом автомат. Он был на взводе.

«Почему же он не выстрелил?» — подумал я, чувствуя, как вновь охватывает меня дрожь. Осмотрел оружие. Внешне оно выглядело нормально, я не сразу заметил маленькое отверстие на крышке ствольной коробки; отверстие было от 5,45-мм пули; может, я попал, когда стрелял из оврага, а может, кто-то из ребят — при первом обстреле.

«Вот что спасло мне жизнь», — понял я и словно вновь увидел направленное в лицо дуло автомата; меня трясло, как от холода, хотя было тепло, и даже душно...

...Потом там, в чужих горах, под чужим солнцем, я вспоминал часто этот свой бой, видел глаза своей смерти и лица улыбающихся парней в тельняшках на душманской фотографии. И думал: «А вот интересно, убьют меня, умру я, а мир останется таким же, люди такими же или жизнь остановится хотя бы на миг?»

И вот я выжил, не умер в госпитале от ран, вернулся и узнал, что мир не остался прежним, что люди по-другому теперь смотрят на многие вещи, что войну, на которой я воевал, объявили преступной и никому не нужной, что жизнь не задержалась ни на миг и что в чем-то ориентиры сместились, какие-то наши ценности расплылись, а идеалы — отброшены»<sup>4</sup>.

**В.Н. Сопряков, капитан первого ранга, в 1981—1982 гг. командовал отрядом специального назначения КГБ СССР «Каскад-3»:**

«В апреле 1981 г. мне объявили, что моя просьба удовлетворена, и я командируюсь в Кабул сроком на девять месяцев. Вылет в афганскую столицу намечен на середину лета.

Предыдущий отряд «Каскад-2», на смену которому мы летели, пробыл в Афганистане полгода.

«Каскад» — это семь команд. Штаб отряда располагался в Кабуле, а его команды — в основных городах провинций под кодовыми названиями: «Карпаты» — в Герате, «Карпаты-1» — в Шиндандэ, «Тибет» — в Джелалабаде, «Кавказ» — в Капдагаре, «Алтай» — в Газни, «Север-1» — в Мазари-Шерифе, «Север-2» — в Кундузе.

У каждой команды и в кабульском штабе — своя бронетехника, автомашины, радиостанция.

---

<sup>4</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 415—419.

## Кому мы обязаны «афганом»?

Общая численность «каскадеров» — более 700 шттыков.

Первейшая задача «Каскада» — обеспечение армейского командования разведывательными сведениями о готовящихся душманами диверсиях и терактах против советских войск и органов власти НДПА в Кабуле и на местах, о базах душманских формирований, складах оружия и боеприпасов, о путях доставки военного снаряжения и военной техники из Пакистана. Информация должна быть достоверной и упреждающей. Каждый день в 7 часов утра я докладывал се на совещаниях, которые проводил генерал армии С.Ф. Ахромеев.

Об одном эпизоде я должен рассказать подробнее.

«Каскадер» Анатолий Зотов, сотрудник управления «С» ПГУ, мой сослуживец, получил от агента информацию о том, что в небольшом населенном пункте душманами накоплено большое количество оружия для создания мощной автономной группы, которая будет активно действовать в районе Кабула и на прилегающих к нему военных объектах Советской Армии. В определенный день на этой базе должны будут собраться главари банд. Для выработки и согласования плана боевых действий на встрече будут также и члены создаваемой группы.

Эта информация была срочно перепроверена и подтверждена. Да, главари собираются на совет в этом населенном пункте, дата встречи также подтвердилась. Я срочно доложил Ахромееву полученную информацию, и было принято решение уничтожить скопление бандитов и склад с оружием.

Операция началась по плану. Анатолий Зотов и его источник погрузились в один вертолет. Присутствие источника диктовалось необходимостью быть предельно точными при ударе с воздуха, чтобы не пострадали мирные жители близлежащих кишлаков, а источник уверял, что хорошо знает местность и точно укажет цель. Зотов занял место стрелка-радиста, пристроившись у пулемета и рассчитывая при необходимости

принять участие в боевых действиях. Афганца разместили на коробках с боеприпасами. В сопровождении еще двух вертушек поднялись и пошли к цели. К ним в ходе операции должны были присоединиться и наши штурмовики.

Машина, где находился Зотов и источник, поднялась над целью выше других вертолетов, чтобы ее не смогли поразить с земли автоматным огнем. Трассирующими очередями Зотов открыл огонь из пулемета по дому, на который указал афганец. Два других вертолета, находившиеся ниже вертолета Зотова, увидели светящиеся трассы, определили цель, и начался бой. С земли ответили шквалом огня из всех видов оружия, включая и крупнокалиберные пулеметы. Дом бандитов загорелся, это было четкое указание цели для штурмовой авиации. Отбомбившись, они ушли на свою базу, а вертолеты еще кружили над скоплением бандитов, отвечая на их огонь.

Зотова и афганца смущало и тревожило одно обстоятельство — почему нет взрыва склада боеприпасов. Афганец уверял, что его информация точна, что здесь находится большой склад оружия, которое будет в самое ближайшее время использовано против шурави. На складе, кроме стрелкового оружия, большое количество мин, фугасов. Все это — будущая смерть для русских солдат.

Анатолий верил своему источнику и понимал, что до конца их задача не выполнена. С таким чувством они, израсходовав боезапас, вернулись на базу. На базе, поблагодарив афганца за помощь, Зотов настоял на том, что он должен на том же вертолете вернуться на место операции, поскольку «не привык бросать начатое дело на полпути».

На этот раз вертолет, в котором находился Зотов, не стал, по его настоянию, подниматься выше и остался в боевом строю с остальными. Трассирующие очереди Анатолия полетели точно в цель, туда же легли ракеты и бомбы штурмовиков. И случи-



## Кому мы обязаны «афганом»?

---

лось то, ради чего и затевалась эта операция — огромный силы взрыв потряс землю, разметав все вокруг. База душманов была полностью уничтожена. И, казалось бы, наступило затишье, как вдруг какая-то шальная очередь из крупнокалиберного пулемета угодила в вертолет Зотова. И он рухнул вниз.

Останки «каскадера» и двух вертолетчиков были извлечены из-под обломков вертолета и доставлены в Кабул на следующий день.

Я доложил Ахромееву обо всех деталях героического подвига Анатолия Зотова. Генерал, подумав, обратился ко мне с вопросом, может ли военное руководство, в частности он, ходатайствовать перед правительством Советского Союза о награждении погибшего «каскадера» боевым орденом. Понимая, что это вне моей компетенции, я ответил, что доложу об этом своему руководству, что и сделал без промедленья. Некоторое время спустя мне сообщили, что КГБ сможет сам решить этот вопрос.

Смерть Анатолия Зотова стала первой потерей для «Каскада-3».

Не менее сложным направлением деятельности «Каскада» была оперативная разработка душманских банд, как правило, местного масштаба. Используя агентурно-оперативные возможности, мы выискивали таких главарей душманских формирований, которые по тем или иным причинам, как нам казалось, могли бы пойти на контакт с нами. В поле нашего внимания попадали главари — выходцы из близлежащих кишлаков, у которых многочисленная родня проживала в районах, надежно контролируемых нашими войсками и новой властью. Таких главарей нам иногда удавалось переманить на сторону местной власти, сложить оружие и перейти к мирной жизни. В этом случае они требовали от нас гарантии, что их не будут преследовать за прошлые дела. И мы, согласовав все вопросы

с правительственными чиновниками и службой безопасности Афганистана, давали им такие гарантии.

Правда, чаще всего главарь душманов не соглашался на мир с местной властью, не признавал НДПА, но готов был прекратить вооруженные вылазки против шурави. Приходилось довольствоваться и этим.

Естественно, что установление контактов с главарями душманов было весьма рискованным мероприятием. Ведь встречи с ними проводились на их условиях. Они указывали место встречи, требовали, чтобы наши представители не имели при себе оружия и приходили без всякого сопровождения. И мы шли на такой риск, считая его оправданным. К счастью, печальных срывов в этой тонкой работе у нас не было. А вот неудачи случались. Уже в ходе начавшихся переговоров душманы подчас вдруг отказывались от их продолжения, но наших «парламентеров» не трогали, позволяли им вернуться обратно живыми.

Много хлопот нам доставляли местные афганские болячки — желудочные расстройства и особенно гепатит. Болели офицеры, болели и солдаты. Но удивительное дело, даже больные «каскадеры» не хотели покидать свои команды, не хотели уезжать из Афганистана на лечение в Ташкент и даже в Москву. Любими путями они стремились остаться в строю.

Однажды со мной связались из военной комендатуры Кабула. Дежурный офицер сообщил, что у них находится задержанный солдат, никаких документов при нем нет, но он утверждает, что является рядовым команды из Кандагара (отряда «Каскад»). Попросил разрешения доставить этого солдата в распоряжение нашего отряда. Я согласился.

Передо мной появился солдат, худой, измызганный, но держался с достоинством. Прежде всего, я выяснил, имеет ли он отношение к пограничникам. Он ответил утвердительно. Это указывало на то, что он наш человек.

## Кому мы обязаны «афганом»?

Солдат поведал следующее. Он заболел, его поместили в местный военный госпиталь, а оттуда перевезли, вопреки его желанию остаться в Афганистане, в госпиталь в Ташкенте. Почувствовав себя лучше, он сбежал из госпиталя и вот спустя неделю оказался в Кабуле. Пытался попасть на самолет, летящий в Кандагар, но его задержали и посадили на гауптвахту. Тогда ему пришлось сознаться, что он член команды «Каскада», чтобы его вновь не отправили в Союз. Я поинтересовался, чем же он питался всю неделю до Кабула. Беглец философски ответил, что мир не без добрых людей. И я поверил ему. Его накормили, помыли и запросили Кандагар о беглеце. Оттуда сообщили, что такой-то солдат в настоящее время находится на излечении в госпитале в Ташкенте.

Я поздравил солдата с благополучным прибытием к месту боевой службы и отправил его в родную команду. Иначе я поступить не мог, так как видел по его глазам, что он все равно вернется в «Каскад».

Нечто похожее случилось и с командиром одной из команд «Каскада». Он заболел гепатитом и несколько недель уже находился на излечении в местном военном госпитале. Мы проинформировали о его болезни Центр и через некоторое время получили из Москвы сообщение, что на место больного командиром команды назначается другой офицер, его заместитель. А больного мы должны были по возможности направить в Союз для продолжения лечения. Прошло еще какое-то время, и вот бывший командир прибыл в Кабул и появился у меня. Болезнь еще не совсем прошла, выглядел он плохо, был слаб. Я сообщил ему о решении Центра и предложил готовиться к отправке домой, убеждая, что ему нужно хорошо залечить болезнь, чтобы окончательно встать на ноги. Офицер молчал, опустив голову. А когда поднял ее и взглянул на меня, я впервые увидел плачущего «каскадера». Крупные слезы катились по щекам, губы подрагивали, руки, сжатые в кулак, посинели.

Я пытался успокоить его, говорил, что он еще молод, ему надо победить болезнь и еще много сделать дел на пользу Отечества. А для этого нужно здоровье и сила. Но по его глазам я видел, что он не слышит меня. Он произнес, а затем несколько раз повторил только одну фразу: «Мне стыдно ехать домой, я не успел ничего сделать здесь, в Афганистане. Что же я скажу своему сыну, что по болезни сбежал отсюда, испугался трудностей?»

И я растерялся, не знал, что сказать, как поступить. Ведь решение Центра уже было — ему нужно возвращаться домой на лечение. Выход из создавшегося положения помог мне найти только что прибывший из Джелалабада командир «Тибета». Он быстро включился в ситуацию, посоветовал мне не спешить с выполнением указания Центра, ведь там сказано «по возможности», а он, больной, сейчас не готов к далекому перелету. Командир «Тибета» предложил мне отправить больного к нему в команду, климат в той провинции мягкий, самое лучшее место в Афганистане, где он сможет достать для больного даже свежее молоко. Через одну-две недели больной поправится, а я за это время улажу его дальнейшую судьбу. Я согласился с этим предложением. А потом все решилось самым наилучшим образом»<sup>5</sup>.

**Р.С. Лобачев, полковник, в 1980—1981 гг. руководил командой «Карпаты-1»:**

«Операция «Бумеранг» была разработана нами, но проведена во взаимодействии с армейскими подразделениями.

Началось все с конфиденциальной встречи с неким Саттаром, которого мы считали главарем небольшой, но довольно мобильной и потому неуловимой банды. Нельзя сказать, что

---

<sup>5</sup> *Сопряков В.Н.* Восток — дело тонкое. М.: Современник, 1999. С. 106, 116—119, 123, 124.

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

люди Саттара проявляли особую агрессивность или беспокоили наши воинские подразделения. Здесь Саттар активности не проявлял, но местные органы власти игнорировал полностью, чем наносил определенный ущерб стабилизации обстановки в районе кишлака и аэродрома Шиндандэ. На эту группу постоянно жаловались местные ХАДовцы<sup>6</sup>. Здравый смысл подсказывал, что настало время разобраться с Саттаром и решить, что же делать с ним, тем более что он постоянно вертелся в непосредственной близости от нашей «базы», а кишлаки в зоне его деятельности оказывались на путях выдвижения наших групп на оперативно-босвые задания. Таким образом, назрела необходимость определиться, что же нам обещают встречи с людьми Саттара.

Пусть останется оперативной тайной процесс проведения предварительных переговоров с Саттаром, но встреча с ним, в конце концов, состоялась. Он объяснил, что возглавляет группу вооруженных земляков, которые являются практически все родственниками. Никаких четких политических взглядов они не придерживаются. Они объединились, добыли оружие с единственной целью: обеспечить спокойную жизнь жителей нескольких кишлаков. Они не желают, чтобы в их жизнь вмешивались со своей политикой местные представители правительства, не говоря уже о блуждающих бандах криминального характера. К шурави у него нет претензий, к нашей команде — тем более. О существовании команды он знал уже давно, видел, что мы не каратели, что не обижаем местных жителей и т.д. Из уважения к нам и поверив нашим гарантиям, он согласился на эту встречу.

Встречу обставил, по его пониманию, по всем правилам военного искусства, чем и похвастал, указав мне на посты и

---

<sup>6</sup> ХАД — Служба государственной безопасности ДРА. — А.Ж.

засады вокруг места встречи. Каково же было его удивление и крушение иллюзий, когда я продемонстрировал ему, что все его посты и засады находятся на «мушке» у наших групп. Так ему был еще раз продемонстрирован наш профессионализм и, кстати, отпала необходимость выполнить категорическое требование Саттара сдать личное оружие. В процессе встречи и довольно откровенной беседы мы поняли, что имеем дело с типичным отрядом самообороны. Одновременно еще раз убедились, что информация наших друзей ХАДовцев не всегда объективна, более того — предвзята.

Во время встречи Саттар, желая доказать свою лояльность и готовность к сотрудничеству с нами, сообщил, что через несколько дней по известному ему маршруту в направлении провинции Герат проследует караван, в котором, по имевшимся у него сведениям, будет около сорока инструкторов и прошедших в Пакистане переподготовку бандитов, часть из которых ранее «засветилась» при грабежах его «подшефных» кишлаков. Мы не исключали, что Саттар руководствуется чувством мести, но своими силами справиться с обидчиками не может.

Своим поведением Саттар вызывал доверие, а информация, безусловно, заслуживала внимания. К сожалению, перепроверить ее возможности у нас не было, да и на тщательную подготовку операции времени оставалось очень мало. Терзались сомнениями, но решились идти на риск. При разработке операции мы постарались «соломы подстелить» достаточно. Главная идея заключалась в применении известной нам тактики противника — затягивание в «мешок» с последующим замыканием кольца окружения. А дальше решили действовать по обстановке, по одному из нескольких проработанных вариантов. То есть решили бить врага его же оружием.

При расчете сил и средств пришли к выводу, что с учетом численности и подготовленности противника для успеха

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

операции своих сил у команды явно недостаточно, даже если задействовать все имеющиеся боевые группы. Привлечение гератской команды «Карпаты» было проблематично, так как ее личный состав валил гепатит, да и люди устали от постоянных рейдов и участия в армейских операциях. Поэтому я обратился к командованию дивизии, которое с готовностью предоставило в наше распоряжение танковый и разведывательный батальоны. Командирам и личному составу был представлен подробный план проведения операции. И хотя при инструктаже командиров армейских подразделений особое внимание акцентировалось на необходимости взятия в плен максимального числа бандитов, все же была допущена серьезная ошибка, ставшая позже роковой. Дело в том, что не был учтен существенный момент, а именно настроение бойцов разведбата, который буквально за месяц до этого попал в аналогичную засаду, но устроенную душманами, где потерял практически всех своих командиров и более половины личного состава. Целый месяц разведбат «залечивал раны», в боях не участвовал. Жажда мщения затмила разум бойцов. Мы этого не знали. Получилось, что информацию о противнике мы имели, а вот информацию о настроениях советских солдат не собирали. Да это и в голову не приходило.

Операция завершилась, можно сказать, успешно — было взято много разнообразного оружия, боеприпасов и снаряжения, медикаментов, пропагандистской и учебной литературы, документов и даже денег. К сожалению, не было только пленных — вся бандгруппа (34 человека) была полностью уничтожена, хотя в процессе боя некоторые бандиты оказывали слабое сопротивление и готовы были сдаться. Командиры разведбата и личный состав наших трех боевых групп, принимавших участие в операции, погасить выброс эмоций солдат-разведбатовцев не смогли, действительно, не бросаться же под свои автоматы. Таким образом, мы потеряли возмож-

ность получить интересующую нас информацию, допросив захваченных бандитов с европейскими чертами лица, которые там были (предположительно иностранные инструкторы или советники). А это было очень важно, чтобы подтвердить или опровергнуть имевшиеся у нас разведанные о поддержке контрреволюционеров в Афганистане европейскими, а может быть, и американскими организациями. То, что моджахедов поддерживают арабские страны и в их рядах воюют арабы, нам было известно однозначно, но арабов и афганцев по внешности не различишь. А вот европейцы — это же совсем другое дело. Короче, данная операция еще раз продемонстрировала, что в жизни мелочей не бывает. Горький опыт!»<sup>7</sup>

**А.И. Ткачев, подполковник Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР:**

«Во время пребывания в Афганистане в 1981—1983 гг. мне довелось участвовать во многих операциях, проводимых разведорганами против одного из полевых командиров афганского сопротивления Ахмад Шаха Масуда и его группировки. В ходе одной из них первому из советских военных разведчиков удалось установить с ним личный контакт. О чем расскажу подробнее.

В ущелье Панджшир было проведено несколько военных операций, которые, как правило, заканчивались выводом советских и правительственных войск из «освобожденных районов» с тяжелыми боями и большими потерями в живой силе и технике. Практически ни одна операция против Масуда положительного конечного результата не принесла, хотя советские войска регулярно овладевали Панджширом.

---

<sup>7</sup> Лобачев Г.С. Команда «Карпаты-1». Одесса: Астропринт, 2006. С. 89—92.



## Кому мы обязаны «афганом»?

В то время, когда я работал в разведывательном центре в Кабуле, мы добывали достоверные разведданные о вооруженных формированиях моджахедов. Однако в связи с установкой «сверху» отыскивать только положительные тенденции развития военно-политической обстановки и афганского общества, эти данные докладывались в приукрашенном виде уже из разведцентра. В последующем они препарировались и искажались при обобщении в Пятом управлении ГРУ и Генштабе до такой степени, что не имели ничего общего с первоначальными. Никто не хотел брать на себя ответственность и докладывать истинное положение дел, да и высшее военное руководство достоверным разведданным не хотело верить. Была дана официальная установка — отражать в докладах положительные тенденции, которых фактически не было. Желаемое выдавалось за действительное. А между тем из Панджшира систематически вывозили раненых и трупы наших солдат и офицеров. Но это не очень-то беспокоило наших руководителей.

Помню, когда я докладывал обстановку генералу армии С.Ф. Ахромесву, бывшему тогда одним из руководителей оперативной группы МО СССР, то сказал ему, что надо попытаться договориться с Ахмад Шахом о перемирии, так как от наших огневых и авиационных ударов гибнут мирные жители, а от огня моджахедов погибают наши солдаты. Он ответил, что все эти старики, женщины и дети являются родственниками душманов, а что погибают наши солдаты, так это их долг. Погибнет один, приплюют еще десяток. Ахмад Шаха надо поставить на колени и заставить его сложить оружие.

Именно исходя из подобных установок и определялось проведение войсковых операций в Панджшире, которые вели к неоправданным жертвам. На мой взгляд, эти операции проводились для того, чтобы военное руководство получало различные награды. Не случайно во время их проведения в Афганистане

приезжали многие начальники, чтобы «отметиться» личным участием в них. За проведение одной из них 1982 г. сам С.Ф. Ахромеев получил звание Героя Советского Союза.

Очевидно, поэтому мое предложение о мирных переговорах с Ахмад Шахом не находило понимания. Поддержали меня генерал армии П.И. Ивашутин и Маршал Советского Союза С.Л. Соколов. С их благословения и разрешения мы организовали работу в Панджшире. Был разработан план проведения разведывательной операции по выходу непосредственно на Ахмад Шаха, вступления с ним в контакт и проведения переговоров по всему комплексу проблем. Конечной задачей ставилось добиться прекращения огневого противодействия в ущелье Панджшир и прилегающих к нему районах. В Кабуле тогда была большая колония выходцев из этого ущелья. Я установил с ними связь и через них послал Ахмад Шаху предложение о встрече. Он согласился и гарантировал безопасность.

Операция была санкционирована начальником Главного разведывательного управления Генштаба генералом армии Петром Ивановичем Ивашутиным, который взял на себя такую ответственность, хотя против этого шага выступали довольно влиятельные силы в Афганистане.

В период подготовки встречи с Ахмад Шахом мы провели большое количество бесед с живущими в Кабуле выходцами из Панджшира, которые в той или иной мере знали Масуда в детстве, в студенческие годы и уже в роли участника сопротивления. На основании этих бесед у нас сформировался противоречивый образ человека, в котором удивительно сочетались положительные и отрицательные качества. Однако все говорили, что он человек слова. Это давало надежду вернуться живыми после встречи с ним, так как он заверил, что гарантирует нашу безопасность. Через посредников были согласованы место и время встречи на условиях Ахмад Шаха: Панджшир,

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

территория, контролируемая моджахедами, капун нового, 1983 года. Выход к месту встречи должен быть осуществлен в новогоднюю ночь. Мы прибудем без охраны и без оружия.

Обычно в праздничные дни в Афганистане в 40-й армии было принято салютовать из всех видов оружия, но, дабы не давать повода моджахедам для лишнего беспокойства, мы договорились с командиром 345-го парашютно-десантного полка подполковником П.С. Грачевым, чтобы в эту новогоднюю ночь обошлось без салютов, и он смог «обеспечить тишину». Как только стемнело, вдвоем с переводчиком Максом мы вышли из кишлака Руха и довольно быстро добрались до условленного места, где нас встречала группа вооруженных моджахедов во главе с начальником контрразведки Ахмад Шаха Таджитдином. В составе этой группы мы пешком добрались до Базарака. Шли по горным тропам в общей сложности около четырех часов, минуя посты боевого охранения мятежников.

Моджахеда ввели себя по отношению к нам довольно дружелюбно. В Базараке нас разместили в хорошо натопленном помещении. Электричества не было, но горела керосиновая лампа. Спали в одной комнате с моджахедами. Оружия мы с собой не брали, что вызвало еще большее их расположение к нам.

Утром 1 января Таджитдин сообщил нам, что встреча с Ахмад Шахом состоится в 9.30. Не скажу, что ожидание встречи не было для нас тревожным и довольно напряженным, но одновременно охватывало любопытство, ведь до нас никто из советских военнослужащих Масуда не видел, даже на фотографиях. Были лишь словесные описания его портрета, характера, манеры поведения, составленные на основании рассказов афганцев, выходцев из Панджшира.

Ровно в установленное время в комнату вошел молодой невысокий мужчина. Он был темноволос и худощав. Ничего зве-

риного в его облике, как это преподносилось средствами нашей пропаганды, не было. Одет он был в традиционную афганскую одежду. На его лице была сосредоточенность и открытость. Напряженность длилась всего несколько секунд. Мы не увидели «зловещее лицо непримиримого врага». В глазах Ахмад Шаха светилось добродушие и доброжелательность. Видимо, и у нас на лицах не было враждебности. После секундного замешательства мы обменялись традиционными приветствиями по афганскому обычаю. Затем последовало приглашение к завтраку. Первым делом, как это принято на Востоке, Ахмад Шах поинтересовался состоянием нашего здоровья и хорошо ли отдохнули с дороги. Мы ответили, что все нормально и, в свою очередь, спросили о его здоровье. Так мало-помалу удалось завязать разговор, который во время завтрака шел на обыденные темы, совершенно далекие от войны. Как гостям за завтраком нам были оказаны традиционные почести: первыми вымыть из кувшина руки и вытереть свежим полотенцем, первыми надломить хлеб, первыми начать есть плов из общего блюда и т.д.

После завтрака в комнате остались Ахмад Шах с одним из своих приближенных и я с переводчиком Максом. Началась беседа. Когда мы изложили Ахмад Шаху вопросы, поставленные в задании нашим руководством, он был несколько удивлен, что в этих предложениях не было ультиматумов, требований капитулировать или немедленно сложить оружие. Ведь до этого ему присылали жесткие требования — прекратить вооруженное сопротивление против правительства Кармаля, сложить оружие и сдаться. Ключевым же вопросом в наших предложениях было взаимное прекращение огневого противодействия в Панджшире и взаимные обязательства по созданию необходимых условий местному населению для нормальной жизнедеятельности. Особый интерес у Масуда вызвали предложения о возвращении в населенные пункты жителей уезда, которые покинули свои дома

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

из-за боевых действий, совместном обеспечении их безопасности и оказании им всесторонней помощи в налаживании мирной жизни. Это отвечало его интересам.

По каждому пункту предложений шло глубокое и обстоятельное обсуждение. Это не было данью вежливости. Ахмад Шах заявил, что ультиматумы, с которыми за два года войны к нему обращались представители советской и афганской сторон, для него неприемлемы. По словам Масуда, в отношении Советского Союза и советских людей у него не было враждебности. В войну, говорил он, народы двух соседних государств втянули руководители, а война есть война, здесь без жертв не обойтись. После войны, выражал надежду Ахмад Шах, мы останемся добрыми соседями. Однако в отношении кабульского руководства, власть которого, по его словам, в стране ограничивалась столицей и некоторыми крупными городами, он был непримиримым противником.

На мой взгляд, в ходе беседы Ахмад Шах проявил себя серьезным и взвешенным политиком, трезво мыслящим человеком, знавшим, за что он ведет борьбу, и видевшим конечные цели своей борьбы. Именно с такими политиками нам необходимо было иметь дело. Он подчеркнул, что с уходом советских войск кабульский режим лишится будущего. Время подтвердило его правоту.

В последующем нам приходилось встречаться с Ахмад Шахом еще не раз, но эта первая встреча запомнилась навсегда.

Результатом проведенных переговоров во время этой и последующих встреч стало реальное прекращение боевых действий и установление тесного взаимодействия в вопросах поддержания условий перемирия. В Панджшир вернулись мирные жители, обстановка на трассе Саланг—Кабул стала намного спокойней. В течение 1983 г. и до апреля 1984 г. в Панджшире боевые действия не велись.

Однако такое положение не устраивало партийных функционеров НДПА, которые настаивали на проведении боевых действий в этом районе и постоянно подталкивали к этому советское руководство. В связи с этим перемирие неоднократно нарушалось по нашей вине. Например, на одной из встреч с Масудом мы беседовали с ним в доме одного из местных жителей.

В это время послышался звук приближающихся вертолетов. Я сказал Масуду, что сейчас перемирие и вертолетов не надо опасаться, но он предложил на всякий случай пройти в укрытие. Едва мы это сделали, как вертолеты нанесли удар по дому, и от него осталась только половина. Масуд показал мне на развалины дома и сказал: «Интернациональная помощь в действии». Потом добавил, что он ко мне лично никаких претензий не имеет, но верить русским очень сложно. И это было правдой, так как и в последующем военное командование еще не раз нарушало взятые на себя перед Ахмад Шахом обязательства.

Докладывая первому заместителю министра обороны СССР С.Л. Соколову о результатах работы с Ахмад Шахом, я сказал, что Масуд к правительству Кармаля относится враждебно, считает марионеточным и просоветским, заявляя, что оно не имеет будущего и за свои преступления понесет наказание. На вопрос Соколова — с кем можно иметь дело в Афганистане, я ответил, что наиболее влиятельным и авторитетным в стране является Ахмад Шах и при определенных условиях с ним можно будет договориться, но ни в коем случае не следует пытаться склонить его на сотрудничество с Кармалем. Он на это никогда не пойдет. Очевидно, именно поэтому против Ахмад Шаха постоянно проводились войсковые операции»<sup>8</sup>.

<sup>8</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 638—642.

**Л.В. Шебаршин, генерал-лейтенант, начальник внешней разведки КГБ:**

«Июнь 1984 года. Только что завершилась серия мощных ударов советской 40-й армии Туркестанского военного округа совместно с афганскими войсками по формированиям Ахмад Шаха Масуда в долине реки Панджшир.

Во главе кампании первый заместитель министра обороны СССР маршал С.Л. Соколов — коренастый крепкий старик со спокойными отеческими манерами, басовитым голосом и твердой рукой бывшего танкиста. В свои семьдесят с лишним лет он много курит (длинные американские сигареты «More») и способен изрядно выпить.

Маршал летит на вертолете в местечко Руха в Панджшире, чтобы лично обозреть сложившуюся там обстановку. Выясняется, что обозреть нечего. На полях стоит уже созревшая, но нескошенная пшеница, а в пшенице — советские танки. Танки и бронетранспортеры повсюду. От глинобитных домов кое-где поднимается дым. Прямо к темно-голубому безмятежному небу. Но разрушений немного, большинство домов целехоньки. Нет жителей, ни одной афганской души. Вымерший город, не разрушенный, не разбитый, а вымерший.

Осматривать в Рухе нечего, а ходить по ней опасно — мины. Маршал собирает совещание в двухэтажном просторном доме, где разместился штаб... Сказать на совещании по существу нечего — противник уклонился от столкновений, и речь идет о размещении афганских гарнизонов и постов безопасности.

Какой удивительный порядок царил на картах, по которым докладывались планы охраны и обороны Панджшира! Зеленые, синие, красные треугольники, квадраты, пунктирные и сплошные разноцветные линии, четкие надписи — радовалось сердце и казалось, что обязательно все будет хорошо, не может проиграть войну армия, которая действует по таким замечательным

картам. Видимо, такие же мысли приходят и другим участникам совещания: возникает атмосфера победного митинга.

Но что-то беспокоит маршала, он слушает невнимательно, поглощенный какой-то своей заботой.

— Где противник? Ищите противника, он может укрываться где-то рядом, в ущельях.

— Так точно, товарищ Маршал Советского Союза. У нас посты, дозоры, вертолеты.

И т.д. и т.п. Человеку, не вполне посвященному в военные тайны, разговор непонятен. Ведь было же доложено, что из трех тысяч мятежников уничтожено не менее тысячи семисот человек, а остальные ушли, захватив с собой убитых и их оружие.

Стоп, стоп! Как же оставшиеся в живых тысяча триста человек могли унести такое количество убитых, да еще и оружие? И могут ли они после таких потерь представлять угрозу нашим силам? Наивные вопросы штатского человека, с доверием относящегося к победным сводкам военного командования. Не могли оставшиеся в живых мятежники унести такое число убитых, поскольку убитых практически не было. Ахмад Шах заблаговременно получил информацию о готовящемся наступлении от своих агентов в Министерстве обороны Афганистана, вывел из-под удара не только боевые подразделения, но и всех панджширских жителей. Били наша артиллерия, наша авиация, наши танки по пустым склонам гор, брошенным кишлакам, безлюдным дорогам, взламывали оборону несуществующего противника. Высаживались десантные группы, окружавшие себя морем огня и свинца, а противника уже не было. И шла темная молва из армии, что мы понесли крупные потери, сбросив десант на отвесные скалистые склоны, в непроходимое ущелье. В то время как статистика наших боевых и небоевых потерь имела столь же малое отношение к действительности, как и цифры потерь противника. Случайно выяснилась методика подсчета убитых на



## Кому мы обязаны «афганом»?

той стороне. Как же их считают, если противник уносит трупы? Очень, оказывается, просто. Берется общая сумма израсходованных в бою боеприпасов и делится на установленный раз и навсегда коэффициент. Именно таким образом подсчитывалось, что ежегодно с 1982 по 1986 гг. противник терял тридцать тысяч человек из общей группировки в сорок пять тысяч человек.

Маршал, разумеется, хорошо знал цену коэффициентам, цифрам потерь, цену «Золотым Звездам» за Панджширскую операцию, поэтому и был задумчив.

...Совещание в Рухе завершилось на победной ноте... А сейчас дело сделали, совещание провели, летим над изумрудно-зеленой долиной, над голубой речкой в Кабул, домой, в королевский дворец маршала, где ожидает всех участников заслуженный обед.

Тесновато за столом, сервировка скромная, походная, еда обильная, но еще обильнее выпивка — добротное шотландское виски и русская водка. Во главе стола маршал Соколов... Разливает спиртное генерал-полковник Ш. (погиб в авиакатастрофе), льет солидно по полстакана. Маршал поглядывает и одобрительно кивает...»<sup>9</sup>.

**Из донесения маршала С.Л. Соколова министру обороны СССР Д.Ф. Устинову об итогах операции в Панджширском ущелье:**

«Войска 40-й армии и вооруженных сил ДРА наступлением 108-й и 201-й мотострелковых дивизий, 191-го мотострелкового полка, 8-й и 20-й пехотных дивизий с фронта и высаженного в районе Дуав, Чану, Рапгтак воздушного десанта (103-я воздушно-десантная дивизия, 444-й полк, и 37-я бригада «коммандос») с

---

<sup>9</sup> *Шебаршин Л.В.* Рука Москвы. М.: Центр-100, 1992. С. 178—181.

тыла и ударами авиации нанесли поражение обороняющимся и отходящим отрядам противника и овладели ущельем Панджшир до рубежа городов Чинди, Мата, горы Кинджав.

Боевыми действиями 66-й отдельной мотострелковой бригады, 201-й мотострелковой дивизии, 11-й и 20-й пехотных дивизий в районе перевала Салаг, ударами авиации и артиллерии были нанесены значительные потери отрядам мятежников, отошедшим из Панджшира и действовавшим на автомагистрали и зеленой зоне Чарикара, чем была снята напряженность на участке Чаугани-Чарикар, основной коммуникации.

В последующем, продолжая боевые действия по осмотру высот и ущелий в Панджшире, последовательной высадкой десантов (103-я воздушно-десантная дивизия, десантно-штурмовой батальон 70-й отдельной мотострелковой бригады, 37-я бригада и 444-й полк «коммандос») в ущельях Андарак, Хост-о-Ференг, с одновременным наступлением 201-й мотострелковой и 20-й пехотной дивизий из Чаугани в направлении Бану, нанесено поражение отошедшим из Панджшира и местным отрядам мятежников.

В результате боевых действий в период с 19.04 по 5.05.1984 г. уничтожено 2800 человек и взято в плен сто тридцать мятежников, захвачено сорок различных складов, четыреста тонн продовольствия и других материальных средств.

Учитывая военно-политическую значимость Панджшира для контрреволюционного движения, противник не смирится с понесенным поражением, и следует ожидать, что он будет стремиться восстановить положение действиями сохранившихся сил совместно с отрядами, направляемыми из других провинций.

Одновременно с целью отвлечения советских войск из Панджшира возможна активизация диверсионных действий на дорогах и в провинциях, прилегающих к району боевых действий, а также нападений на советские и афганские гарнизоны и части.

В связи с этим предусматривается продолжение боевых действий до 15.05 в ущелье Панджшир с целью тщательного осмотра местности, отыскания складов, тайников и уничтожения укрывающихся и подходящих отрядов и групп противника, а также закрепления положения в центральной части ущелья силами афганских войск, царандоя, местных органов власти и нескольких подразделений советских войск.

В связи с отходом определенного количества отрядов из Панджшира в зеленую зону Чарикара предусмотреть проведение боевых действий по их уничтожению»<sup>10</sup>.

**В.А. Кирпиченко, генерал-лейтенант, первый заместитель начальника внешней разведки КГБ:**

«В руководстве ПГУ четыре человека с утра до вечера занимались афганскими делами — сам начальник В.А. Крючков, я, заместитель начальника разведки по этому району Яков Прокофьевич Медяник и заместитель начальника разведки — начальник Управления «С» Юрий Иванович Дроздов.

Я курировал, в частности, работу представительства КГБ, участвовал в многочисленных совещаниях по Афганистану и в КГБ, и за его пределами, и очень много времени уделял беседам с нашими сотрудниками, побывавшими в стране. В этих беседах решались различные текущие дела, но я, помимо этого, хотел понять перспективу развития событий. К сожалению, в своем подавляющем большинстве эти доклады были неутешительными. По-прежнему режим удерживал свои позиции только в Кабуле, а на периферии власть переходила из рук в руки, и нигде не было и намека на стабилизацию режима и поддержку его населением...

---

<sup>10</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 645—646.

Десятилетняя война в Афганистане разлагала нашу армию. Военные действия в чужой стране с малопонятными целями вызывали ненужную жестокость в обращении с населением, которое не без основания рассматривалось в качестве пособников моджахедов-душманов. Грабежи и насилия стали обычным, повседневным явлением...

Генералитет же систематически получал высокие звания и награды. Стало правилом, что генерал, выехавший на полгода в Афганистан, получал очередное генеральское звание, а нередко и Золотую Звезду Героя»<sup>11</sup>.

### **Из воспоминаний «афганца» А.Г.:**

«Далеко не все и из тех, кто был в Афганистане, имеют право сказать, что они были там. Все военные делились на три категории. Первая — действующий состав. Вот они на самом деле пороку нанюхались. Вторая — советники (за исключением, конечно, при командирах афганских полков). Эти «на войну» с женами приезжали. Третья — «к сапогу пристегнутые» — к генеральскому. А теперь все они — «афганцы». Одни на этой войне каждые сутки считали, а то и часы, как вот я, до отправки домой. А другие — рапорты писали, просили срок продлить. А что? Месяц за три идет...»<sup>12</sup>

**Из выступления маршала С.Ф. Ахромеева на заседании Политбюро ЦК КПСС осенью 1986 г. при обсуждении вопроса «О дальнейших мероприятиях по Афганистану»:**

«Военным действиям в Афганистане скоро семь лет. В этой стране нет ни одного кусочка земли, который бы не занимал

---

<sup>11</sup> *Кирпиченко В.А.* Разведка: лица и личности. М.: Гея, 1998. С. 360—363.

<sup>12</sup> *Полковник А.Г.* Мы ничего не добились. «Куранты», № 30(45). 15 февраля 1991. С. 7.

## Кому мы обязаны «афганом»?

советский солдат. Тем не менее, большая часть территории находится в руках у мятежников. Правительство Афганистана располагает значительной военной силой: 160 тысяч человек — в армии, 115 тысяч — в царандое и 20 тысяч — в органах госбезопасности. Нет ни одной военной задачи, которая ставилась бы, но не решалась, а результата нет. Мы проиграли войну за афганский народ. Правительство поддерживает меньшинство народа... в этих условиях война будет продолжаться долго»<sup>13</sup>.

\*\*\*

Таким предстает «афган» в устах его участников, от рядового до маршала. У каждого свой «афган», свои суждения о нем, свои оценки.

Что же касается другого, одного на всех «афгана», запечатленного в анналах нашей отечественной истории, то здесь совсем иные измерения:

— 14 453 рядовых и командиров Советской армии сложили свои головы на чужой афганской земле;

— 469 685 — были ранены, контужены или перенесли тяжелые заболевания. Многие стали инвалидами на всю оставшуюся жизнь;

— 417 солдат и офицеров попали в плен и только 119 из них удалось освободить, причем на родину вернулись лишь 97<sup>14</sup>.

А где и кем учтены сведения о том, у скольких тысяч «афганцев» по возвращении домой жизнь пошла наперекосяк, скольким пришлось пройти психологическую реабилитацию, сколько жен и детей лишились кормильцев, сколько семей распалось все из-за того же «афгана»?!

---

<sup>13</sup> Журнал «Ветеран границы», № 1—2. 1999. С. 50.

<sup>14</sup> Лобачев Г.С. Команда «Карпаты-1». Одесса: Астропринт, 2006. С. 17.

26 июня 1991 г. «Комсомольская правда» опубликовала под многоговорящим заголовком «Невозвращенец с последней войны» очерк — крик души матери, у которой, по ее словам, Афганистан отнял сына. Ниже приведены отрывки из этого очерка:

«...Я сама отправила его в армию, у него же была отсрочка. Я хотела, чтобы он стал мужественным. Уверяла, что армия сделает его лучше, сильнее. Я отправила его в Афганистан с гитарой. Сделала на прощанье сладкий стол. Он друзей своих позвал, девочек. Помню, десять тортов купила.

...Сейчас не знаю, какой он, мой сын? Какого я его получу через пятнадцать лет? Ему пятнадцать лет дали. Каким я его сделала? Он увлекался бальными танцами. Мы с ним в Ленинград в Эрмитаж ездили. Это Афганистан отнял у меня сына.

...Расскажи мне про Афганистан, — попросила однажды.  
— Молчи, мамка!

Когда его не было дома, я пересчитывала афганские письма, хотела докопаться, понять, что с ним. Ничего особенного в них не находила, писал, что скучает по зеленой траве, просил бабушку сфотографировать на снегу и прислать ему снимок.

...Только один раз он заговорил об Афганистане... Под вечер. Заходит на кухню, я кролика готовлю. Миска в крови. Он пальцами эту кровь промокнул и смотрит на нее. И сам себе говорит:

— Привозят друга с перебитым животом. Он просит, чтобы я его пристрелил. И я его пристрелил.

Пальцы в крови. От кроличьего мяса. Оно свежее... Он этими пальцами хватает сигарету и уходит на балкон. Больше со мной в этот вечер ни слова.

Пошла к врачам. Верните мне сына! Спасите! Все рассказала. Проверяли они его, смотрели. Кроме радикулита, ничего не нашли.

Прихожу раз домой: за столом — четверо незнакомых ребят.

— Мамка, они из «афгана». Я на вокзале их нашел. Им почевать негде.

— Я вам сладкий пирог сейчас испеку, — обрадовалась я.

Они жили у нас неделю. Не считала, но ящика три водки выпили... Я не хотела слушать их разговоры, пугалась. Нечаянно подслушала. Они говорили, что когда сидели в засаде по две недели, им давали стимуляторы, чтобы были смелее. Но это все в тайне хранится. Как убивали ножом. Каким оружием лучше убивать. С какого расстояния... Ой, — говорила я себе, — они все какие-то сумасшедшие, все ненормальные.

...Он уже поступил на подготовительный факультет в радиотехнический институт. Хорошее сочинение написал. Счастливым был, что все хорошо. Я даже начала думать, что успокаивается. Пойдет учиться, женится. Когда они уехали, к нему опять все вернулось. Сидит и весь вечер в стенку смотрит.

...Шло следствие. Оно шло несколько месяцев. Он молчал. Я поехала в Москву, в военный госпиталь Бурденко. Нашла там ребят, которые служили в спецназе, как и он. Открылась им.

— Ребята, за что мой сын мог убить человека?

— Значит, было за что.

Я должна была сама убедиться, что он мог это сделать. Убить. Долго их выспрашивала и поняла: мог. Разговор о смерти, убийстве не вызывал у них особенных чувств, таких чувств, какие она обычно вызывает у нормального человека, не увидевшего кровь. Они говорили об Афганистане, как о работе, где надо убивать.

...На суде только адвокат сказала, что мы судим больного. На скамье подсудимых — не преступник, а больной. Его надо лечить. Но тогда, это семь лет назад, тогда правды об Афганистане еще не было... Их всех называли героями. Воиннами-

интернационалистами. А мой сын убийца. Потому что он сделал здесь то, что они делали там.

Он убил человека моим кухонным топориком. А утром принес и положил его в шкафчик.

«...Я его мертвого ненавижу». Это он мне недавно написал. Уже пять лет прошло. Что там произошло? Молчит. Знаю только, что тот парень, звали его Юра, хвастался, что заработал в Афганистане много чеков. А после выяснилось, что служил он в Эфиопии, прапорщик. Про Афганистан врал...

Я завидую матери, у которой сын вернулся без обеих ног. Пусть он ненавидит всех... Пусть бросается на нее, как зверь. Пусть она покупает ему проститутку, чтобы он успокоился. Пусть он хочет ее убить за то, что она его родила. Пусть...».

\*\*\*

Картина одного на всех «афгана» будет неполной, если не упомянуть хотя бы в двух словах о том, как он аукнулся во внутривосточной и экономической ситуации Советского Союза, а также в его международных делах.

Как отмечает В.А. Кирпиченко, решение о вводе советских войск в Афганистан игнорировало вопросы внутреннего положения в СССР.

«Самое же прискорбное, — говорится в его мемуарах, — состояло в том, что не была учтена реакция населения на гибель наших солдат в Афганистане. Смерть и увечья молодых людей во имя непонятных «стратегических интересов» с каждым днем подрывали доверие населения Советского Союза к своим руководителям». И далее: «Потери нашей армии и громадная военная и экономическая помощь, сгоравшая в «черной дыре» за Пянджем, вызывали чувство протеста и действовали угнетающе»<sup>15</sup>.

---

<sup>15</sup> Кирпиченко В.А. Разведка: лица и личности. М.: Гя, 1998. С. 365.



## Кому мы обязаны «афганом»?

Не менее губительно сказался «афган» и на международных позициях Советского Союза.

«Введя войска в Афганистан и оставшись там на долгие годы, — пишет В.А. Кирпиченко, — мы дали хороший повод США для более активного вмешательства в дела этого региона и обеспечили ему надежных союзников в проведении антисоветского курса.

Высшее советское руководство не предусмотрело реакцию мусульманского мира на ввод войск. В одночасье мы потеряли в этом мире друзей и приобрели много врагов, да и «движение неприсоединения» отвернулось от нас...»<sup>16</sup>

Даже верные друзья Советского Союза не одобрили «афган»...

... 11 апреля 1980 г. в Гаване прошла встреча Фиделя Кастро с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС П.Н. Демичевым. В ней участвовал тогдашний советский посол на Кубе В.И. Воротников. Вот его заметки:

«...Расселись у стола, в креслах. Фидель не сел, ходит, дымит сигарой. Разговор начал отрывистыми, короткими фразами, с долгими паузами. Потом стал набирать темп, говорил напористо, с четкими акцентами, приводя логичные доводы, которые завершал ясными, недвусмысленными оценками. Он явно хотел выговориться в адрес нашего руководства, избрав мишенью Демичева как члена этого руководства. Ловя паузы, Петр Нилович пытался было вставить слово, но Фидель, как бы не замечая этого, продолжал говорить. Я молчал, прекратил свои попытки что-то сказать и Демичев. Короче, это был страстный, обличительный монолог Фиделя.

О чем шла речь? Вот ее тезисное содержание.

---

<sup>16</sup> Кирпиченко В.А. Разведка: лица и личности. М.: Гея, 1998. С. 361.

«...О развитии событий в Афганистане. Они оказались неожиданными для нас. Объективно говоря, общественное мнение не понимает ряда моментов этих событий. Главное — не сам ввод советских войск, а совпадение по времени смены руководства в ДРА. Вопрос: как произошло такое совпадение: ввод войск, акция советских «коммандос» в Кабуле и смена правительства Амина? Мне самому трудно поверить, что Б. Кармаль смог собрать силы против Амина! Он же был в подполье. Как он мог это сделать? За несколько дней пребывания в Кабуле это невозможно! Мы оказались в неведении относительно произошедшего в Афганистане, одной из ведущих стран движения Неприсоединения. Повторяю, что не ставлю под сомнение сам факт ввода, что смена была необходима, но... вы знаете, как складывается сейчас общественное мнение! Мы предложили свои добрые услуги в урегулировании обстановки в стране, являющейся членом ДН, получили вроде бы поддержку, но пока идет переписка, конкретных скоординированных действий нет.

События в Афганистане, конечно, отразились на соседней стране, ее отношении к нам. Куба постоянно живет под прессингом США. Собираются проводить маневры, усиливается агрессивный тон».

Никогда до этого и после я не видел кубинского лидера таким возбужденным в общении с советскими представителями. Собственно, по существу он не говорил ничего нового, но по форме поведение Фиделя было необычным. Чувствовалось, он высказывает накопившееся, наболевшее... Он был взвинчен, говорил жестко, в агрессивной манере, его аргументация была четкой, лаконичной, безапелляционной.

...П.Н. Демичев поблагодарил Ф. Кастро за откровенный, хотя и нелицеприятный разговор, сказал, что по возвращении в Москву информирует о беседе Политбюро ЦК»<sup>17</sup>.

---

<sup>17</sup> Газета «Советская Россия», № 8 (12053). 20 января 2001. С. 3.

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

\*\*\*

«Тезис о том, что ввод наших войск в Афганистан был ошибкой советского руководства, — как бы подытоживает В. Кирпиченко, — получил широкое распространение в мире, в этом никто уже как бы и не сомневается».<sup>18</sup>

А затем вопрошает: «Так все-таки зачем мы влезли в Афганистан?»<sup>19</sup>

---

<sup>18</sup> *Кирпиченко В.А.* Разведка: лица и личности. М.: Гя, 1998. С. 364—365.

<sup>19</sup> Там же.

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

### **Коминтерн: Афганистан, Монголия, далее везде**

«Афганистан сам по себе никакой цены не представляет, — утверждал А.Е. Снесарев в своей книге «Афганистан», изданной в 1921 г. — Это горная страна, лишенная дорог, с отсутствием технических удобств, с разрозненным и ненадежным населением, а это население, сверх того, еще и свободолюбиво, отличается гордостью, дорожит своей независимостью. Последнее обстоятельство ведет к тому, что если этой страной и можно овладеть, то удержать ее в руках очень трудно. На заведение администрации и наведение порядка потребуется столько ресурсов, что страна этих затрат никогда не вернет: ей вернуть не из чего. Поэтому мы должны сказать со всей откровенностью, что в истории столетней борьбы между Англией и Россией Афганистан сам по себе никакой роли не играл и ценность его всегда была косвенной и условной. Если вдуматься в существо его политической ценности, то она, главным образом, сводится к тому, что Афганистан включает в себя операционные пути в Индию. История это иллюстрирует: она насчитывает двадцать великих нашествий на Индию на пространстве четырех тысячелетий. Издавна народы-властелины стремились в Индию, обычно с целью наживы, и всегда... шли через Афганистан. Других дорог не было. И вот

## Кому мы обязаны «афганом»?

это обстоятельство... делает его политически ценным, придает ему определенный удельный вес...»<sup>20</sup>

Три последних «великих нашествия» на протяжении XIX—XX вв. были предприняты крупнейшей колониальной державой мира — Великобританией. Очень уж ей хотелось прибрать к рукам афганские «операционные пути», дабы надежно контролировать не только Индию, но и все остальные колониальные приобретения в Азии. Не получилось. Все три попытки окончились позорным поражением. Вымуштрованная и прекрасно оснащенная новейшим по тем временам оружием армия Его Величества не смогла одолеть вооруженных в основном допотопными ружьями афганцев. И каждый раз, несолоно хлебавши возвращалась восвояси.

\* \* \*

«Афганец может терпеливо вынести личные несчастья или бедность, но его нельзя заставить примириться с чужеземной властью, — пишет, как бы подтверждая оценки А.Е. Снесарева, известный афганский историк и экономист Мухаммад Али. — Афганца невозможно покорить ни насилием, ни мирным путем, ничто не может принудить его отказаться от любви к независимости — самой сущности его натуры. Чужеземцы, которые оказались не в состоянии понять этого и пытались лишить афганцев их национальной независимости, были вынуждены дорого заплатить за свое безрассудство».<sup>21</sup>

Объективности ради следует заметить, что в 1880 г. англичанам удалось договориться с афганским эмиром о том, что «операционные пути» перейдут под контроль Лондона, а

---

<sup>20</sup> *Снесарев А.Е.* Афганистан. Государственное издательство, 1921. С. 212—213.

<sup>21</sup> *Мухаммед Али.* Афганистан. М.: Госиздат географической литературы, 1957. С. 76.

Кабулу взамен будет гарантирован беспрепятственный импорт через Индию необходимых афганской армии вооружений, боеприпасов, амуниции и прочих товаров. Кроме этого англичане выразили готовность ежегодно выплачивать довольно солидные по тем временам денежные субсидии. Это устроило официальный Кабул.

В 1907 г. Лондон еще дальше «отодвинул» царскую Россию от ее южного соседа. Воспользовавшись трудностями, возникшими у России после поражения в Русско-японской войне 1905 г., англичане навязали царскому правительству так называемую «Конвенцию о зонах влияния в Азии», согласно которой Афганистан объявлялся зоной безоговорочного влияния Англии, а Россия обязывалась выстраивать отношения со своим южным соседом только лишь с предварительного одобрения англичан.

После того как 26 октября 1917 г. в Москве был сформирован Совет Народных Комиссаров, первое правительство первого в мире коммунистического государства, афганскому эмиру Хабибулле-хану незамедлительно было направлено подписанное В. Лениным предложение об установлении прямых, непосредственных отношений дружбы и добрососедства между коммунистической Россией и мусульманским Афганистаном. При этом была выражена готовность Москвы направить в Кабул своего полномочного представителя.

В Лондоне инициативу Москвы похоронить «Конвенцию о зонах влияния в Азии» и установить с Кабулом прямые двусторонние отношения расценили как едва прикрытый фиговым листком удар по стратегическим позициям мирового, прежде всего, английского колониализма в Азии и намерение посеять там семена «мировой коммунистической революции».

Лондон незамедлительно оказал давление на Кабул, и эмир Хабибулла-хан предпочел скорее отвергнуть предложение свос-

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

го северного соседа, нежели лишиться английских субсидий. Однако после того, как в 1919 г. Хабибулла-хан пал от руки убийцы и власть перешла к его сыну Аманулле-хану, ситуация в корне изменилась. Фортуна повернулась лицом к Советской России и спиной — к колониальной Англии.

28 февраля 1919 г. в главной мечети Кабула новый правитель королевства торжественно провозгласил независимость «Страны афганцев» и аннулировал все привилегии английских колонизаторов, включая и контроль над внешней политикой Афганистана.

Лондон оцетинился. К границе с Афганистаном были подтянуты специальные подразделения колониальных войск, имевшие опыт карательных операций в Африке и на Ближнем Востоке, общей численностью 340 тысяч штыков. По другую сторону границы им противостояли отряды примитивно вооруженных афганцев численностью около 60 тысяч штыков. В Лондоне, естественно, полагали, что статус-кво в англо-афганских отношениях будет восстановлен без особого труда. Но этого не случилось. Профессиональные колонизаторы не смогли противостоять мелким и очень маневренным отрядам афганского ополчения, которые то внезапно атаковали англичан, то так же внезапно исчезали, уклоняясь от классического открытого боя.

В результате посрамленные англичане вынуждены были подписать 8 августа 1919 г. так называемый «Равалпиндский договор» о признании, с оговоркой «временно», независимости Афганистана. Смирился Лондон и с установлением прямых отношений между Москвой и Кабулом.

\*\*\*

В Москве афганские события находили самый благоприятный отклик и, естественно, проецировались на свой внешнеполити-

ческий курс, сформулированный В. Лениным как раз накануне Октябрьской революции: «В союзе с революционерами передовых стран и со всеми угнетенными народами против всяких и всех империалистов — такова внешняя политика пролетариата»<sup>22</sup>.

По замыслу В. Ленина, претворять эту внешнюю политику в жизнь предстояло не только и не столько правительству Советской России, сколько Коммунистическому Интернационалу (Коминтерну), созданному по его инициативе и под его руководством.

Выступая 2 марта 1919 г. на открытии 1-го конгресса Коминтерна, В. Ленин, что называется, открытым текстом оповестил международную общественность о том, что в Москве приступает к работе штаб мировой коммунистической революции. Коминтерн, как заявил он, «по существу дела должен действовать и фактически представлять собой единую всемирную партию, отдельными секциями которой являются партии, действующие в каждой стране»<sup>23</sup>. И далее: «Можно поручиться, что победа коммунистической революции во всех странах неминуема... победа Коммунистического Интернационала во всем мире и в срок не чрезвычайно далекий — эта победа обеспечена»<sup>24</sup>.

В этом ключе В. Ленин обосновывал и направлял текущую деятельность своего детища. Вот некоторые из его наставлений:

— в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма<sup>25</sup>;

<sup>22</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 337.

<sup>23</sup> Там же. Т. 37. С. 489.

<sup>24</sup> Там же. Т. 37. С. 485.

<sup>25</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 38.



## Кому мы обязаны «афганом»?

— окончательно может победить только пролетариат всех передовых стран мира... но мы видим, что они не победят без помощи трудящихся масс всех угнетенных колониальных народов, и в первую голову народов Востока<sup>26</sup>.

«Просыпающимся народам Востока», в рядах которых значился и разгромивший англичан афганский народ, В. Ленин отводил особую роль в «грядущей» мировой пролетарской революции. «Исход борьбы, — говорил он, — зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т.п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена»<sup>27</sup>.

Отсюда, по его убеждению, вытекали задачи и советской власти, и Коминтерна.

«Теперь нашей Советской республике, — указывал В. Ленин, — предстоит сгруппировать вокруг себя все просыпающиеся народы Востока, чтобы вместе с ними вести борьбу против международного империализма»<sup>28</sup>.

И еще:

«Не может быть никаких споров о том, что пролетариат передовых стран может и должен помочь отсталым трудящимся массам и что развитие отсталых стран может выйти из своей нынешней стадии, когда победоносный пролетариат советских республик протянет руку этим массам и сможет оказать им поддержку»<sup>29</sup>.

---

<sup>26</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 38.

<sup>27</sup> Там же. Т. 39. С. 330.

<sup>28</sup> Там же. Т. 41. С. 246.

<sup>29</sup> Там же. Т. 39. С. 329.

Вождя мирового пролетариата не смущал тот факт, что «важнейшей характерной чертой этих (т.е. «проссыпающихся»). — А.Ж.) стран является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения, и поэтому там не может быть и речи о чисто пролетарском движении»<sup>30</sup>.

И еще: «Было бы утопией думать, что пролетарские партии, если они вообще могут возникнуть в самых отсталых странах, смогут, не находясь в определенных отношениях к крестьянскому движению, не поддерживая его на деле, проводить коммунистическую политику в этих отсталых странах»<sup>31</sup>.

Именно этими проблемами, заявлял В. Ленин, и должен заниматься Коминтерн — «специально поддерживать в отсталых странах крестьянское движение против помещиков, против крупного землевладения, против всяких проявлений или остатков феодализма и придавать крестьянскому движению наиболее революционный характер, осуществляя возможно более тесный союз западноевропейского коммунистического пролетариата с революционным движением крестьян на Востоке, в колониях и отсталых странах вообще».

Главная же задача Коминтерна формулировалась предельно просто — «вести политику осуществления самого тесного союза всех национально- и колониально-освободительных движений с Советской Россией»<sup>32</sup>.

\*\*\*

27 марта 1919 г. Советская Россия первой в мире объявила о признании независимости Афганистана и готовности установить с ним в полном объеме дипломатические отношения.

<sup>30</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 245.

<sup>31</sup> Там же. Т. 41. С. 244.

<sup>32</sup> Там же. Т. 41. С. 241.

## Кому мы обязаны «афганом»?

В отличие от эмира Хабибуллы-хана его преемник эмир Аманулла-хан отнесся к дружескому акту **шурави** с явным удовлетворением и поспешил выразить готовность направить в Москву полномочную делегацию для переговоров по всем интересующим обе стороны вопросам.

В конце апреля 1919 г. «афганское чрезвычайное посольство во главе с Мухаммадом Вали-ханом» выехало из Кабула в Москву. В июне оно прибыло в Ташкент и задержалось там до конца сентября, поскольку железнодорожное сообщение между Советским Туркестаном и Москвой было восстановлено лишь после разгрома белогвардейцев на Южном Урале. Десятого октября афганская миссия прибыла в Москву и 12 октября была принята коллегией Народного комиссариата по иностранным делам. А 14 октября с ней встретился Председатель Совнаркома В.И. Ленин.

Так были установлены дипломатические отношения коммунистической России с мусульманским Афганистаном. Разуместся, каждая из сторон по-своему восприняла этот исторический факт, у каждой были свои планы, свои надежды на перспективы развития двусторонних отношений.

В связи с этим довольно интересным представляется отчет об этой встрече, опубликованный 17 октября на страницах «Правды» и «Известий ВЦИК». Ниже приводится его полный текст:

«Гов. Ленин встретил посла в своем рабочем кабинете со словами: «Я очень рад видеть в красной столице рабоче-крестьянского правительства представителя дружественного нам афганского народа, который страдает и борется против империалистического ига».

На это посол ответил: «Я протягиваю Вам дружескую руку и надеюсь, что Вы поможете освободиться от гнета европейского империализма всему Востоку».

Во время начавшейся затем беседы тов. Ленин говорил, что Советская власть, власть трудящихся и угнетенных, стремится именно к тому, о чем говорил афганский чрезвычайный посол, но что необходимо, чтобы мусульманский Восток это понял и помогал Советской России в великой освободительной войне. Посол на это ответил, что он может утверждать, что мусульманский Восток это понял и что близок тот час, когда весь мир увидит, что европейскому империализму нет места на Востоке.

Потом посол встал и со словами: «Имею честь вручить главе свободного русского пролетарского правительства письмо от моего повелителя, и надеюсь, что то, о чем говорит афганское правительство, обратит на себя внимание Советской власти», — подал тов. Ленину письмо эмира. Тов. Ленин ответил, что с величайшим удовольствием принимает это письмо и обещает в скором времени дать ответ на все интересующие Афганистан вопросы».

Вскоре В.И. Ленин действительно направил афганскому эмиру ответное письмо, в котором, в частности, говорилось:

«Установлением постоянных дипломатических сношений между двумя великими народами откроется широкая возможность взаимной помощи против всякого посягательства со стороны иностранных хищников на чужую свободу и чужое достояние»<sup>33</sup>.

28 февраля 1921 г. устоявшиеся, проверенные на практике добрососедские отношения между Советской Россией и Афганистаном были официально скреплены советско-афганским договором о дружбе, по которому Москва соглашалась содействовать своему южному соседу в переоснащении его армии различными видами новейших по тем временам вооружений,

<sup>33</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 241.

включая передачу двенадцати самолетов, каковых в афганской армии еще не было, а также поставить необходимые боеприпасы, амуницию и прочие товары армейского назначения.

Другим направлением братской помощи афганцам со стороны **шурави** стало оборудование телеграфной линии Кушка — Герат — Кандагар — Кабул. Ну и, конечно, договором предусматривалась щедрая финансовая подпитка Кабула.

Договор дал мощный импульс дальнейшему развитию советско-афганских отношений во всех сферах политической, социально-экономической и культурно-просветительской деятельности. Во всех, кроме одной — идеологической.

Афганцы неоднократно подавали Москве сигналы о том, что они видят себя только нейтральным, суверенным и независимым от кого бы то ни было государством. Не случайно, подписывая советско-афганский договор о дружбе, они в том же 1921 г. заключили: 16 марта договор о дружбе с Турцией, 22 июня — аналогичный договор с Ираном и, наконец, 21 ноября — мирный договор с дотоле ненавистной им Великобританией, которая без всяких оговорок признала независимость Афганистана. Подобными шагами Кабул как бы говорил Москве и миру о том, что афганцы, обретя независимость, готовы со всеми странами поддерживать добрые отношения на принципах равноправия и взаимного уважения.

Но эти принципы, как они поняли, не корреспондировались с деятельностью Коминтерна по идейно-политическому перевоспитанию «просьпающихся народов Востока», привитию им марксистско-ленинского мировосприятия и вовлечению в борьбу под эгидой Москвы против международного империализма за построение нового коммунистического будущего, в котором «кто был никем, тот станет всем». Этим целям были посвящены проводившиеся Коминтерном всевозможные съезды,

конференции и прочие форумы с неременным приглашением делегаций народов Востока.

Как это выглядело на практике, достаточно красноречиво отражено, например, в воспоминаниях А. Микояна, соратника В. Ленина:

В конце июня 1920 г. Исполкомом Коминтерна и ЦК РКП(б), вспоминает Анастас Иванович, было принято решение о созыве в Баку 1-го съезда народов Востока. «Это был съезд, — свидетельствует он, — не только коммунистов, но и беспартийных, антиимпериалистически настроенных национальных деятелей, представителей широких масс трудящихся и их организаций. В нем приняли участие представители тридцати семи национальностей, в том числе из Афганистана, Египта, Персии, Китая, Кореи, Сирии, Турции и других стран, треть из них не была коммунистами.

Съезд начал свою работу 1 сентября 1920 года... Съезд работал неделю и принял ряд важных решений, выразил солидарность с тезисами состоявшегося за месяц до этого 2-го конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам...

Ленин дал весьма высокую оценку этому съезду... Говоря о 2-ом конгрессе Коминтерна и съезде народов Востока в Баку, он отметил, что «это те международные съезды, которые сплотили коммунистов и показали, что... во всех отсталых восточных странах большевистское знамя, программа большевизма, образ действий большевиков — есть то, что для крестьян всех отсталых колониальных стран является знаменем спасения, знаменем борьбы, что действительно Советская Россия за эти три года не только отбила тех, кто бросался, чтобы ее душить, но и завоевала себе сочувствие трудящихся во всем мире, что мы не только разбили наших

## Кому мы обязаны «афганом»?

врагов, но мы приобрели и приобретаем себе союзников не по дням, а по часам»<sup>34</sup>.

И еще из воспоминаний А. Микояна:

«2-го декабря 1919 г. в Москве начала работу 8-я партийная конференция. Она продолжалась три дня, в течение которых было проведено шесть заседаний... После принятия порядка дня были заслушаны два приветствия. Первым приветствовал конференцию Султан-Галиев от имени 2-го Всероссийского съезда мусульманских коммунистических организаций народов Востока. Коммунисты мусульманских народов, говорил Султан-Галиев, понесут на Восток красное знамя, революционное знамя коммунизма, полученное из рук наших учителей — товарищей русских коммунистов, и разбудят спящий Восток»<sup>35</sup>.

Афганцы даже в самом страшном сне не могли представить, чтобы их «знаменем спасения, знаменем борьбы» за независимость, свободу и самобытность стало чужеродное знамя, да еще какое — знамя коммунистов-безбожников! «Большевистское знамя, программа большевизма, образ действий большевиков»!

С тем, чтобы избавить себя от подобной перспективы и не оказаться вовлеченными в борьбу за коммунистический передел мира, они в 1926 г. побудили **шурави** подписать двусторонний советско-афганский договор «О нейтралитете и взаимном ненападении». Это был четкий, категоричный сигнал Москве о том, что Кабул двумя руками за развитие и углубление дружественных отношений во всех сферах жизнедеятельности, кроме одной — идеологии. «Мы нейтральны, таковыми были, есть и будем. У нас свое, традиционное восприятие мира, и религия наша ислам несовместима с вашим коммунизмом».

<sup>34</sup> Микоян А.И. Мысли и воспоминания о Ленине. М.: Госполитиздат. 1970. С. 49—50.

<sup>35</sup> Там же. С. 51—53.

Этот посыл пронизывал договор «О нейтралитете и о взаимном ненападении». Ни с одной другой страной такого договора у Афганистана не было.

В Москве, разумеется, поняли позицию афганцев, но сосориться не стали. Там исходили из того, что, как говорят в народе, «всему свое время» или «терпение и труд все перетрут».

Советско-афганское сотрудничество продолжало расширяться и углубляться. В 1928 г. вошла в строй первая воздушная линия по маршруту Москва — Ташкент — Кабул, а в Герате и Мазари-Шерифе открылись советские консульства.

Москва наращивала свое присутствие в Афганистане, а тот старался с помощью северного соседа осовременивать свою страну в надежде поскорее расстаться со средневековой отсталостью и нищетой, сохраняя при этом свою самобытность и, конечно, нейтралитет.

\*\*\*

...После афганской миссии Мухаммада Вали-хана в столицу мировой революции пожаловали представители еще одного «проснувшегося народа Востока» — монголов.

Если Афганистан — страна гор, то Монголия — страна степей и пустынь. В мировую историю этот древний народ вписал себя лихими набегами гикающих орд Чингисхана, сумевшего покорить полмира. Заложенная им структура феодального общества просуществовала в первозданном виде семь столетий, пока в 1921 г. не грянула революция и на политической карте мира не появилась Монгольская Народная Республика. Перед ее руководителями встали те же проблемы, что и перед афганцами: как вытащить страну из средневековья? Как поскорее покончить с нищетой и отсталостью? Правда, в отличие от афганцев монголы сподобились на социалистическую революцию.



Для В.И. Ленина они были не только друзьями, но и единомышленниками. Он и принял их как единомышленников.

Вот как это судьбоносное для МНР событие было описано в 1969 г. в сборнике «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине»:

«Беседа В.И. Ленина с делегацией Монгольской Народной Республики состоялась в Кремле 5 ноября 1921 г. Делегация прибыла в Москву 2 ноября. В ее состав входили: Данзан — председатель делегации, министр финансов и председатель ЦК Монгольской народно-революционной партии; Сухе-Батор — главнокомандующий народно-революционной армией и военный министр; Е. Церендорж — заместитель министра иностранных дел; Чжон-Вап-Ширнин-Дандин — представитель религиозных кругов, неофициальный член делегации; Батухан — советник и ответственный переводчик»<sup>36</sup>.

Далее в публикации приводятся воспоминания участника встречи Б. Церендоржа:

«Ленин долго беседовал с членами делегации. Он внимательно слушал наши рассказы, живо интересовался самыми разными вопросами жизни народной Монголии, давал полезные советы. В частности, Владимир Ильич обратил наше внимание на необходимость поднять уровень просвещения и культуры монгольского народа, одновременно подчеркнув, что нужно всемерно развивать собственную экономику с целью удовлетворения всех потребностей народа»<sup>37</sup>.

В несколько ином ключе эта же беседа была изложена в протоколах 9-го съезда МНРП, состоявшегося 28 сентября — 5 октября 1934 г. Вот ее официальный текст:

---

<sup>36</sup> Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969. Т. 5. С. 440.

<sup>37</sup> Там же. С. 51—53.

«Беседа с делегацией Монгольской Народной Республики  
5 ноября 1921 г.

Первый вопрос монгольской делегации: «Как Вы, тов. Ленин, относитесь к созданию в нашей стране народно-революционной партии и что является главным для нас?»

Тов. Ленин разъяснил нашей делегации международное положение нашей страны и указал, что в силу географического положения МНР империалистические державы в случае войны будут стремиться захватить нашу страну и превратить ее в плацдарм военных действий против другой страны. Поэтому, — сказал тов. Ленин, — единственно правильным путем для всякого трудящегося вашей страны является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России. Эту борьбу изолированно вести нельзя, поэтому создание партии монгольских аратов является условием успешности их борьбы.

Второй вопрос монгольской делегации: «Будет ли победоносной национально-освободительная борьба?»

Ответ тов. Ленина:

«Я сам участвую в революционном движении тридцать лет и по личному опыту знаю, как трудно любому народу освободиться от своих внешних и внутренних поработителей. Но, несмотря на то, что Монголия — страна скотоводческая, а основная масса ее населения — пастухи-кочевники, она достигла в своей революции больших успехов, а главное — закрепила эти успехи созданием своей народно-революционной партии, задача которой стать массовой и не быть засоренной чуждыми элементами».

Третий вопрос монгольской делегации: «Не следует ли народно-революционной партии превратиться в коммунистическую?»

Ответ тов. Ленина:

«Я этого не рекомендую, так как «превратиться» одной партии в другую нельзя». Разъяснив сущность коммунистической партии как партии пролетариата, тов. Ленин сказал: «Много еще надо будет поработать революционерам над своим государственным, хозяйственным и культурным строительством, пока из пастушеских элементов создастся пролетарская масса, которая впоследствии поможет «превращению» народно-революционной партии в коммунистическую. Простая перемена вывески вредна и опасна».

Тов. Ленин широко развил нашей делегации идею возможности и необходимости некапиталистического развития МНР, причем главным условием, обеспечивающим переход на путь некапиталистического развития, является усиление работы народно-революционной партии и правительства, чтобы в результате этой работы и усиления влияния партии и власти росли кооперативы, прививались бы новые формы хозяйствования и национальной культуры, чтобы вокруг партии и правительства спланировалось аратство за экономическое и культурное развитие страны. Только из островков нового хозяйственного уклада, созданного под влиянием партии и правительства, сложится новая некапиталистическая экономическая система аратской Монголии»<sup>38</sup>.

3 ноября Ленин направил записку председателю Малого СНК с просьбой рассмотреть соглашение с Монгольской Народной Республикой. Малый СНК, рассмотрев это соглашение, одобрил его.

5 ноября 1921 г. было подписано соглашение между представителями РСФСР и МНР, по которому обе стороны обязались не допускать пребывания и формирования на своей территории

---

<sup>38</sup> Сборник «Девятый съезд Монгольской Народно-Революционной партии — 28 сентября — 5 октября 1934 года». Улан-Батор: Современная Монголия. 1934.

групп, враждебных другой стороне, установили соглашение о порядке назначения дипломатических и консульских представителей, определения государственной границы; были установлены основные положения таможенной политики. Советское правительство передало правительству МНР принадлежащие РСФСР в Монголии телеграфные сооружения.

Так был дан старт первому в истории человечества эксперименту, в результате которого Монголии, безвылазно значившейся в списке наименее развитых в политическом, социально-экономическом и культурно-просветительском отношениях стран мира, предназначено было совершить грандиозный по историческим меркам скачок из раннего средневековья в двадцатый век, из феодализма напрямик в социализм, минуя капитализм.

\*\*\*

Как видим, еще на заре советской власти В.И. Ленин не просто вынашивал, но и самым активным образом старался внедрять на практике обуревавшую его идею мировой коммунистической революции, руководящим и направляющим штабом которой он видел Коминтерн.

Именно с этих позиций он выстраивал отношения Советской России с Афганистаном и Монголией, которые были одними из первых среди «просыпавшихся народов Востока», кто установил прямые дружественные контакты с Москвой.

### **Эмиры приходят и уходят, но отношения с шурави не меняются**

У афганцев нет единого мнения об Аманулле-хане. Для одних он — национальный герой, который и с английскими колонизаторами «разобрался», и страну принялся выгаскивать

## Кому мы обязаны «афганом»?

из трясины средневековья, активно приобщая к стандартам современной жизни.

Другие же раздражаются при одном упоминании его имени. Он-де сущий дьявол, вознамерившийся порушить всками устоявшийся самобытный уклад жизни афганцев, не считаясь при этом с уходящими в глубь веков традициями и обычаями, с непререкаемыми заветами предков.

Наконец, есть и такие, кто предпочитает придерживаться «золотой середины»: за что-то воздать эмиру хвалу, а с чем-то не согласиться.

Историк Мухаммед Али — из числа таковых. Вот как он преподносит эмира Амануллу-хана в одном из своих исследований:

«Король Аманулла-хан, который вступил на престол в 1919 г., активно содействовал развитию современного образования. Во время его правления, продолжавшегося до конца 1928 г., во всех районах страны было открыто большое количество школ. Кроме того, сотни студентов были направлены за границу для получения европейского образования. Однако поспешные меры Амануллы-хана в различных областях государственной жизни привели к падению его власти. Полная неудача постигла и обширные общеобразовательные программы Амануллы-хана, так что королю Надиршаху, вступившему на престол в октябре 1929 г., пришлось начинать все сначала»<sup>39</sup>.

Какие же поспешные меры, ставшие причиной падения Амануллы-хана, имел в виду Мухаммед Али?

Они достаточно широко известны:

— Отмена сохранявшихся на тот момент в афганском обществе пережитков рабства.

— Запрет ранних браков.

---

<sup>39</sup> Мухаммед Али. Афганистан. М.: Госиздат географической литературы, 1957. С. 92.

— Отмена таких традиционных обычаев, как покупка жен и переход овдовевших женщин в качестве жен к брату умершего.

— Массовая отправка афганских студентов на учебу за границу: в Турцию, Германию и ряд других европейских стран.

— Принятие в 1923 году первой в истории Афганистана конституции.

В Кабуле Аманулла-хана называли «эмиром-революционером», а в кишлаках — «эмиром-безбожником», заслуживающим лишь проклятия.

Очаги недовольства его нововведениями постепенно стали возникать то в одной, то в другой провинции. Обстановка в стране становилась все более взрывоопасной.

В начале декабря 1928 г. взбунтовалась Восточная провинция. Мятежники овладели Джелалабадом и разгромили там эмирские дворцы. Аманулла-хан был вынужден срочно перебросить туда значительную часть столичного гарнизона и военные подразделения из Южной провинции, а также из северных и западных районов и даже резервные части из Мазари-Шерифа, Герата, Кандагара и Катагана. Настолько серьезной была ситуация.

Этим не замедлило воспользоваться недовольное «эмиром-безбожником» мусульманское духовенство, опасавшееся утраты своих традиционных привилегий не только в городах, но и в кишлаках.

13 декабря около двух тысяч бедняков, подстрекаемых муллами и вооруженных в основном топорами и палками, неожиданно для Амануллы-хана напали на Кабул, захватив без особого труда сначала главный форпост столицы — крепость Калаи-Мурад-бек, а затем — летнюю резиденцию эмира — дворец Баг-и-Бала.

В столь критической ситуации Аманулла-хан решил опереться на остатки столичного гарнизона, но главным об-

## Кому мы обязаны «афганом»?

разом — на простых горожан, которым было роздано около пятидесяти тысяч винтовок. Однако получив в руки оружие, горожане перешли на сторону мятежников. За ними последовали и остатки столичного гарнизона.

14 января 1929 г. эмир Аманулла-хан объявил о своем отречении от престола и отбыл в Кандагар под защиту лояльного ему Мухаммада Надиршаха. Там они сообща приняли решение о восстановлении королевского статуса «революционного эмира» и с этой целью в апреле 1929 г. выступили с верными им войсками из Кандагара на Кабул.

Успех сопутствовал им. Мятежники терпели одно поражение за другим. Казалось, что возвращение Амануллы-хана на королевский трон не за горами. Этого жаждали и в Москве.

### **Незапланированная репетиция «афгана»**

«Отец народов» был активным приверженцем ленинской идеи мировой пролетарской революции. И «революционный эмир» виделся ему далеко не лишней фигурой в этом планетарном процессе. Поэтому он, не раздумывая, решил помочь попавшему в беду другу.

По негласному распоряжению И.В. Сталина в Среднеазиатском военном округе (САВО) из подразделений 81-го кавалерийского и 1-го горнострелкового полков, а также 7-го конного горного артиллерийского дивизиона был сформирован спецотряд численностью в тысячу штыков. Командовать спецназовцами поручалось комкору В.И. Примакову<sup>40</sup>, имевшему

---

<sup>40</sup> Примаков В.И. (1897—1937) — видный военачальник времен Гражданской войны. Организатор и командующий Второй конной армией. Кавалер трех орденов Боевого Красного Знамени. Был военным советником в Китае, военным атташе в Афганистане и Японии. Командовал корпусом, был заместителем командующего войсками

опыт работы в Кабуле в качестве военного атташе советского посольства. Спецназ же он принял в облике турецкого офицера Рагиб-бея.

Спецназовцы прошли соответствующий инструктаж, облачились в афганскую военную форму и весной, ведомые командиром, переправились на афганскую территорию. Там их встретил со своим отрядом Гулям Наби-хан, активный сторонник Амануллы-хана, обещавший спецназовцам, что на пути их следования к Кабулу к ним присоединятся тысячи и тысячи афганских воинов, мечтающих о возвращении к власти «революционного эмира». Реальность оказалось иной.

Жители кишлаков и городов по пути следования спецназовцев встречали их как непрощенных чужеземных захватчиков. Враждебное отношение зачастую выливалось в открытое сопротивление. Тем не менее отряду Примакова удалось занять города Мазари-Шериф, Дайдади, Балх и Ташкурган. Особенно ожесточенными были бои за Ташкурган, где спецназовцам противостояла целая дивизия регулярной афганской армии под командованием Сеида Гусейна.

Далее на пути отряда стоял город Айбак. И тут произошло судьбоносное для спецназовцев событие.

26 мая 1929 г. эмир Аманулла-хан к немалому удивлению даже своего ближайшего окружения и, тем более, Москвы объявил о том, что завершить столь успешно развивающуюся борьбу за восстановление королевской власти в Кабуле он всецело доверяет своему верному сподвижнику Мухаммаду Надиршаху, а сам со своими близкими отправляется в пожизненную эмиграцию. Решение Амануллы-хана хоть и произвело,

---

Ленинградского военного округа. Расстрелян 12 июня 1937 г. по обвинению в заговоре вместе с М. Тухачевским и другими военачальниками. — А.Ж.



## Кому мы обязаны «афганом»?

особенно в Москве, эффект разорвавшейся бомбы, не было спонтанным, непродуманным. Оно диктовалось реальным раскладом сил и учетом афганской традиции.

Дело в том, что в ходе успешного продвижения войск на Кабул изначально под совместным руководством Амануллы-хана и Мухаммада Надиршаха фортуна популярности и авторитета в офицерской и солдатской среде постепенно развернулась в сторону последнего. А кончилось тем, что пуштуны и хазарейцы, составлявшие костяк войск, провозгласили Надиршаха своим эмиром. Они по-прежнему уважительно относились к Аманулле-хану, но только как ко второму, а не первому предводителю. Что это означает и к чему рано или поздно приведет, «эмир-революционер» прекрасно понимал: двум медведям в одной берлоге не ужиться. Точно так же и с королевским тронном — на нем место лишь для одного.

Отсюда взвешенное и, пожалуй, единственно правильное в сложившихся обстоятельствах решение Амануллы-хана. Оно укрепляло веру афганцев в законную королевскую власть как символ единства и независимости Афганистана. Как выразился один из организаторов «афгана», заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС Р.А. Ульяновский, «в отличие от многих колониальных и зависимых стран в Афганистане борьба против английского колониализма за восстановление независимости проходила под руководством монархии. Последовавшая затем в двадцатые годы эпоха «просвещенного абсолютизма» создала вокруг монархии ореол прогрессивной силы и оплота национального суверенитета»<sup>41</sup>.

Не последнюю роль сыграло и то, что своим решением Аманулла-хан сохранял жизнь себе и своим близким.

---

<sup>41</sup> Подробнее см.: Ульяновский Р. Победы и трудности национально-освободительной борьбы. М., 1985. С. 200.

Из Кандагара он с семьей перебрался в Индию, в Бомбей. Оттуда — во Францию. Впоследствии многие годы провел в Италии. А завершил свой долгий жизненный путь в 1960 г. в Швейцарии, в Цюрихе.

Добровольный уход «революционера» и «безбожника» с политической арены Афганистана лишил всякого смысла дальнейшее существование спецотряда Примакова. Реакция И.В. Сталина последовала незамедлительно: отряду немедленно покинуть афганскую территорию и вернуться в прежние места дислокации. Что и было сделано.

Штабу Среднеазиатского военного округа строжайше предписывалось ни единым словом не упоминать об отряде специального назначения в исторических формулярах и прочих документах округа. В результате официальный отчет о действиях спецназовцев в Афганистане трансформировался следующим образом:

«Во второй половине апреля Гулям-Наби-хан перешел к активным действиям и стремительно занял Мазари-Шериф. Выбитые из города солдаты Хабибуллы пытались несколько раз отбить Мазари-Шериф из рук Гулям-Наби-хана. Первого мая город был окружен, вода отрезана. Шестого мая на помощь Гулям-Наби-хану подошла поддержка в лице хазарейцев, дезертировавших из правительственных войск. 7—8 мая он перешел в наступление и овладел Дайдади и Балхом. Ташкурган был также вскоре занят Гулям-Наби-ханом.

Кабульское правительство, встревоженное успехами Гулям-Наби-хана, перебросило в Северный Афганистан крупные силы — два полка пехоты и два кавалерийских эскадрона. Стремительными ударами Гулям-Наби-хан разбил 24—26 мая сначала первую колонну под Гейбаком и вторую — под Ташкурганом. Столкнувшись с враждебным отношением туркмен, таджиков и узбеков, в конце мая после поражения Амануллы,

## Кому мы обязаны «афганом»?

его войска были распущены, а остатки его отряда 30 мая интернировались на нашей территории».

Позиции умолчания строго придерживался и МИД СССР. На официальные протесты афганцев, поступавшие в посольство в Кабуле, неизменно следовали заверения о непричастности советской стороны к действиям Гуляма Наби-хана и невмешательстве СССР во внутренние дела Афганистана.

Поверили ли афганцы заверениям **шурави** или нет, неизвестно. Но факт остается фактом, о первом вооруженном вмешательстве **шурави** во внутривнутриполитические разборки своего дружественного южного соседа никто и никогда больше не вспоминал. На двусторонних отношениях соседей это никак не сказалось.

Что же касается спецназовцев, то 300 командиров и бойцов были награждены советской властью орденами Красного Знамени, а остальные — ценными подарками. Потери их составили 120 человек убитыми и ранеными.

### **Кабул верен себе и своему слову**

После того как Мухаммад Надиршах стал королем Афганистана, на всех реформаторских начинаниях его предшественника Амануллы-хана был поставлен жирный крест. Нетронутой осталась лишь одна сфера — отношения с **шурави**. Они сохранились такими же, какими их выстроил «эмир-революционер».

Этот феномен американские дипломаты, работавшие в Кабуле, впоследствии так объясняли своим шефам в Государственном департаменте США.

**Из шифрограммы № 3805, направленной в Вашингтон 6 мая 1978 г. послом США в Кабуле Элиотом:**

«Принимая во внимание географическое положение Афганистана и его экономические нужды, мы могли бы с готов-

ностью понять причины, по которым он хочет иметь тесные отношения с Советским Союзом»<sup>42</sup>.

**Из секретного сообщения № 3626, направленного в Вашингтон 9 мая 1979 г. временным поверенным в делах США в Афганистане Г. Амстутцем:**

«Почти любой афганский режим... будет, очевидно, чувствовать, что должен смириться с таким геополитическим фактором, как наличие великого северного соседа, как это и делали афганские правительства в течение истекших шестидесяти лет»<sup>43</sup>.

\*\*\*

В ноябре 1933 г. выстрел из пистолета убийцы оборвал жизнь Мухамадда Надиршаха. Но никаких радикальных перемен в жизни страны за этим не последовало. Власть перешла к сыну убиенного Захир-шаху. Ему на тот момент исполнилось лишь девятнадцать лет. По афганским меркам, этого было слишком мало, чтобы достойно управлять королевством и своими подданными. Поэтому за юного Захир-шаха править страной стали три его родных дядюшки. На жизни афганцев все эти передрыги никак не сказались. Она текла по веками накатанной колее...

В 1936 г., по инициативе афганской стороны, был пролонгирован еще на десять лет советско-афганский договор «О нейтралитете и взаимном ненападении». Одновременно с пролонгацией было заключено очередное торговое соглашение.

«Мелочью, но приятной» для Москвы стало сообщение из Кабула о том, что афганская армия «взяла на вооружение» советские военные уставы, переведенные на *дари* по приказу начальника Генштаба Абдулы Гафар-хана. Разумеется, это никак не сказалось на афганском нейтралитете. Как и прежде, Кабул

<sup>42</sup> См. журнал «Азия и Африка сегодня», № 12. 1989. С. 3.

<sup>43</sup> Там же. С. 5.

поддерживал разносторонние контакты со многими странами Европы, Азии и с США.

В самом конце тридцатых годов к Афганистану проявила повышенный интерес нацистская Германия. И не без успеха. Кабул принял от нее кредит в 27 миллионов марок на закупку промтоваров и оборудования. К 1939 г. товарооборот между Афганистаном и Германией вырос в три раза против уровня 1937 г. При содействии немцев были построены мосты, текстильная фабрика в Пули-Хумри, гидростанции в Чаквардаке, Джабаль-Уссарадже, Кандагаре и Герате, сахарный завод в Баглане. Беспроцентный кредит был предоставлен Кабулу на закупку в Германии вооружения и боеприпасов. В результате к концу 1940 г. Афганистан задолжал Германии около 125 миллионов марок.

Заметное усиление немецких позиций в Афганистане обеспокоило не только Москву, но и Лондон. Дело дошло до того, что летом 1941 г. английский премьер Уинстон Черчилль обратился к советскому руководству с предложением совместно ввести в Афганистан войска, как это было сделано в Иране, но получил от И.В. Сталина решительный отказ. Москва поступила по-своему. В октябре 1941 г. она обратилась к Кабулу с меморандумом, в котором призывала афганскую сторону строго соблюдать нейтралитет и двусторонние советско-афганские договоры 1920—1930-х гг. Кабул отреагировал незамедлительно и крайне убедительно.

В срочном порядке, в том же 1941 г., была созвана Лойа Джирга, Великое собрание, традиционный и самый авторитетный орган власти в Афганистане, для участия в котором приглашаются вожди племен, старейшины и прочие уважаемые в стране лица, выносящие вердикт по тому или иному жизненно важному для афганского народа вопросу. На сей раз Лойа Джирга приняла решение о том, что Афганистан будет строго

соблюдать нейтралитет во время Второй мировой войны. Таким образом, Кабул на высшем уровне заверил Москву в том, что, как и прежде, остается для нее надежным соседом, верным взятым на себя обязательствам. Именно на это и рассчитывала Москва. Она незамедлительно перебросила на западный фронт войска Среднеазиатского военного округа, не опасаясь никаких провокаций на своей границе с южным соседом.

А двумя годами позже, в мае 1943 г., и Москва порадовала Кабул приятной для него новостью о самороспуске Коминтерна. В принятом по этому поводу постановлении Президиума Исполкома Коминтерна причины самороспуска были изложены так: «..Еще задолго до войны все более становилось ясным, что по мере усложнения как внутренней, так и международной обстановки отдельных стран, решение задач рабочего движения каждой отдельной страны силами какого-либо международного центра будет встречать непреодолимые препятствия. Глубокое различие исторических путей развития отдельных стран мира, различный характер и даже противоречивость их общественного уклада, различие в уровне и темпах их общественного и политического развития, наконец, различие в степени сознательности и организованности рабочих обусловили и разные задачи, стоящие перед рабочим классом отдельных стран»<sup>44</sup>.

Иными словами, Коминтерн расписывался в своей нежизнеспособности, в том, что эта ленинская затея не выдержала испытание временем.

Правда, по сведениям П.А. Судоплатова, к самороспуску штаба мировой революции приложили руку американцы. Перед встречей «большой тройки»: Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране, — близкий друг американского президента и его

---

<sup>44</sup> См. «Коммунистический интернационал», № 5—6. 1943. М.—Л.: Госиздат С. 8—9.

## Кому мы обязаны «афганом»?

личный посланник по особо важным делам Гарри Гопкинс якобы передал Отцу народов неофициальную рекомендацию своего шефа распустить Коминтерн в качестве необходимой предпосылки для оказания Советскому Союзу помощи по ленд-лизу и активного политического сотрудничества Вашингтона с Москвой в противостоянии гитлеровской агрессии<sup>45</sup>.

Как бы то ни было, Коминтерн, ленинский инструментарий мировой пролетарской революции, приказал долго жить. А вот идея...

Мудрецы всегда утверждали, что идею можно предать забвению, но похоронить нельзя. Подтверждением тому стал послевоенный период мировой истории.

---

<sup>45</sup> См. Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М.: Олма-пресс, 1998.

## ГЛАВА ВТОРАЯ

### Годы послевоенные, судьбоносные...

В послевоенный период международный авторитет и влияние Советского Союза, сыгравшего решающую роль в разгроме фашистской Германии и милитаристской Японии, росли как на дрожжах. О социализме и коммунизме заговорили даже в самых отдаленных уголках планеты.

Как отмечала «Правда»<sup>46</sup>, главный рупор Старой площади, пятидесятые и особенно шестидесятые годы «были отмечены глубокими революционными сдвигами, изменившими социально-экономическую систему мира». В качестве доказательства газета ссылалась на полный и окончательный распад мировой колониальной системы и появление в Азии, Африке и Латинской Америке более семидесяти суверенных, независимых государств с общим населением, превышающим треть человечества. Новые независимые государства все более решительно заявляли о себе на международной арене, проявляя при этом открытую заинтересованность в опыте первой социалистической державы мира.

Одним из главных возмутителей спокойной жизни колонизаторов выступала Африка.

---

<sup>46</sup> Газета «Правда» от 13 ноября 1970 г.



## Кому мы обязаны «афганом»?

...В 1945 г. в английском Манчестере состоялся пятый Панафриканский конгресс, на котором среди прочих резолюций было принято «Обращение к рабочим, крестьянам и интеллигенции колониальных стран».

«Мы, делегаты пятого Панафриканского конгресса, верим в право всех народов на самоуправление. Мы подтверждаем право всех колониальных народов распоряжаться своей судьбой. Все колонии должны быть свободны от иностранного империалистического контроля, будь он политическим или экономическим. Народы колоний должны иметь право избирать свои собственные правительства без всяких ограничений со стороны иностранных держав. Мы говорим народам колоний, что они должны бороться за достижение этих целей всеми средствами, имеющимися в их распоряжении». Обращение заканчивалось призывом: «Колониальные и зависимые народы всего мира, объединяйтесь!»<sup>47</sup>

Таким же революционным пафосом была проникнута и принятая конгрессом декларация, адресованная колониальным державам. «Мы осуждаем монополию капитала и господство частного богатства и частной промышленности, где все подчинено получению прибыли, — говорилось в декларации. — ...Мы будем бороться всеми возможными средствами за нашу свободу, за демократию, за улучшение нашего социального положения»<sup>48</sup>.

Вернувшись в родные края, делегаты конгресса активно взялись за дело. Начало распаду колониальной системы в Африке положили Ливия, Судан, Марокко, Тунис.

В 1957 г. появилось первое суверенное государство в той части Черного континента, которая населена негроидными

---

<sup>47</sup> Дюбуа У. Африка. М.: Издательство иностранной литературы. С. 18.

<sup>48</sup> Там же. С. 20.

народами. Это была Гапа, в которой в декабре 1958 г. прошла Конференция народов Африки. Участникам конференции было зачитано послание Уильяма Дюбуа, признанного «отца великого принципа panaфриканизма». В послании говорилось: «Каким путем пойдет Африка?.. Прежде всего я считаю необходимым подчеркнуть тот факт, что Африке наших дней не предстоит выбирать между частным капитализмом и социализмом. Весь мир, включая капиталистические страны, движется к социализму, неизбежно, неумолимо... нельзя выбирать между социализмом и частным капитализмом, потому что частный капитализм обречен на гибель»<sup>49</sup>.

В 1960 г. на политической карте Африки появились семнадцать независимых государств. ООН отреагировала на это тем, что провозгласила 1960 год Годом Африки.

Советский Союз, разумеется, не мог, не имел права оставаться сторонним наблюдателем происходящих в мире грандиозных подвижек, вызванных развалом колониальной системы. Он должен был отреагировать на это либо с серпом и молотом в руках, либо — с винтовкой и пулеметом.

Первой в мире социалистической державе предстояло сделать судьбоносный выбор. И она его сделала...

\*\*\*

Англичанин Ллойд Джордж относился к числу тех немногих политических деятелей Запада, к которым В. Ленин испытывал нескрываемый пиетет, о чем свидетельствует посвящение вождя на титуле его «Детской болезни «левизны» в коммунизме».

Ллойд Джордж так высказался о перспективах Великой Октябрьской революции в России:

---

<sup>49</sup> Дюбуа У. Африка. М.: Издательство иностранной литературы. С. 14.

«Вопрос о том, окажет ли русская революция такое же влияние, как французская, или ее влияние на судьбы человечества будет еще большим, зависит от одного. Это зависит от того, сумеют ли вожди русской революции продолжить свое движение на путях мирового развития или же энергия революции будет израсходована зря, и она будет отклонена от своей цели войной. Если Россия не будет вовлечена в войну, то революция станет одним из величайших факторов, определяющих судьбы народных масс во всех странах, которые когда-либо пришлось наблюдать или испытывать человечеству»<sup>50</sup>.

Вождь мирового пролетариата внял словам буржуазного политика лишь после того, как введенный им в 1918 г. режим «восниного коммунизма» чуть было не привел к свержению советской власти.

В политическом докладе 10-му съезду РКП(б), проходившему 8—16 марта 1921 г., В.И. Ленин признался, что вспыхнувший накануне съезда мятеж в Кронштадте выглядит событием куда более опасным, чем «Деникин, Юденич и Колчак, сложенные вместе». Лозунг кронштадтских моряков «За Советы без коммунистов!» и их программа: свобода торговли, свобода слова, печати партий, свобода выборов — все это, как подчеркнул В.И. Ленин, может стать программой общенародного восстания против власти большевиков. «Кронштадтское настроение, — говорил он, — сказалось на пролетариате очень широко. Оно сказалось на предприятиях Москвы, оно сказалось на предприятиях в целом ряде пунктов провинции»<sup>51</sup>.

---

<sup>50</sup> *Ляховский А.А.* Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 337.

<sup>51</sup> Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 38—39.

Те же самые мысли прозвучали в выступлении В.И. Ленина 13 ноября 1922 г. на 4-м конгрессе Коминтерна.

«В 1921 году после того, как мы преодолели важный этап гражданской войны, — признался он, — мы натолкнулись на большой, я полагаю, на самый большой, внутренний политический кризис Советской России, который привел к недовольству не только значительной части крестьянства, но и рабочих»<sup>52</sup>.

Он опирался на факты, когда говорил, что «большие массы крестьянства... были против нас, некоторые открыто восставали, другие уходили в банды, третьи просто ворчали, как, например, сибирские крестьяне, мол, «променяли Колчака на губчека — получай придачу!»<sup>53</sup>

Крестьянское восстание в Тамбове, матросское восстание в Кронштадте, волнения рабочих в Петрограде и Петроградской губернии, объявленных на осадном положении, массовое недовольство и забастовки рабочих Москвы, угрожающая реакция на эти события в самых отдаленных губерниях России — все это однозначно говорило о нежизнеспособности, порочности режима «военного коммунизма», призванного, по замыслу В.И. Ленина, ввести в России с помощью штыка коммунистические способы организации труда, а в более общем плане — о том, что идеологические догмы не могут служить базой для построения нового общества.

«Мы думали, — признавал В. Ленин, — что по коммунистическому велению будет выполняться производство и распределение. Если мы эту задачу пробовали решить напрямиком, так сказать, лобовой атакой, то потерпели неудачу»<sup>54</sup>.

---

<sup>52</sup> Ленин В.И. Сочинения. Изд. 4-е. Т. 33. С. 47.

<sup>53</sup> Там же. С. 430.

<sup>54</sup> Там же. С. 47.

За этим следовал неприятный, суровый, но закономерный вердикт: «Если мы окажемся не в состоянии произвести отступление, то нам угрожает гибель»<sup>55</sup>.

Отступление означало решительный отход от самых очевидных нежизненных, хотя и марксистских, догм и максимальное приближение к реальному пониманию жизни, со всеми ее зигзагами, внутри страны и за ее пределами. Под вердикт попали «грядущая мировая коммунистическая революция» и руководящая роль в ней пролетариата.

Сигналом к отступлению послужила объявленная в начале декабря 1919 г. замена продразверстки продналогом. А дальше пошло-поехало.

В декабре 1920 г. 8-м съездом Советов был одобрен грандиозный план электрификации всей России — ГОЭЛРО. Назвав его второй программой партии, Ленин, по свидетельству А. Микояна, «утверждал, что только когда Россия будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство, транспорт удастся подвести современную техническую базу, только тогда победа революции будет окончательной»<sup>56</sup>.

Прежние лозунги, призывавшие к свершению мировой пролетарской революции и коммунистическому переделу мира с помощью штыка, канули в Лету. На смену им пришли новые, не глобальные, а локальные, касавшиеся, прежде всего, самой России. «Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны!» Этот лозунг выдвинул сам В.И. Ленин. А принятое съездом Советов обращение «Ко всем трудящимся России!» заканчивалось призывом: «Приступить к мирному труду. Отдадим же этому все силы!»

---

<sup>55</sup> Ленин В.И. Сочинения. Изд. 4-е. Т. 33. С. 384.

<sup>56</sup> Микоян А.И. Мысли и воспоминания о Ленине. М.: Госполитиздат, 1970. С. 96.

В марте 1921 г. на 10-ом съезде РКП(б) вождь мирового пролетариата объявил о том, что в стране «надолго и всерьез» вводится новая экономическая политика — НЭП. В привязке к ней на съезде были подняты вопросы о «получении займов от иностранных капиталистов и предоставлении им концессий, продовольственных, лесных и горных».

### **Из воспоминаний А. Микояна:**

«Разработка Лениным вопроса о концессиях, специальный доклад на коммунистической фракции съезда Советов и заключительное слово по докладу были важной составной частью вырабатывавшейся им в этот период новой экономической политики.

Хозяйственный фронт выдвигается теперь как самый главный и основной. «Сейчас весь гвоздь политического момента, — говорил Ленин, — состоит в том, что мы переживаем как раз переломный, переходный период, некоторый зигзаг, — период, когда от войны мы переходим к строительству хозяйственному».

Параллельно с отступлением на внутреннем фронте пло отступление и на внешнем.

Пятого декабря 1919 г. 7-й Всероссийский съезд Советов одобрил предложенную В.И. Лениным резолюцию, согласно которой правительству Советской России поручалось «систематически продолжать политику мира, принимая все необходимые для ее успеха меры»<sup>57</sup>.

27 марта — 2 апреля в Москве проходил 11-й съезд РКП(б), на котором с политическим докладом ЦК выступил В.И. Ленин.

### **Из воспоминаний А. Микояна:**

«Ленин начал довольно своеобразно: «Позвольте мне политический доклад ЦК начать не с начала года, а с его конца.

---

<sup>57</sup> Микоян А.И. Мысли и воспоминания о Ленине. М.: Госполитиздат, 1970. С. 69, 94.

## Кому мы обязаны «афганом»?

Сейчас наиболее злободневным вопросом политики является Генуя».

...Подробно обрисовав сложную борьбу вокруг Генуэзской конференции в различных странах и коалициях, противоречивое отношение к ней политических партий, Ленин сказал, что в Геную мы идем «как купцы». Нам надо торговать, и им надо торговать. Нам хочется, чтобы мы торговали в нашу выгоду, а им хочется, чтобы было в их выгоду. Как развернется борьба, это будет зависеть, хотя и в небольшой степени, от искусства наших дипломатов... Торговля между нами и капиталистическими странами — объективная хозяйственная необходимость, она проложит себе дорогу и неизбежно будет развиваться»<sup>58</sup>.

Отступление коснулось и деятельности Коминтерна. Его новая тактика, новые задачи обсуждались на прошедшем в июне 1921 г. 3-ем конгрессе, на котором представители германской, австрийской и итальянской партий настаивали на том, чтобы в основу тезисов Коминтерна о тактике на ближайший период была положена прежняя «теория наступления», т.е. курс на мировую пролетарскую революцию.

### **Из воспоминаний А. Микояна:**

«...Со всей силой убеждения и полемического мастерства Ленин обрушился на тех, которые поддались соблазну левых фраз, заявив: «Нам, русским, эти левые фразы уже до тошноты надоели...» Вести такую политику, когда для этого нет необходимых условий, проповедуя всегда и всюду только наступление, смешно, вредно, опасно.

...Ленин обосновал и разъяснил тактику, предлагаемую нашей партией применительно к периоду, когда в мире «наступило равновесие, — разумеется, весьма неустойчивое».

---

<sup>58</sup> Микоян А.И. Мысли и воспоминания о Ленине. М.: Госполитиздат, 1970. С. 198.

Первый урок, который должен быть сделан, — это глубокое изучение конкретного развития революции в передовых капиталистических странах, и основной тактикой должно стать «завоевание большинства пролетариата».

...Спустя месяц после окончания конгресса Ленин в «Письме к немецким коммунистам» дал исчерпывающую характеристику значения 3-го конгресса. Он писал, что конгресс явился крупным шагом движения вперед Коммунистического Интернационала, что на этом конгрессе надо было «определить, как именно работать дальше, в отношении тактическом и в отношении организационном. Этот третий шаг мы и сделали». И тут же приводит существеннейшее место тактической резолюции 3-го конгресса: «Завоевание на нашу сторону большинства пролетариата — вот «главнейшая задача»<sup>59</sup>.

Таковы факты, а они — штука упрямая. И они свидетельствуют о гибкости и прагматичности вождя мировой пролетарской революции в реально сложившихся тогда обстоятельствах и внутри страны, и на международной арене. Они свидетельствуют о его энергичных усилиях по переводу только что родившейся Советской России с рельсов войны на рельсы мира и внутренней стабильности или, как выразился Ллойд Джордж, «на пути мирового развития»<sup>60</sup>.

\*\*\*

О Ленине писали, пишут и долго еще будут писать. Причем писать по-разному. Ведь сто голов — сто умов.

Журнал «Советская милиция», издание сугубо ведомственное, дал такую по-милицейски краткую, но емкую «характеристику» на создателя первого в мире социалистического государства:

---

<sup>59</sup> Микоян А.И. Мысли и воспоминания о Ленине. М.: Госполитиздат, 1970. С. 185—187.

<sup>60</sup> Там же.



«Ульянов-Ленин — фигура в судьбе Отечества очень приметная. Он, по афористичному выражению одного из народных депутатов СССР, «последний из наших лидеров, признававший свои ошибки». Вспомним, как шел он от военного коммунизма к нэпу, от продразверстки к продналогу, от террора к правовому государству». Заблуждения, просчеты Ленина естественны. Он руководил уникальным экспериментом — попыткой вылепить новое общество. Руководил на начальной стадии. Какое бы завершение этот опыт не получил, он пригодится человечеству. А тот, кто приносит пользу многим поколениям, достоин права на благодарную память»<sup>61</sup>.

Как же воспользовались этим разносторонним, противоречивым ленинским опытом те, кто рулил нашим Отечеством в бурные послевоенные годы?

\*\*\*

...Вслед за объявлением Года Африки ООН по инициативе Советского Союза приняла «Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам». Представляя ее на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, глава советской делегации Н.С. Хрущев заявил:

«Мы приветствуем священную борьбу колониальных народов против колонизаторов, за свое освобождение. Если колониальные державы не внемлют голосу разума и будут продолжать свою прежнюю колониальную политику, держать в повиновении колониальные страны, то народы, которые стоят на позициях ликвидации колониального режима, должны оказать всемерную помощь борцам за свою независимость против колонизаторов, против колониального рабства. Надо оказать помощь моральную, материальную и другую для за-

---

<sup>61</sup> Журнал «Советская милиция», № 4. 1990. С. 13.

вершения священной и справедливой борьбы народов за свою независимость»<sup>62</sup>.

Так Старая площадь устами своего лидера оповестила с трибуны ООН мировую общественность о своей решимости возглавить глобальную войну с капиталистическим Западом, с колонизаторами за освобождение поработенных народов, за переустройство мира по образу и подобию Советского Союза. На одном из публичных выступлений в США Н.С. Хрущев с присущей ему прямоотой пообещал тогда американцам и их союзникам: «Мы похороним вас!»

Вскоре после одобрения ООН «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам» еще двадцать четыре страны на африканском континенте объявили о своей независимости и суверенитете. Старая площадь расценила это как свидетельство правильности и своевременности ее решения принять на себя роль мессии, способной «весь мир насилия разрушить, а затем...».

Мир все отчетливее становился биполярным. На одном полюсе — набирающий силу и популярность социализм, на другом — хиреющий, но все еще сильный капитализм.

«Африка грез и действительности»... Так назвали чехословацкие путешественники Иржи Ганзелка и Мирослав Зигмунд свой большой африканский дневник, — пишет в своих мемуарах В. Кирпиченко. — Название книги как бы символизирует наше тогдашнее понимание и восприятие Африки. Африка грез (она-де является резервом социалистической системы и скоро пойдет по социалистическому пути) и действительности (пока это еще нищета, неустроенность, нестабильность)»<sup>63</sup>. И далее

---

<sup>62</sup> Дюбуа У. Африка. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. С. 25.

<sup>63</sup> Кирпиченко В.А. Разведка: лица и личности. М.: Гея, 1998. С. 89.

продолжает: «Бурные события в Африке в конце 50-х — начале 60-х годов застали советские внешнеполитические учреждения врасплох. Когда же мы пытались осмыслить свою деятельность в Африке в идеологическом плане, то нередко оказывались в плену теоретических грез.

На наших семинарах и научных конференциях шли острые дебаты. Возможна ли диктатура пролетариата в Африке? Возможен ли переход к социализму без развитого рабочего класса? Может ли его отсутствие заменить диктатура трудового крестьянства? Что такое некапиталистический путь развития?.. Вопросов возникало много. И очень мало было ответов.

... Чем ближе соприкасался работник заграничного аппарата с местной действительностью, тем лучше понимал, насколько трудно она укладывается в рамки нашей концепции развития Африки. Люди же на Старой площади исходили в первую очередь из незыблемости теории, утверждавшей неизбежность перехода всех стран к социализму...

Компетентные люди рассказывали, что Н.С. Хрущев, провожая Н.М. Пегова послом в Алжир, строго наказывал: «Ваша задача — сделать все, чтобы Алжир стал социалистическим, а мы здесь постараемся облегчить вашу задачу»<sup>64</sup>.

В заключение своих рассуждений В. Кирпиченко пишет: «Колонизаторы отступали, а Советский Союз как бы под звуки фанфар и литавр входил в Африку со своими, как было объявлено, бескорыстными идеями и намерениями»<sup>65</sup>.

\*\*\*

Нейтральный Афганистан в те годы, как и прежде, был погружен в решение собственных проблем, связанных с преодолением средневековой отсталости и нищеты, с медленным, но

<sup>64</sup> Кирпиченко В.А. Разведка: лица и личности. М.: Гя, 1998. С. 89, 96.

<sup>65</sup> Там же. С. 89.

все более осязаемым приобщением к современным стандартам жизни при непереносимом сохранении своей самобытности и завоеванной в 1919 г. независимости от кого бы то ни было.

Однако «африканская встряска», поставившая жирный крест на дотоле незыблемой системе мирового капитализма, все еще напоминала афганцам о том, что оставаться самими собой, нейтральными, будет все труднее и труднее в биполярном мире, в котором противоборство двух сверхдержав принимало глобальный характер, становилось бескомпромиссным, жестким.

В Кабуле не могли не обратить внимания на заявление тогдашнего помощника президента США по национальной безопасности Збигнева Бжезинского о том, что «наиболее неотложный и трудный геополитический приоритет для США представляет район к юго-западу от границ СССР, где ключевое положение занимают Иран и Афганистан в сочетании с Пакистаном»<sup>66</sup>.

Посольство США в Кабуле с завидной настойчивостью предупреждало афганских руководителей о том, что «преимущественная ориентация Афганистана на СССР вынудит США сделать все для укрепления своих позиций в регионе как путем оказания поддержки своим союзникам, так и шагами по активизации блока СЕНТО»<sup>67</sup>. Американцы не только говорили, но и действовали.

Еще в 1948 г. Пентагоном была разработана операция «Гиндукуш» с целью окружения Советского Союза сетью американских военных баз, в том числе с использованием территории Афганистана. В частности, американцы рассчитывали разместить на построенном ими же аэродроме в Кандагаре

<sup>66</sup> Бжезинский З. План игры. М.: Прогресс, 1986. С. 201.

<sup>67</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 94.

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

эскадрилью «Фантомов» с явным прицелом на то, чтобы превратить Кандагар в базу ВВС США. Однако задумка американцев провалилась. Король Захир-шах решительно отверг эту затею, сославшись на то, что Афганистан был и остается нейтральным государством.

В 1954 г. премьер-министр Афганистана Мухаммад Дауд предложил Вашингтону рассмотреть возможность оказания Кабулу военной помощи, но получил от тогдашнего госсекретаря США Джона Фостера Даллеса категорический отказ, изложенный к тому же в оскорбительной форме. Американцы на дух не воспринимали афганский нейтралитет. Мухаммад Дауд не стал оправдываться и «умасливать» грозного собеседника. Он просто-напросто переадресовал свое предложение **шурави**, от которых без промедления получил желанный ответ.

В 1955 г. США настойчиво добивались от Кабула согласия на вступление в Багдадский пакт, в котором уже значились Иран, Ирак, Пакистан, Турция и Великобритания. Этому блоку Вашингтон отводил главенствующую роль в глобальном противоборстве с Москвой. И вновь король Захир-шах напрочь отменил домогательства американцев.

Потерпев очередное фиаско, Вашингтон решил поставить упрямого короля на место тем, что полностью свернул все программы финансовой, экономической и прочей помощи Афганистану. Но откровенный шантаж не сработал. Он аукнулся американцам тем, что еще больше развернул Кабул в сторону **шурави**, в сторону всестороннего развития советско-афганских отношений.

В декабре 1955 г. советская делегация во главе с Н.С. Хрущевым и Н.А. Булганиным посетила Кабул с официальным визитом, во время которого Афганистану на весьма льготных условиях был предоставлен заем в 100 миллионов долларов и выражена готовность советской стороны поставить своему

южному соседу необходимо ему вооружение. Детали договоренностей были проработаны во время состоявшегося вскоре ответного визита в Москву правительственной делегации Афганистана во главе с Мухаммадом Даудом.

Начиная с 1955 г. советское вооружение и боевая техника стали достоянием афганской армии, а советские специалисты и советники — надежными помощниками афганцев в деле их освоения.

С помощью и прямым участием шурави в различных районах Афганистана стали строиться десятки промышленных предприятий и ирригационных систем, а также гидроэлектростанций и аэродромов. Началась прокладка сотен километров шоссе-ных дорог. В Кабуле не могли не видеть, как при поддержке Советского Союза страна, пусть не так быстро, как хотелось бы, но все же преобразуется, выкарабкивается из трясины средневековья.

Резко повысился уровень межгосударственных контактов. В июле-августе 1957 г. в Советском Союзе с государственным визитом побывал король Захир-шах. В октябре 1958 г. последовал ответный визит в Кабул председателя президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова. Чуть позже Москву посетил министр иностранных дел Афганистана Мухаммад Наим. В мае 1959 г. в Москву вновь прибывает Мухаммад Дауд и подписывает соглашение о расширении советско-афганского экономического и технического сотрудничества. В мае 1960 г. дружественный визит в Афганистан нанес Председатель Совета Министров СССР Н.С. Хрущев. Афганцы встретили его как дорогого гостя. А в 1964 г. в Кабул наведлся Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев.

Двусторонние отношения Москвы с Кабулом становились настолько тесными, что, как выразился сотрудник Совета национальной безопасности США Гарри Сик, «Афганистан стал

## Кому мы обязаны «афганом»?

считаться советской сферой влияния и мы давно отошли от этой страны». Ту же самую мысль, но иными словами, высказывали в Комитете начальников штабов США: «Афганистан более не представляет никакой стратегической важности для Соединенных Штатов». Более того, американские дипломаты и политики зачастую злословили, что Кабул, мол, строго придерживается «нейтралитета, но с советским креном».

Разумеется, что подобного рода заявления и высказывания представителей США были, как в таких случаях принято говорить, «хорошей миной при плохой игре». Признавая на словах Афганистан сферой советского влияния, Вашингтон, тем не менее, не вычеркивал его из перечня своих геополитических приоритетов. Скорее, наоборот, повышал рейтинг Афганистана в своей глобальной политике.

«Москва, занимая доминирующие позиции в Афганистане, — бил тревогу З. Бжезинский, — в состоянии разорвать прямые связи между крайними западными и дальневосточными евразийскими союзниками США»<sup>68</sup>.

Комментарии здесь излишни. Афганистан по определению не мог быть исключен из геополитических прикидок Вашингтона. Как, впрочем, и Москвы.

Взвалив на себя роль могильщика капитализма и проводителя всех угнетенных народов мира в деле построения счастливого будущего — социализма, Старая площадь не могла не думать о том, чтобы подверстать своего южного соседа к реестру стран «социалистической ориентации», таких как Южный Йемен, Эфиопия, Ангола и многих других, для которых социализм виделся желанным раем, а Москва — надежным проводником в этот рай. Вся закавыка была в том, что Афганистан, хоть и считался сферой советского влияния,

<sup>68</sup> Бжезинский З. План игры. М.: Прогресс, 1986. С. 201—202.

не мыслил о том, чтобы расстаться со своим нейтралитетом, а тем более согласиться поменять веру мусульманскую на коммунистическую. И то и другое напрочь исключалось. А это шло вразрез с геополитическими планами Старой площади, с ее мессианскими надеждами.

Вот как эту мысль, правда, несколько витиевато, изложил в своих мемуарах В. Крючков:

«Нельзя не учитывать суть афганской проблемы, заключающейся в необходимости учета интересов Советского государства, что в эпоху тогдашнего противостояния в мире делало это весьма серьезным аргументом»<sup>69</sup>.

В соответствии с этим «аргументом», а проще говоря, со своими мессианскими задумками, Старая площадь и действовала.

---

<sup>69</sup> Крючков В.А. Личное дело: Часть первая. М.: Олимп; АСТ, 1997. С. 242.



## ГЛАВА ТРЕТЬЯ

### **Б. Кармаль: «Россия хотела, чтобы здесь произошла революция»**

«Были у нас товарищи, считавшие, что в Афганистане есть все условия для создания пролетарской партии и революции»<sup>70</sup>, — вспоминает Николай Григорьевич Егорычев. Уж кому, как не ему, знать потаенные от народа помыслы главных обитателей Старой площади?! Ведь он сам, как первый секретарь московского горкома КПСС и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, был сопричастен ко всему, что там происходило.

«Тот же Борис Николаевич Пономарев, заведующий Международным отделом ЦК (и тоже кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. — А.Ж.), — продолжает он, — как был в молодости приверженцем мировой революции, так и остался. Без всякого учета местных условий создали Народно-демократическую партию Афганистана — фактически две партии под одной крышей. Во фракцию «Парчам» входили в основном пуштуны, а в «Хальк» — представители других народов, населявших Афганистан»<sup>71</sup>.

---

<sup>70</sup> Ежедневник «Власть». 25 ноября — 1 декабря. 2002. С. 77.

<sup>71</sup> Там же.

В пестрой по национальному составу стране, каким является Афганистан, вполне закономерно появление политических, культурных и прочих организаций, представляющих интересы той или иной общины. За примерами ходить недалеко. «Сетаме-мелли» («Национальный гнет») возникла как оплот таджиков, узбеков и туркмен в борьбе против пуштунского засилья. В свою очередь, «Афган меллят» («Афганская нация») была создана националистически настроенной пуштунской интеллигенцией с целью защиты своих панафганских устремлений.

Но «Парчам» и «Хальк» — случай особый. И в той, и в другой фракции пуштунов было хоть отбавляй. Все руководящие посты были заняты ими. И в этом плане суждение Н.Г. Егорычева относительно национального принципа формирования «Парчам» и «Хальк» представляется не бесспорным. Американский эксперт по Афганистану С. Гаррисон склоняется не к национальному, а к социальному фактору.

«Идеологический конфликт между «Парчам» и более доктринальной «Хальк», — утверждает он, — маскировал то, что было основными социальными различиями между двумя группами. Большинство парчамистов являются выходцами из находящихся под персидским влиянием городских высших классов. Даже те парчамисты, которые этнически были пуштунами, говорили на языке *дари* — афганском варианте персидского языка, и в культурном отношении были изолированы от пуштунского большинства страны. Наоборот, халькисты представляли собой восходящий, только что получивший образование средний класс пуштунов из небольших городов и сельских местностей, который хотел пуштунского доминирования в афганской жизни»<sup>72</sup>.

---

<sup>72</sup> *Harrison S. Dateline Afghanistan: Exit through Finland? Foreign Policy. 1980—1981. Winter, № 41. P. 166—167.*

Наверное, и с Гаррисоном кто-то захочет пополемизировать. Но это уже сфера ученых-специалистов, посвятивших свою жизнь изучению Афганистана.

\*\*\*

«Парчам» («Знамя») основал Бабрак Кармаль, а «Хальк» («Народ») — Нур Мухаммад Тараки. Оба доморожденных марксиста-ленинца еще в начале пятидесятых годов регулярно посещали советское посольство в Кабуле и были там своими людьми.

**«Бабрак Кармаль** — отпрыск влиятельного клана муллахель пуштунского племени юсуфцзай. Родился в 1929 г. в местечке Камари близ Кабула. Отец — генерал Хусейн Мухаммад в королевской армии был командиром Пактийского корпуса и генерал-губернатором юго-восточной провинции Пактия. Затем возглавлял финансовое управление Министерства обороны Афганистана. В 1965 г. вышел в отставку. Мать — по национальности таджичка, умерла вскоре после рождения «Тигренка» (так переводится с персидского имя «Бабрак», у пуштунов оно символизирует смелость, отвагу).

В связи с частыми переездами отца, связанными с его военной службой, «Тигренок» воспитывался в семье доктора Камаруддина Какара, дослужившегося со временем до лейб-медика короля. Там «Тигренок» познакомился с Анахитой Ратебзад, врачом по образованию, впоследствии — видной деятельницей НДПА, верной сподвижницей и спутницей по жизни Бабрака.

В 1948 г. Бабрак окончил престижный столичный лицей «Амани», основанный еще в двадцатых годах эмиром Аманулла-ханом. В 1951 г. поступил на юридический факультет Кабульского университета.

Общественно-политической деятельностью стал заниматься с начала пятидесятых годов, когда вступил в члены Союза

студентов. Активно участвовал в либерально-демократическом движении «Виш зальмиян» («Пробудившаяся молодежь»).

За участие в марте 1952 г. в многолюдной демонстрации протеста против вмешательства королевских властей в процедуру подсчета голосов на только что прошедших парламентских выборах 23-летний Бабрак был арестован и осужден на четыре года тюремного заключения.

В тюрьме он близко сходитя с активистом революционно-демократического движения, офицером полиции М.А. Хайбаром, который впоследствии станет одним из его ближайших сподвижников. Там же, в неволе, он впервые знакомится с марксистской литературой, попадавшей в Афганистан из Ирана, где ее нелегально издавала партия Туде.

В 1956 г. Бабрак, освободившись из заключения, закончил учебу на юридическом факультете Кабульского университета и поступил на работу в Министерство просвещения. По этому случаю он добавил к своему имени приставку «Кармаль», что в переводе с языка пушту означает «друг народа».

В 1958 г. гражданское образование было дополнено военным. «Тигренок» окончил военную школу резервистов, после чего работал в Министерстве планирования вплоть до 1965 г.

Избирался членом парламента при премьер-министрах Эттамади, Захире и Мусе Шафике.

Искусный оратор. Эмоционален. Склонен к абстракции в ущерб конкретному анализу. Вопросы экономики знает слабо, лишь в общем плане.

Говорит на *дари* и *пушту*. Предпочитает *дари*. Свободно владеет немецким языком, немного знает английский».

Такую объективку составили на Бабрака Кармалья в советском посольстве в Кабуле<sup>73</sup>.

---

<sup>73</sup> См.: Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль, Норд, 2004.

**Нур Мухаммад Тараки** — не чета «Тигренку». Он не мог похвастаться ни богатой родословной, ни сопричастностью к высшему свету Кабула.

В досье ГРУ ГШ ВС СССР на него были собраны следующие сведения:

«Нур Мухаммад Тараки родился в 1917 г. в местечке Суркелайи уезда Нава провинции Газни в бедной семье скотовода. По национальности он — пуштун из племени *гильзай*, клана *тарак*, ветви *буран*. Окончил в Мукуре шесть классов и перескал в Кандагар, где работал в качестве служащего в торговом ширкете «Пуштун мева». В 1935 г. был направлен в представительство ширкета в Бомбее. Здесь он окончил вечернюю школу. С юношеских лет проявлял интерес к истории национально-освободительной борьбы и пуштунского движения краснорубашечников.

В 1937 г. Тараки возвратился в Афганистан и некоторое время работал личным секретарем у крупного афганского бизнесмена Абдул Маджида Забули, одновременно учась в колледже государственных служащих. Затем в качестве мелкого чиновника работал в Министерстве экономики, Министерстве информации и печати в провинции Бадахшан.

С 1947 г. становится одним из активных членов руководящего и идеологического ядра политического движения «Виш зальмиян». После разгрома оппозиционного движения в начале 1953 г. Тараки был направлен в Вашингтон в качестве пресс-атташе афганского посольства. Но через шесть месяцев был отозван за публикацию в одной из американских газет антимонархической статьи. После возвращения в Афганистан был уволен с государственной службы, но не подвергся какому-либо наказанию со стороны правительства Дауда, хотя уже тогда он попал в немилость к последнему.

В 1953—1965 гг. жил на случайные заработки (в основном переводами с английского на *дари*) и активно занимался

общественно-политической деятельностью. Написал ряд публицистических и литературных произведений («Скитания Банга», «Спин», «Бельй», «Одинокий», «Крестьянская дочь» и др.). С начала пятидесятых годов поддерживал тайные контакты с представителями КГБ СССР. Считает себя убежденным марксистом, хотя очень далек от реальной обстановки. Сторонник захвата власти в Афганистане силовым методом. Участвовал в создании в 1963 г. политического ядра по организации партии «Объединенный национальный фронт Афганистана».

Характеризуется как собранный, организованный и дисциплинированный человек, что редко в Афганистане, но в то же время мягкий, идеалистически настроенный, честолюбивый и амбициозный, болезненно самолюбив, предпочитает, чтобы ему оказывались знаки внимания.

Владет английским языком. Женат на Нур Биби Тараки. Детей не имеет, но в его семье постоянно воспитываются круглые сироты или дети из бедных семей»<sup>74</sup>.

Нур Мухаммада Тараки лично и достаточно хорошо знал В.А. Крючков, возглавлявший в те годы советскую внешнюю разведку. Вот что он пишет в своих мемуарах:

«Это был широко образованный, обладавший большим жизненным опытом человек, наделенный к тому же недюжинным природным умом. Эти его неоспоримые качества сочетались, тем не менее, с явной политической близорукостью... Тараки рано начал проявлять склонность к литературе, написал много рассказов, очерков, статей, увлекался поэзией. Впрочем, на литературном поприще особой славы Тараки так и не приобрел — почти все его время и силы уходили на чиновничью работу. Он бывал за рубежом, более года состоял

---

<sup>74</sup> См.: Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 38.

на службе в американском посольстве в Кабуле, рано включился в общественно-политическую деятельность... Он был в близких отношениях с Х. Амином, а вот с Бабраком Кармалем расходился в политических взглядах»<sup>75</sup>.

Последнее и не удивительно. Он и Бабрак Кармаль были представителями разных, причем полярных слоев афганского общества. И назвать их единомышленниками по революционной борьбе значило бы покривить душой. Они по-разному смотрели на революционный процесс. У каждого был свой взгляд, свои заветные цели.

...Постоянные распри с соседними племенами, споры из-за пастбищ, воды и дорог; личная вражда, нескончаемые стычки при отражении бандитских нападений — вот те атрибуты повседневной жизни, которые Н.М. Тараки впитал с молоком матери.

Поэтому вокруг него тусовалась не золотая молодежь, восхищавшаяся Б. Кармалем, а простой, неграмотный или полуграмотный люд. Как он сам любил выражаться, «полупролетарские слои общества», которые предпочитали не произносить зажигательные речи, а действовать, причем радикально, решительно бороться за свержение ненавистного королевского режима. Легальные формы оппозиционной режиму политической деятельности, за которые ратовал Б. Кармаль, они категорически отвергали как неэффективные, недостаточные.

Несхожесть двух убежденных марксистов-ленинцев афганского разлива проявлялась даже внешне. Бабрак Кармаль — ухоженный аристократ с безупречными манерами, по-восточному красивый, благовоспитанный, остроумный рассказчик, великолепный оратор.

---

<sup>75</sup> Крючков В.А. Личное дело: Часть первая. М.: Олимп; АСТ, 1997. С. 190—191.

А вот как описывает Нур Мухаммада Тараки спецназовец «Зенита» В.Н. Курилов:

«Он был внешне малопривлекателен: глубоко посаженные глаза с желтоватыми белками, под глазами набрякшие мешки (явно что-то не в порядке с печенью и почками, что было и не мудрено при его пристрастии к спиртному), рябое лицо (про таких у нас в деревне говорят: «Черти на морде горох молотили!»). Когда вождь улыбался, то являл на обозрение огромные, кривоватые, широко отставленные друг от друга, и желтые от никотина зубы. На голове редковатые, забитые перхотью и пегие от седины, как окрас у миттельшнауцера — «соль с перцем волосы»<sup>76</sup>.

Тем не менее, 1 января 1965 г. именно эти два доморощен-ных марксиста-ленинца созвали по сигналу со Старой площади учредительный съезд партии.

В обстановке строжайшей конспирации двадцать девять делегатов провели его на окраине Кабула в доме Н.М. Тараки с соблюдением всех положенных при этом процедур.

Был избран временный председатель съезда. Им стал Адам Хан Джаджи. Вести заседание съезда поручили Шараи Джаузджани, который, в свою очередь, предоставил слово для доклада Нур Мухаммаду Тараки. Тот настойчиво убеждал собравшихся в необходимости создания партии пролетарского типа и проведения ею активных нелегальных методов революционной борьбы за свержение королевского режима.

Выступивший затем Бабрак Кармаль наперскор Тараки решительно высказался за то, чтобы партия ориентировалась на легальную деятельность и, соответственно, на легальные формы борьбы. При этом Кармаль подчеркивал, что партия

---

<sup>76</sup> Курилов В.Н. Мы были первыми. Альманах «Вымпел», № 3 (13). М., 1999. С. 138.



должна всячески камуфлировать свой марксистско-ленинский характер, дабы избежать гонений со стороны власть предержащих. Свои выводы Б. Кармаль подтверждал анализом внутриполитической обстановки в стране и текущей ситуации на международной арене.

В выступлениях других участников съезда затрагивались основные принципы программы и устава партии, будущее Пуштунистана и т.д.

С общего согласия было принято решение: с тем, чтобы понапрасну не раздражать правящий режим, назвать формируемую на базе «идеологии рабочего класса» политическую организацию «Народно-демократической партией Афганистана» — НДПА.

Помимо этого компромиссного решения, которое учитывало мнение как Тараки, так и Кармаля, на съезде были определены структура партии, ее цели и задачи, а также избран Центральный комитет. В его состав вошли одиннадцать участников съезда, семь членов и четыре кандидата в члены ЦК. Первым секретарем ЦК был избран Нур Мухаммад Тараки, его заместителем и секретарем ЦК — Бабрак Кармаль.

По решению съезда Программа НДПА была опубликована в апреле 1966 г. в первых двух номерах партийного органа — газеты «Хальк». В Программе содержался призыв к «сплочению всех прогрессивных, патриотических и национальных сил страны под руководством НДПА для борьбы за победу антифеодальной, антиимпериалистической, национальной народно-демократической революции; захвату политической власти в стране; созданию государства трудящихся; проведению социальных преобразований, направленных на преодоление отсталости страны и обеспечение ее прогрессивного развития». Конечной же целью провозглашалось «построение социалистического общества на основе творческого применения

общих революционных закономерностей марксизма-ленинизма в национальных условиях афганского общества».

Лидеры НДПА во весь голос, без всякого намека на камуфлирование, заявили о том, о чем грезили на Старой площади.

## **Король подает сигнал Старой площади**

В самом Афганистане НДПА восприняли как крайне нежелательного «возмутителя спокойствия», вознамерившегося по указке иноземцев порушить многовековые устои государства, воздвигнутые на традиционных ценностях ислама. И взамен создать чужеродное «социалистическое общество».

В глазах кабульских руководителей, да и подавляющего большинства простых афганцев эта затея выглядела не просто богохульством и кощунством, но и неспровоцированным вмешательством северного соседа во внутренние дела суверенного и независимого Афганистана, наконец, как прямое нарушение советско-афганского договора «О нейтралитете и взаимном ненападении». А ведь именно этот договор, который неоднократно пролонгировался, был основным кирпичиком в фундаменте двусторонних отношений между Советским Союзом и Афганистаном.

Официальной реакции на появление НДПА и заявленные ею программные цели со стороны королевской власти не последовало. Она предпочла поступить по-иному, деликатно, по-восточному уважительно.

...В конце 1965 г. Нур Мухаммад Тараки был приглашен в Москву официально в качестве гостя на съезд советских писателей. По московскому радио было передано сообщение о том, что в столицу Советского Союза прибыл «известный афганский писатель Нур Мухаммад Тараки, который был тепло принят со-

ветской писательской общественностью». В действительности, же Первый секретарь ЦК НДПА появился в Первопрестольной по приглашению Старой площади, и принимали его уже упоминавшийся Р.А. Ульяновский и заведующий сектором Международного отдела ЦК КПСС Н.Н. Симоненко. Они провели с Н.М. Тараки обстоятельные беседы и высказали «товарищеские советы». Окрыленный вниманием высокопоставленных персон и их подарком — ондатровой шапкой-ушанкой, считавшейся символом принадлежности к советской партноменклатуре, лидер афганских коммунистов заверил своих патронов в том, что впредь и всегда будет неукоснительно следовать их советам.

...Сразу после того, как самолет Аэрофлота возвратил Н.М. Тараки в Кабул, его неожиданно пригласил к себе во дворец Захир-шах. За чашкой чая король поздравил «известного афганского писателя» с присужденной ему в Москве Ленинской премией. При этом заметил, что Н.М. Тараки — первый афганец, удостоенный такой высокой чести. Удивленный Тараки стал открещиваться — никакой премии в Москве не получал, всего лишь встречался с представителями советской культурной общественности.

То, что услышал он далее из уст Захир-шаха, адресовалось не столько ему лично, сколько Старой площади.

Король заявил, что всегда был и остается убежденным и последовательным сторонником развития дружеских отношений с Советским Союзом и даже в какой-то мере разделяет идеи социализма. Но, подчеркнул далее Захир-шах, нужно понять, что Афганистан для этих идей еще не созрел, а форсировать события, невзирая ни на что, крайне опрометчиво. Итогом в этом случае будет лишь хаос, разруха и война. Дабы избежать этого, король предложил лидеру НДПА регулярно встречаться и обмениваться мнениями. Таким образом, король, видимо, надеялся установить негласный канал доверительной связи со

Старой площадью. Но Тараки, возможно, не поняв этого, отказался от дальнейших встреч, полагая, что королевская власть стремится приручить НДПА.

Как отреагировала на эту неординарную инициативу Захиршаха Старая площадь — неизвестно. А ведь дальновидный и проницательный правитель Афганистана пытался предотвратить зарождавшуюся трагедию и пекся не только о сохранении традиционного нейтралитета своей страны, но и о дальнейшем развитии дружественных советско-афганских отношений. Об этом он и просигналил.

В своевременности и правильности высказанных королем предостережений нетрудно убедиться даже при относительно поверхностном ознакомлении с афганской действительностью тех лет.

## **Правоверные реагировали иначе**

На пути новорожденной НДПА стояла преграда, преодолеть которую ей было не под силу. Преграда эта — мусульманское духовенство, с незапамятных времен занимавшее господствующие позиции в жизни афганского общества.

Низшие слои духовенства были представлены в кишлаках, где проживало почти девяносто процентов населения страны, муллами, которые всегда были тесно связаны, с одной стороны, с главами семей, кланов и племен, так сказать, со всей местной элитой, а с другой стороны — с простым людом, поскольку сами муллы почти поголовно вышли оттуда, из простого народа. Эта перемычка делала кишлак единым и неделимым целым.

Исполняя обязанности шариатских судей и толкователей Корана, строго следя за исполнением традиционных исламских обрядов и поверий, мулла, таким образом, предопределял

полное неприятие жителями кишлаков любых попыток принести извне в их жизнь чужеродные, непонятные и, главное, богохульные идеи коммунизма.

Городские служители культа, настоятели мечетей, преподаватели медресе и богословы учебных заведений проявляли себя в отличие от деревенских мулл достаточно мобильным в общественно-политическом плане средним слоем мусульманского духовенства, небезразличным к реформаторским идеям и течениям. По-иному вести себя они просто не могли, ибо их паствой были традиционные сословия горожан: торговцы, ремесленники, пауперы и т.д., — с которыми они ежедневно общались и у которых, с учетом текущих настроений «улицы», формировали единый взгляд на происходящее, разумеется, в строгих рамках извечных исламских ценностей, в духе непримиримости к всякого рода новшествам, способствующим распространению в обществе разврата, коррупции, атеизма и, конечно, коммунизма.

Высшая прослойка афганского духовенства: признанные в стране и за ее пределами богословы и правоведы, входившие в состав Совета улемов или занимавшие не менее престижные должности в государственных структурах, главным образом в органах судопроизводства, — также выступала гарантом неизменности позиций ислама во всех сферах жизнедеятельности государства. О том, насколько враждебным было их отношение к НДПА, говорить не приходится. Особенно со стороны исламских фундаменталистов, которые в своей практической деятельности отнюдь не ограничивались одними лишь проповедями и нравоучениями, адресованными правоверным. Они активно использовали и другие формы борьбы за чистоту ислама, в том числе и нелегальные.

Одним из ведущих центров такой деятельности был Кабульский университет. В начале шестидесятых годов на двух его

факультетах — богословском и инженерном — возникли первые в Афганистане кружки исламских фундаменталистов, члены которых раз в неделю проводили конспиративные собрания и обсуждали на них такие проблемы, как будущее государственное устройство Афганистана, традиционная роль ислама, программа и устав своей будущей организации и т.п. Кроме этого члены кружков негласно участвовали в антиправительственных митингах и демонстрациях, «даже руководимых коммунистами»<sup>77</sup>, с тем чтобы «отвращать демонстрантов от идей коммунизма»<sup>78</sup>.

Общий настрой в кружках задавал профессорско-преподавательский состав. Верховодили же — на богословском факультете сам декан, профессор теологии Гулам Мухаммад Ниязи, а на инженерном — Гульбурдин Хекматъяр и Сейфуддин Насратъяр.

В 1969 г. оба кружка, «движимые духом совместной борьбы», объединились и образовали первую в стране исламскую фундаменталистскую организацию «Мусульманская молодежь», которая свою конечную цель видела в возвращении страны к «чистому» исламу эпохи пророка Мухаммеда и первых четырех «справедных» халифов. Во имя достижения этой цели провозглашалась непримиримая борьба с королевским режимом, который искал ислам и открыл двери проникновению в Афганистан западной культуры и коммунистического влияния.

«Ни Восток, ни Запад, а коранический ислам!» Этим лозунгом декларировалась равноудаленность Афганистана от капитализма и социализма и приверженность «третьему», исламскому, пути развития.

Главным руководящим органом «Мусульманской молодежи» стал Верховный совет, а планирование текущей работы и

---

<sup>77</sup> Спольников В.Н. Афганистан: исламская контрреволюция. М.: Наука, 1987. С. 15.

<sup>78</sup> Там же.

контроль за ее осуществлением (демонстрации, митинги, распространение литературы и т.д.) взял на себя Исполнительный совет. Военная секция отвечала за вербовку военнослужащих и разработку планов вооруженных акций. Еще одна секция специализировалась на выявлении и ликвидации неисламских групп, их руководителей и активистов.

Первейшей же задачей всей организации считалось расширение сферы ее деятельности во всех без исключения слоях афганского общества, во всех районах страны, привлечение в свои ряды максимально возможного числа сторонников. Новые ячейки «Мусульманской молодежи», как грибы после дождя, появлялись в государственных и общественных структурах, в армии и молодежных организациях. «Членом организации может стать каждый мусульманин, независимо от национальности, социального положения и языка, стремящийся вырвать страну из когтей коммунизма и колониализма»<sup>79</sup>, — говорилось в одной из секретных инструкций «Мусульманской молодежи».

Одновременно предписывалось вести эту работу крайне осторожно, с соблюдением необходимой конспирации, но действовать наверняка, «чтобы революция смогла пустить корни»<sup>80</sup>. Регулярно проводя у себя дома секретные инструктажи актива организации, Г.М. Ниязи неизменно подчеркивал: «До созревания революции, до наступления поворотного момента — не спеши, ищи центры силы и опорные пункты, используй их для борьбы против разврата и порока»<sup>81</sup>. И это приносило свои плоды.

Установив доверительные отношения с неким Менхаджуддином Гахизом, «Мусульманская молодежь» превратила

---

<sup>79</sup> *Спольников В.Н.* Афганистан: исламская контрреволюция. М.: Наука, 1987. С. 19.

<sup>80</sup> Там же. С. 20.

<sup>81</sup> Там же. С. 20.

издававшуюся им газету «Гахиз» в свой печатный орган. Более того, при газете был основан кружок, члены которого развернули активную деятельность в близрасположенных мечетях и медресе, пополняя ряды организации.

А книжная лавка-библиотека, принадлежавшая выходцу из Герага моуляви Фейзани стала активно использоваться «Мусульманской молодежью» для распространения исламской литературы и агитации среди мулл, торговцев и ремесленников, посещавших расположенную рядом известную мечеть Поли Хешти.

Набирая, таким образом, силу, фундаменталисты становились все более агрессивными и заявляли о себе при каждом удобном случае.

Так, Г.М. Ниязи, используя свое положение декана богословского факультета, добился разрешения организовать при Кабульском университете Центр исламских исследований. Более того, он настоял на том, чтобы на приемных конкурсных экзаменах в университет в качестве обязательных были включены вопросы по истории ислама и исламской литературы. Обосновал он это следующим образом:

«Мы живем в мусульманском Афганистане, здесь не западное общество, в исламе наука и религия нераздельны. Это разложившаяся западная культура отделяет науку от религии... Бюджет университета оплачивается обездоленными крестьянами и бедным народом. Они не желают, чтобы религия, за которую они платили ценою крови, была исключена из учебных центров. Те, кто не знаком с собственной религией, не должны допускаться в Кабульский университет»<sup>82</sup>.

У «Мусульманской молодежи» были два врага — НДПА, но еще раньше, — королевская власть. Кто из них считался

<sup>82</sup> *Спольников В.Н.* Афганистан: исламская контрреволюция. М.: Наука, 1987. С. 19.



## Кому мы обязаны «афганом»?

главным — сказать трудно. У малочисленной, еще «физически» неокрепшей НДПА — крайне опасная идеология, предполагавшая абсолютно неприемлемое для мусульманина государственное устройство. У деградировавшей, морально разложившейся королевской власти — достаточно сильная армия и органы правопорядка.

Так рассуждали фундаменталисты, разворачивая борьбу на два фронта.

В апреле 1970 г. НДПА выпустила на двенадцати полосах специальный юбилейный номер своей газеты «Парчам», целиком посвященный 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Первую полосу венчали аршинные слова «Слава Ленину!». Остальные были заполнены фотографиями вечно живого вождя мирового пролетариата. А текстовки к фотографиям пестрели такими эпитетами в адрес юбиляра, какими мусульмане награждают разве что пророка Мухаммеда.

«Мусульманская молодежь» отреагировала мгновенно. Возле мечети Поли Хешти, рядом с которой функционировала упоминавшаяся выше лавка-библиотека моуляви Фейзани, словно по команде собрались более полутора тысяч улемов, мулл, торговцев, ремесленников и других фундаменталистов на митинг протеста против попыток привнести в жизнь правоверных чужеродный и враждебный марксизм-ленинизм. Выдвигалось требование незамедлительно запретить газету «Парчам», раз и навсегда покончить с распространением в стране коммунистических идей. Досталось и королю за то, что «он выпестовал банды «Хальк» и «Парчам», открыл ворота коррупции, порокам, тратил народные средства на себя и свой двор, призвал культуру иностранную взамен культуры мусульманской»<sup>83</sup>.

---

<sup>83</sup> *Спольников В.Н.* Афганистан: исламская контрреволюция. М.: Наука, 1987. С. 21.

Под антикоммунистическими и антисоветскими, а также антимонархическими лозунгами митинг продолжался 43 дня и был разогнан силами полиции и армии. Результаты митинга — газета «Парчам» была запрещена. Королю — вынесено публичное проклятие от имени афганского духовенства.

В марте—апреле 1972 г. в Кабульском университете студенты — члены «Мусульманской молодежи», возглавляемые Г. Хекматьяром, С. Насратьяром и М. Омаром, схватились с леворадикальной группировкой «Шоалей джавид». Столкновения с небольшими паузами продолжались до летних каникул и закончились арестом наиболее активных зачинщиков. Г. Хекматьяр, С. Насратьяр и М. Омар были осуждены на полтора года тюремного заключения каждый. Кроме этого, правительство сменило ректора университета и деканов факультетов, сотрудничавших с «Мусульманской молодежью».

Избранная руководством «Мусульманской молодежи» тактика борьбы на два фронта — против НДПА и «потоительствовавшего» ей короля с его правительством — оправдывала себя. Она способствовала росту авторитета и влияния организации в афганском обществе, сплачивала множившиеся как на дрожжах ряды фундаменталистов в разных краях страны.

Выступая как-то в Пешаваре перед своими сторонниками, Г. Хекматьяр с нескрываемой гордостью заявил:

«Здесь присутствуют братья, которые видели первые дни движения. Вначале наше число на собраниях в Кабульском университете не достигало и 20—30 человек. А сегодня повсюду в Афганистане, в каждой провинции мы располагаем тысячами моджахедов»<sup>84</sup>.

---

<sup>84</sup> Газета «Азади» (Свобода), Пешавар. 1 октября 1985 (на дари).

## **НДПА: одна партия — две линии**

Нур Мухаммад Тараки и после избрания Первым секретарем ЦК НДПА не перестал быть рьяным приверженцем ультрарадикальной тактики пролетарской революции и всячески обосновывал возможность установления в практически средневековом обществе диктатуры пролетариата, которого в Афганистане как класса, как социальной единицы еще и не было. Н.М. Тараки наивно полагал, что для создания «государства трудящихся» вполне достаточно вооруженного путча и захвата власти. Он нацеливал партию на исключительно подпольную революционную деятельность, на использование нелегальных форм борьбы. Своему наиболее преданному ученику Хафизулле Амину поручил создать на строго конспиративной основе военную структуру «Хальк» в королевской армии.

Бабрак Кармаль, второе лицо в НДПА, также ни на шаг не отошел от своей линии. Вместе со своими немногочисленными сторонниками в ЦК НДПА последовательно отвергал ультралевые установки Тараки, выступал за более умеренную линию, включавшую проведение антиправительственных митингов, демонстраций и прочих легальных форм революционной борьбы. По его мнению, только такая линия партии отвечала многовековым особенностям афганского общества и гарантировала успех в революционных начинаниях НДПА. И нужно признать, что благодаря именно такой тактике Б. Кармаль и его сторонники, в отличие от своего экстремистски настроенного оппонента, довольно активно набирали политические очки.

Осенью 1965 г. Кармалю и его приверженцам удалось организовать марш протеста студенческой молодежи против антинародного курса правительства М. Юсуфа. Марш привел к ожесточенному столкновению между студентами и полицией. От пуль полицейских погибли три студента. Это вызвало ши-

рокий общественный резонанс. И в результате М. Юсуф был вынужден подать в отставку.

Не менее эффективно и эффективно использовал Б. Кармаль и парламентскую трибуну после того, как той же осенью он и еще три его сторонника были избраны в нижнюю палату парламента. А Нур Мухаммад Тараки, баллотировавшийся в избирательном округе Нава провинции Газни, потерпел сокрушительное поражение. Это, разумеется, добавило толику его неприятели к удачливому «Тигренку».

Едва получив депутатский мандат, «Тигренко» стал использовать парламентскую трибуну для резкой, а главное — предметной критики правительства и законодательных органов власти, а также аргументированных разоблачений «происков американского империализма» и неизменных призывов к всемерному укреплению отношений с северным соседом, с Советским Союзом. Его выступления зачастую вызывали в парламенте бурные дискуссии, яростное раздражение со стороны правого большинства и явные симпатии у умеренного меньшинства.

После одного из таких выступлений «Тигренка» депутаты-представители феодально-клерикальных кругов прямо в зале заседаний устроили потасовку, жертвами которой стали сам Б. Кармаль и ряд его сторонников. В результате Бабрак и Анахита Ратебзад были госпитализированы.

Узнав об этом, Н.М. Тараки не только не выразил солидарность со своими товарищами по партии, но и обвинил Б. Кармаля и его сторонников в том, что они якобы специально организовали эту «инсценировку», дабы обрести ореол мучеников, жертв политического террора.

\*\*\*

...Лишь один человек среди власть предержащих был вне критики «Тигренка» — король Мухаммад Захир-шах. Более

## Кому мы обязаны «афганом»?

того, деятельность короля как главы государства превозноси-лась Б. Кармалем в необычных для лидера левой оппозиции восторженных тонах.

В августе 1966 г. в парламентской «Официальной газете» было опубликовано выступление Б. Кармалю в парламенте. В нем король удостоился комплиментов, которых трудно было ожидать даже от самых лояльных трону депутатов.

«Каждый подданный Афганистана, — провозглашал Б. Кармалю, — должен от всего сердца уважать такого короля, про которого можно смело сказать, что среди всех монархов Азии он является самым прогрессивным. Да, это истина, что мы от всего сердца доверяем ему и уважаем его, и никто не может отнять у нас право уважения к столь прогрессивному королю»<sup>85</sup>.

Кому адресовались эти слова? У депутатов парламента на этот счет не было никаких сомнений. «Тигренок» клеймил реакционно настроенную часть парламента, представляющую интересы феодально-клерикальных кругов и при каждом удобном случае открыто обвиняющих Захир-шаха во всех смертных грехах и, прежде всего, в том, что он «призвал культуру иностранную взамен культуры мусульманской» и способствовал «привнесению в жизнь правоверных чужеродного и враждебного марксизма-ленинизма». Замысел «Тигренка» вполне удался. По злейшему врагу НДПА был нанесен ощутимый удар. Сам же «Тигренок» вырос в политическую фигуру общенационального масштаба. Понимал это и Н.М. Тараки, о котором за рамками НДПА практически никто не знал.

Пропась между двумя «марксистами-ленинцами» афганского разлива стремительно расширялась. Разногласия все чаще выплескивались наружу.

---

<sup>85</sup> Журнал «Азия и Африка сегодня». № 4. 1997. С. 28.

На одном из пленарных заседаний ЦК НДПА Бабрак Кармаль прямо заявил: «НДПА обвиняется в левачестве из-за публикаций в партийной газете «Хальк» и, в частности, из-за ее подзаголовка «Орган народно-демократической мысли». Мы должны ослабить оттенок нашего красного цвета и убедить короля в том, что мы — не коммунисты».

Осенью того же 1966 г. Бабрак Кармаль и три его сторонника объявили о выходе из состава ЦК и намерении сформировать независимую фракцию «Парчам» («Знамя»). Тараки ответил на это заявлением о создании своей, независимой фракции «Хальк» («Народ»).

Весной 1969 г. «Парчам» и «Хальк» функционировали уже как вполне не зависимые друг от друга политические организации. У каждой из них были свои руководящие органы — Центральные комитеты, а также прочие, в том числе военные, структуры. При этом каждая фракция неизменно заявляла о себе, как о единственно подлинной НДПА. И, конечно же, спираль взаимных обвинений раскручивалась все сильнее.

Дополнительный импульс этому дали состоявшиеся в 1969 г. очередные парламентские выборы. «Тигренок» вновь проходит в нижнюю палату без сучка и задоринки, в то время как его соперник Н.М. Тараки, пламенно призывавший избирателей к немедленному свершению социалистической революции, вторично проваливается на выборах, собрав крайне незначительное число голосов.

В конце 60-х — начале 70-х гг. Бабрак Кармаль и его приверженцы именовались в официальных документах ЦК «Хальк» не иначе, как «дети и слуги аристократии», неспособные поверить в «революционные силы рабочего класса» и потому «плетущиеся в хвосте у национальной буржуазии».

В изданной халькистами в 1977 г. брошюре «Парчамизм — обман трудящихся масс» разоблачалось «подлинное лицо» Бабрака Кармаля и его пособников:

«По своим целям парчамизм — глубоко враждебное марксизму течение... Буржуазная сущность парчамизма проявляется, прежде всего, в отрицании ведущей революционной роли рабочего класса... В этом состоит не только их теоретическая ошибка, но и сознательное предательство интересов эксплуатируемых во имя интересов буржуазии — класса эксплуататоров... Питая классовую ненависть к трудящимся и всему простому народу, парчамизм стал идеологией и практикой буржуазного оппортунизма... Он был искусственно создан по указке правящих кругов для обмана народа. Его вдохновитель Бабрак артистически играет роль вождя. Для маскировки и привлекательности он по торжественным случаям надевает даже кепку»<sup>86</sup>.

Упоминание о кепке, которую, как известно, любил носить вождь мирового пролетариата, было недвусмысленным намеком, адресованным, конечно же, не простым афганцам, которые о Ленине и не слышали, а Старой площади. Ей прозрачно намекали, на кого следует делать ставку: на предателя интересов рабочего класса, генеральского сынка или на истинного марксиста-ленинца Нур Мухаммада Тараки.

В своем разоблачительном порыве «истинный марксист-ленинец» зачастую выходил за рамки элементарного приличия. В той же брошюре, в частности, он допустил явно непристойный выпад против Б. Кармаля и Анахиты Ратебзад:

«В свое время революционная пара любовников Бабрак и Анахита, скрепившая свое «супружество» не только парламентскими мандатами, но и безуспешной двуличной опорой

---

<sup>86</sup> Журнал «Азия и Африка сегодня». № 4. 1997. С. 29.

на США и королевский двор, поражала и приводила в восторг «красными речами» в Народном Совете (так официально называлась нижняя палата парламента. — А.Ж.) политически незрелых иностранцев и кабульских обывателей»<sup>87</sup>.

Знала ли Старая площадь обо всех перипетиях во взаимоотношениях двух «заклятых друзей-единомышленников», которых она поселила под одной крышей — НДПА? Конечно, знала. Причем во всех деталях и оттенках. Об этом ей регулярно докладывала кабульская резидентура КГБ. В ней «Марид» (такой псевдоним был присвоен Бабраку Кармалю) и «Нур», то бишь Н.М. Тараки, состояли на своеобразном «партучете».

Именно через советского резидента в 1968 г. «Марид» и «Нур» по отдельности друг от друга обратились к Старой площади с просьбой как-то помочь им преодолеть раскол в НДПА. И через некоторое время все тот же резидент сообщил им незащитливый ответ на их просьбу: отбросить в сторону разногласия, не носящие принципиального характера, сосредоточить усилия на борьбе за коммунистические идеалы. И точка!

Так продолжалось из года в год. Из Кабула резидент сообщал о непрекращающихся распрях между «Маридом» и «Нуром». Старая площадь в ответ штамповала указания о необходимости примирить непримиримых и ужесточить контроль за их действиями. Типичный образец таких указаний выглядел так: «В своей работе с «Маридом» и «Нуром» осторожно, в форме дружеского совета, не ссылаясь на указания Москвы, порекомендуйте им не предпринимать без согласования с нами каких-либо действий, которые могли бы быть использованы их недругами в качестве предлога для нанесения удара по этим группировкам и их компрометации»<sup>88</sup>.

<sup>87</sup> Журнал «Азия и Африка сегодня». № 4. 1997. С. 29.

<sup>88</sup> Архив Митрохина.



Старая площадь, словно заботливая мать, пеклась о своих детях неустанно и трогательно. И, как в каждой семье, у нее был любимчик.

В парчамистах она видела, прежде всего, прогрессивно мыслящих представителей либерально и оппозиционно настроенных к королевскому двору кругов — творческой интеллигенции, государственных чиновников, патриотически настроенных армейских чинов и т.п. — то бишь людей вполне состоятельных и хорошо образованных, окончивших престижные лицеи Кабула и завершивших учебу в США, Германии, Франции и других странах Запада. Многие из них учились в советских вузах, где, как правило, негласно функционировали ячейки НДПА и прочих политических организаций. В политико-теоретическом плане парчамисты выглядели более подготовленными, а на практике — склонными к умеренности, к поступательному, эволюционному пути развития социалистической революции.

Неслучайно их лидер, сам — сын армейского генерала, ратовал за создание широкого «общего фронта» всех демократических, патриотических и прогрессивных сил Афганистана, который мог бы успешно противостоять натиску «Мусульманской молодежи» и прочих организаций реакционного духовенства и, в конечном счете, свершить национально-демократическую революцию как промежуточный этап пути к революции социалистической.

Тактика «общего фронта» допускала возможность заключения временных компромиссов и союзов с другими прогрессивными политическими силами как с попутчиками, если это отвечало интересам НДПА.

В частности, следуя этой установке, «Тигренок» в начале семидесятых годов сумел установить достаточно прочный контакт с прогрессивно настроенным двоюродным братом короля Мухаммадом Даудом, который, пребывая в опале, вынашивал

намерения сменить монархический строй на республиканский и осуществить в стране ряд демократических реформ.

В рамках все той же тактики «общего фронта» ближайшему сподвижнику Б. Кармаля М.А. Хайбару, занимавшему достаточно высокое положение в королевской армии, удалось сколотить глубоко законспирированную структуру парчамистов из числа старших армейских офицеров...

Совсем по-иному воспринимались на Старой площади халькисты. Это были выходцы из малообеспеченных, трудовых, полупролетарских слоев афганского общества — рабочие предприятий государственного и частного секторов экономики, ремесленники, мелкие служащие госаппарата, военнотруженики младших чинов. Они-то и представлялись Старой площади подлинными революционерами, ратовавшими за бескомпромиссный и самый «быстрый и выгодный путь к освобождению через народную революцию в форме военного переворота», как выражался их лидер Н.М. Тараки.

Его знали на Старой площади больше и лучше, чем «Гигренка». К нему как бы «прикипели», а потому и опекали усердно. Неслучайно к нему был прикреплен «учитель» — заместитель директора Института востоковедения АН СССР, доктор философских наук Н.А. Дворянков, лично знавший Н.М. Тараки еще с 1962 г. и обучавший своего подопечного универсальным истинам марксизма-ленинизма.

Свое особое отношение к лидеру «Хальк» Старая площадь продемонстрировала не только тем, что в 1965 г. надела на его голову ондатровую шапку — знак принадлежности к советской партноменклатуре. В начале семидесятых годов она издала книгу Н.М. Тараки «Новая жизнь» и переправила ее в Кабул. Автором книги значился некто Назир-заде. Но в афганской столице ни для кого не было секретом, кто скрывается за этим

## Кому мы обязаны «афганом»?

псевдонимом. Немало удивленный король Захир-шах и его окружение тоже знали об этом.

Одним словом, «Парчам» и «Хальк» были любимыми детьми Старой площади. Но один из них был чуть-чуть любимее.

В мае 1976 г. «Марид» через резидента КГБ обратился к Старой площади с просьбой официально признать «Парчам» Коммунистической партией Афганистана и уведомить об этом международное коммунистическое движение, а также оказать содействие в распространении обращения «Парчам» к коммунистическим и рабочим партиям мира. Любящая «мамочка» ответила строго и назидательно:

«В мировом коммунистическом движении от каждой страны участвует только одна марксистско-ленинская партия; так это определено Международным совещанием коммунистических рабочих в 1969 г.; главная задача, стоящая перед фракциями НДПА, — преодолеть раскол в своих рядах, объединенными усилиями добиваться укрепления республиканского строя, проведения социально-экономических преобразований, ускорения национального развития и социального прогресса страны. Только в случае объединения афганские марксисты-ленинцы могут стать активной политической силой»<sup>89</sup>.

Трудно сказать, на что в данном случае рассчитывала Старая площадь. Очевидно лишь одно — того, кто ей чуть-чуть милее, она в обиду не дала.

---

<sup>89</sup> Центр хранения современной документации. Ф. 89. Пер. 25.

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

### Король мне брат, но истина дороже

Ночь с 16 на 17 июля 1973 г. ознаменовалась в Афганистане событием эпохального значения. Традиционный и, казалось, несокрушимый монархический строй в этом загадочном азиатском государстве в один миг сменился республиканским. Это случилось в результате молниеносного переворота, совершенного силами дислоцированных в Кабуле и близ него армейских подразделений, включая роту охраны монаршего дворца. Руководил этой операцией член королевской семьи, принц Мухаммад Дауд.

Король Захир-шах, двоюродный брат М. Дауда, пребывал в это время вместе с домочадцами на отдыхе в Италии. Известие об упразднении монархии воспринял довольно спокойно. Более того, выдержав ради приличия подобающую временную паузу, объявил о том, что считает себя гражданином провозглашенной республики. Новая власть оценила этот мужественный шаг свергнутого монарха и назначила ему ежемесячную пенсию в десять тысяч долларов. По тем временам сумма более чем приличная.

Достаточно благородно поступила новая власть и с теми, кого поначалу посадила под стражу. Члены королевской семьи

были освобождены и «этапированы» самолетом в Италию, к обосновавшемуся там экс-королю. На свободу были выпущены члены правительства, а также прочие сановные персоны, предоставленные отныне самим себе. Переворот, как видим, был бескровным.

23 августа Мухаммад Дауд, ставший президентом новопровозглашенной республики, выступил с обращением к народу, в котором объяснил причины июльского переворота:

«У нашего народа и во всем мире, естественно, возникает вопрос, почему мы принесли в жертву свои семейные, классовые интересы ради интересов национальных и интересов обездоленных классов? Ответ на этот вопрос заключается в том, что несправедливая и антинародная политика монархического режима в последнее десятилетие, протест против нее всех классов народа Афганистана, а также заметный прогресс в регионе и во всем мире в пользу свободы, против деспотизма, реакции и колониализма не могли оставить в покое и заставить замолчать совесть ни одного афганца-патриота...

В течение последнего десятилетия уровень жизни народа Афганистана неуклонно понижался, повседневные расходы на жизнь росли, тяжелый груз этих расходов с каждым годом становился все более невыносимым. Цены невероятно повышались, а жалованье мелких чиновников и государственных служащих, заработная плата рабочих не превышали уровня «есть столько, чтобы не умереть». Голод, безработица в несчастном обществе, бродяжничество в народе, болезни непрерывно росли. Образование и национальная культура пришли в упадок. В обществе господствовали бесправие, несоблюдение законности. Усилились деспотизм, гнет со стороны власть имущих и безжалостных высокопоставленных чиновников. Коррупция в правительственном аппарате возросла и стала позорным явлением. Процветало расхищение государственного националь-

ного богатства страны. Поборы, взяточничество, спекуляция, контрабанда, жульничество, ростовщичество распространялись с каждым днем... Подстрекательство со стороны реакционных сил, их призыв к борьбе против патриотов под предлогом так называемой демократии занимали во внутренней политике упраздненного режима важное место... Никаких надежд на изменения не оставалось, никакого пути, кроме свержения режима, не было»<sup>90</sup>.

\*\*\*

**Из досье ГРУ ГШ ВС СССР на М. Дауда, 1973 г.:**

«Мухаммад Дауд родился в 1909 г. в Кабуле. Двоюродный брат короля Захир-шаха. Получил среднее образование во Франции. Проходил службу в афганской армии. В 1932 г. командовал дивизией, а в 1938 г. назначен командующим центральными силами (Кабульский округ). Имеет звание генерал-лейтенанта.

В 1946-м Дауд вошел в правительство Шаха Махмуда в качестве министра национальной обороны. В 1948-м Шах Махмуд вывел его — наиболее сильного претендента на пост премьер-министра — с согласия короля из состава правительства, добился назначения послом во Францию.

После возвращения в 1950-м из Парижа развернул активную деятельность, направленную на устранение Шаха Махмуда. В 1953-м тот подал в отставку, а премьер-министром стал М. Дауд. Находясь в течение девяти с половиной лет на этом посту, он оказывал решающее влияние на короля во внешней и внутренней политике.

---

<sup>90</sup> *Хакшенас Ш.* Русские интриги и преступления в Афганистане от эмира Дост Мухаммеда до Бабрака. Тегеран, 1984. С. 237—238. (на дари).

## Кому мы обязаны «афганом»?

Дауд проводил курс на развитие экономики страны. При нем с помощью СССР, США, ФРГ были построены многие промышленные предприятия, развернулось строительство гидроэлектростанций, ирригационных систем, аэродромов и дорог. Он неоднократно приезжал в Советский Союз. По его инициативе на вооружение афганской армии поступали советское вооружение и боевая техника, а также оказывалась помощь в подготовке вооруженных сил.

На Дауда усилилось давление, в том числе со стороны короля. В марте 1963-го он вынужден был подать прошение об отставке. Отношения М. Дауда с королем обострились. Последовавшая за этим борьба Дауда с кланом Ш. Вали привела к отстранению от власти Захир-шаха»<sup>91</sup>.

\*\*\*

Борьба в королевской семье между кланами М. Дауда и Ш. Вали тянулась с переменным успехом многие годы. Столкнулись два исключаящих друг друга взгляда на будущее Афганистана.

Мухаммад Дауд ратовал за реформирование страны, за последовательный перевод ее на рельсы всесторонней модернизации.

Шаху Вали Афганистан виделся таким, каким позднее, после свержения шаха Реза Пехлеви, стал соседний Иран — мусульманским государством, исповедующим коранический ислам.

В противоборстве между кланами верх одерживал тот, кому удавалось расположить к себе Захир-шаха. Слово монарха было решающим.

---

<sup>91</sup> *Спольников В.Н.* Афганистан: исламская контрреволюция. М.: Наука, 1987. С. 22.

В 1953 г. повезло Мухаммаду Дауду. С его подачи был вынужден уйти в отставку тогдашний премьер-министр Шах Махмуд, представитель клана Ш. Вали. На его место король назначил М. Дауда.

Так начался почти десятилетний период реформирования и модернизации королевского Афганистана. Во внешней политике приоритет отдавался развитию дружественных отношений с Советским Союзом.

Страна, веками пребывавшая в состоянии крайней нищеты и отсталости, не так стремительно, как когда-то замышлял эмир Аманулла-хан, но все-таки уверенно начала двигаться к современности.

Шах Вали и его сторонники прибегли к тактике дестабилизации режима М. Дауда путем очернения его реформистских начинаний и компрометации самого реформатора, прежде всего, в глазах Захир-шаха и прочих членов королевской семьи. О М. Дауде стали говорить, как о «бешеном принце», с которым просто «страшно разговаривать, а тем более выражать несогласие». Захир-шаху настойчиво внушалась мысль о том, что он для «бешеного принца» никто, что единственную причину того, что за ним еще сохраняется титул короля, нужно искать в желании премьер-министра Дауда видеть его на этом месте.

Так или иначе, но в марте 1963 г. Мухаммаду Дауду пришлось подать монарху прошение о своей отставке. Захир-шах удовлетворил эту просьбу. Шах Вали победил. Чем это обернулось для Афганистана?

Период стабильности и модернизации сменился полосой неопределенности и потрясений в социальной и прочих сферах жизни афганского общества.

Правда, отношения с **шурави** оставались прежними, дружественными. Советский Союз, как и прежде, оказывал своему южному соседу всю возможную помощь: финансовую, эконо-



## Кому мы обязаны «афганом»?

---

помическую, техническую и военную. Офицеры королевской армии по-прежнему обучались в советских вузах.

Отсутствие видимых перемен в двусторонних отношениях сыграло со Старой площадью плохую шутку, усыпило ее «революционную бдительность», и она проморгала то, что с афганского государственного небосклона исчезла знаковая фигура, каковой был Мухаммад Дауд.

А вот мусульманские фундаменталисты это узрели и осознали, что тяготеющий к ним маршал Шах Вали — не чета ниспровергнутому «бешенному принцу», строго следовавшему курсу «равноудаленности», схожему с их установкой «Ни Запад, ни Восток, а коранический ислам». И вовсе не случайно летом 1970 г., после разгона 43-дневного митинга мулл возле мечети Поли Хеспти, в частных изданиях фундаменталистского толка стали появляться одна за другой публикации, в которых превозносились «героические дела» Мухаммада Дауда в период его пребывания на посту премьер-министра. При этом как бы вскользь упоминалось о том, что король Захир-шах не смог стать духовным отцом правоверных, хранителем национального очага афганцев, и потому его постигло публичное проклятие. Намек на то, кто мог бы стать духовным отцом афганцев, был достаточно прозрачен. Но М. Дауд не заглотил наживку. И моментально стал для исламских ортодоксов «безбожником» и «красным принцем». В их распоряжении остался лишь Шах Вали. Не без его содействия фундаменталистам постепенно удалось отодвинуть Захир-шаха от повседневных дел, а наследного принца Ахмад Шаха попросту нейтрализовать.

В декабре 1972 г. они добиваются очередного и очень важного успеха — премьер-министром становится М. Шафик, их единомышленник. В стране начинаются гонения на прогрессивные и, прежде всего, левые силы. К этому времени Шах Вали, маршал королевских войск, сумел сколотить сильные позиции

среди генералитета и даже части среднего командного состава. Он стал авторитетной личностью в кругах клерикальных деятелей и активистов «Мусульманской молодежи».

Тучи государственного переворота справа сгущались над Кабулом все плотнее, день ото дня. И если этот переворот не стал реальностью, то только потому, что «красный принц» на один шаг опередил заговорщиков — сверг монархию и провозгласил Афганистан республикой.

### **«Красный принц» и НДПА**

По возрасту Мухаммед Дауд годился в отцы Бабраку Кармалю. Он был на двадцать лет старше «Тигренка», которого знал еще подростком, когда тот проживал в семье королевского лейб-медика Камаруддина Какары.

«Тигренок» уже тогда приглянулся принцу. И судьбе было угодно распорядиться так, что вся последующая жизнь юноши не выпадала из его поля зрения.

Осев после долгих скитаний по стране в Кабуле, в центральном аппарате Министерства обороны, генерал-лейтенант Мухаммад Хусейн и тоже генерал-лейтенант Мухаммад Дауд, тогда командующий Кабульским округом, прониклись взаимной симпатией и стали поддерживать тесные взаимоотношения не только по службе, но и семьями.

В сложившихся таким образом обстоятельствах взросление вернувшегося к отцу «Тигренка», его становление как личности, формирование его мировоззрения — все это происходило на глазах М. Дауда. И тот не был равнодушным, сторонним наблюдателем, когда юноша вступил в члены Союза студентов и когда стал участвовать в деятельности либерально-демократического движения «Виш зальмиян» («Пробудившаяся молодежь»).

## Кому мы обязаны «афганом»?

Создав так называемый «Национальный клуб», М. Дауд стал вовлекать в него прогрессивную молодежь, студенческих лидеров и, конечно, сразу же вовлек «Тигренка». Тот с готовностью включился в деятельность клуба, носившую антиправительственную направленность, и стал верным последователем своего кумира, решившего с помощью таких, как «Тигренко», свалить правительство Шаха Махмуда.

Затея удалась. В 1953 г. М. Дауд занял заветное кресло премьера, а 23-летний «Тигренко» годом раньше сел за решетку. Сел на четыре года за то, что добивался поставленной М. Даудом цели.

В отношениях между принцем и студенческим вожакom наступает пауза. Причем весьма продолжительная. Каждый идет своим путем.

Лишь в самом начале семидесятых годов опальный принц и его бывший последователь, а теперь коммунист, вновь обрели друг друга, стали союзниками в деле свержения монархии. Оба сходились на том, что архаичное афганское общество остро нуждается в радикальных переменах. Но каждый из них видел свои пути решения этой проблемы.

Не разделяя коммунистических взглядов своего бывшего последователя, М. Дауд со всей убежденностью заявлял «Тигренку»: «Ваша идеология не имеет перспектив в Афганистане». Надеялся ли он на то, что «Тигренко» переосмыслит свое отношение к коммунистической перспективе в Афганистане и вновь станет его верным последователем? Похоже, что да. И не без оснований.

Он видел, что Б. Кармаль не такой, как Н.М. Тараки, не экстремист. Выступая за упразднение монархического строя, Б. Кармаль последовательно и небезуспешно проводил в жизнь идею создания широкого фронта демократических, патриотических и прогрессивных сил, включая представителей власть иму-

щих. Не случайно в его окружении было немало влиятельных лиц из среды высокопоставленных чиновников. Они активно поддерживали «Тигренка». И в то же время им импонировали антимонархические настроения «красного принца».

В том, что Б. Кармаль предпочитает эволюцию, а не революцию, М. Дауд смог убедиться и накануне «ночного» переворота, когда зондировал, как отнесутся к этому «Тигренку» и его парчамисты, какую позицию они займут. Тогда Б. Кармаль всячески отговаривал его от вооруженного захвата власти. Признавая необходимость радикальных перемен, он уговаривал М. Дауда встретиться с Захир-шахом, открыто изложить тому свое видение будущего Афганистана и убедить короля в неизбежности смены монархического строя на республиканский. В тот момент «красный принц» М. Дауд выглядел бóльшим революционером, нежели коммунист Б. Кармаль. «Монархия полностью себя исчерпала и ее следует устранить, а значит, переворот неотвратим». Так он заявил «Тигренку», и тот, в конце концов, согласился со своим бывшим кумиром.

\*\*\*

«Б. Кармаля и его соратников едва ли можно в полной мере назвать марксистами, — утверждает доктор исторических наук В. Коргун. — Это были скорее мелкобуржуазные революционные демократы, обладавшие лишь азами коммунистической идеологии и использовавшие ее в сугубо прикладных целях (в основном в риторике), не брезгуя открытой демагогией»<sup>92</sup>.

\*\*\*

На следующий же день после победы «ночной» революции «Парчам», как и «Хальк», выступила с заявлением, в котором

---

<sup>92</sup> Коргун В. Бабрак Кармаль. Политический портрет. «Азия и Африка сегодня», № 4, 1997. С. 27.

приветствовала упразднение монархии и призвала своих сторонников к активной поддержке всех начинаний республиканской власти. В конце концов, это была и их победа. Военные организации, созданные обеими фракциями в королевской армии, сыграли далеко не последнюю роль в бескровном перевороте.

Свою лепту внес также и подполковник королевских ВВС Абдул Кадыр. Он не входил ни в «Парчам», ни в «Хальк», но был коммунистом, основавшим в армии идейно близкую к НДПА тайную организацию «Объединенный фронт коммунистов Афганистана» (ОФКА). Его летчики обеспечили М. Дауду надежную поддержку с воздуха.

Признавая заслуги левых сил в свержении монархии, М. Дауд не скрывал своих надежд на то, что те же левые помогут ему одолеть «Мусульманскую молодежь», объявившую *джихад* республиканской власти, а затем активно включаться в строительство нового, демократического Афганистана.

Едва заняв кресло президента, он обратился к Б. Кармалю через своего секретаря Хасана Шарка (а тот был негласным сторонником «Парчам») с предложением о сотрудничестве в осуществлении предстоящих социальных реформ и программы модернизации национальной экономики. При этом М. Дауд особо подчеркнул свое намерение поднять на новый уровень дружественные отношения с **шурави**.

«Марид» не замедлил через резидента КГБ в Кабуле информировать об этом Старую площадь, высказав просьбу подготовить тезисы по важнейшим проблемам внутренней и внешней политики республиканского Афганистана, которые, по его мнению, будут учтены в программных документах правительства М. Дауда. Тезисы были подготовлены и по тому же каналу переданы «Мариду», а тот вручил их в виде рекомендаций М. Дауду.

О серьезности намерений М. Дауда сотрудничать с левыми и, в первую очередь, с «Парчам», говорят факты.

Распустив королевский парламент и учредив вместо него новую политическую структуру — Центральный Комитет Республики (ЦКР), М. Дауд ввел в руководство ЦКР из одиннадцати членов четырех сторонников «Парчам» и двух — «Халька». Сам стал президентом ЦКР, а своей правой рукой, заместителем, назначил Х. Шарка.

В первом республиканском правительстве, сформированном 1 августа, М. Дауд отдал парчамистам целый ряд министерских портфелей, в том числе таких важных, как министра внутренних дел, министра образования, министра сельского хозяйства, министра торговли, а также командующего республиканской гвардией и начальника военной полиции. А Х. Шарка назначил вице-премьером, своей правой рукой в правительстве.

Наконец, М. Дауд поощрял усилия парчамистов по внедрению своих людей в различные звенья государственного аппарата. В результате около 160 из них стали руководителями уездов и прочих органов местной власти, а некоторые — даже губернаторами.

Сложилась ситуация, в которой Б. Кармаль и его окружение уверовали в то, что они фактически управляют республикой вместе с президентом М. Даудом, символом той самой народно-демократической власти, о которой они так долго толковали как о неперенном промежуточном этапе на пути к грядущей социалистической революции.

Халькисты восприняли это как измену. Н.М. Тараки обвинил Б. Кармалю в том, что его фракция, заполучив ряд ключевых постов в республиканском правительстве, добивается самороспуска НДПА на том основании, что, мол, она больше не нужна, ибо М. Дауд проводит в жизнь ее программу.

Укрепление позиций «Парчам» выглядело настолько явным, что вызвало панику в рядах фундаменталистов.

«После прихода к власти Мухаммада Дауда, — заявлял один из отцов-основателей «Мусульманской молодежи» Бурхануддин Раббани, — НДПА с его помощью пыталась расправиться с другими партиями, поэтому я вместе с некоторыми своими учениками вынужден был уехать в Пакистан».

Вскоре Б. Раббани перебрался из Пакистана в Саудовскую Аравию и оттуда отправил своему заклятому врагу, «безбожнику» М. Дауду письмо весьма примечательного характера: «Я предупреждал его, что в Афганистане и за его пределами действуют силы, стремящиеся развязать войну. Дауд прислал ко мне генерала, и мы долго вели с ним переговоры, но они, к сожалению, ни к чему не привели»<sup>93</sup>.

Какие силы имел в виду Б. Раббани, догадаться нетрудно. Да и не столь важно. Другой вопрос, гораздо более значимый, — почему М. Дауд откликнулся на посланный ему сигнал и даже направил к Б. Раббани своего человека, который пытался о чем-то договориться с непримиримым врагом? Может быть, М. Дауд пытался затеять двойную игру против парчамистов? Или же хотел убедиться в том, что с ним ведется двойная игра?

Ему несомненно было известно, что и подполковник А. Кадыр со своими летчиками, и халькист капитан А. Ватанджар, танки которого взяли в кольцо дворец Захир-шаха, да и ряд других героев «ночного» переворота не хотели тогда ограничиваться свержением монархии и настаивали на том, чтобы идти дальше, вершить социалистическую революцию. Б. Кармалю удалось тогда остудить горячие головы, убедить их в том, что нужно подождать, что час социалистической революции еще не пробил.

Не было секретом для «красного принца» и то, что на Старой площади ждут не дождутся, когда можно будет под-

---

<sup>93</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль, Норд, 2004. С. 48.

верстать Афганистан к списку государств социалистической ориентации. Это он почувствовал, знакомясь с рекомендациями Москвы, переданными ему через «Марида» сразу после «ночной» революции.

О том, что с ним ведется двойная игра, лучше всего свидетельствовали действия халькистов. Так, после его «Обращения к народу» 23 августа Нур Мухаммад Тараки прислал ему письмо с просьбой об аудиенции, якобы для того, чтобы от имени «Хальку» лично засвидетельствовать полную поддержку его нового курса. Но халькист лукавил. Как он сам позже признал: «Мы поддержали Дауда в надежде и уверенности, что он позволит нам участвовать в управлении государством»<sup>94</sup>. Дайте нам власть, хоть кусочек власти — вот что стояло за его просьбой об аудиенции. Не обломилось! М. Дауд прекрасно понимал, как воспользуются властью халькисты. Об этом они сами поведали в программе НДПА, опубликованной еще в 1966 г. и с тех пор не пересматривавшейся.

Зачем нужна была халькистам власть, он знал и по регулярно поступающим к нему сводкам службы безопасности, в которых говорилось о том, что в кругах прокоммунистических сил активно муссируется идея его насильственного отстранения от власти. При этом зачинщиками выступали халькисты, ратовавшие за скорейший переход страны к социализму.

Немудрено, что в сложившихся обстоятельствах М. Дауд стал укреплять свои позиции.

Уже в конце 1973 г., всего лишь через несколько месяцев после успешного антимоноархического переворота, маятник сотрудничества М. Дауда с левыми силами и, прежде всего, с парчамистами качнулся в обратную сторону.

Из государственных и правительственных структур удаляются немногочисленные сторонники «Хальку». Затем наступает

---

<sup>94</sup> *Спольников В.Н.* Афганистан: исламская контрреволюция. М.: Наука, 1987. С. 28.



очередь парчамистов. Фактически отстраняется от дел Х. Шарк, заместитель М. Дауда в Центральном Комитете Республики и первый вице-премьер в правительстве. Репрессии распространяются на всех, кто так или иначе связан с «Парчам». Одних увольняют, других направляют на дипломатическую работу за границу.

Ощутимым ударом по позициям «Парчам» стала отставка министра связи М. Хамида и министра внешних сношений Пача Голя. Через них велась работа в республиканской армии и государственных учреждениях.

Герой «почной» революции А. Кадыр был тоже отправлен в отставку с поста командующего ВВС, а подполковник Акбар — с поста начальника штаба ВВС. Их сменили люди М. Дауда. Впрочем, и все образовавшиеся в ходе чистки вакансии также заполнялись чиновниками умеренного толка из числа тех, кто поддерживал давние связи с М. Даудом и был предан ему.

Но этим защитные меры М. Дауда не ограничились. Он выдвигает идею создания своей собственной Партии национальной революции, в ряды которой, как он заявил, может вступить «любой патриот». Правда, с одним условием — если он уже состоит в какой-либо партии, то должен предварительно выйти из нее.

Перед «Парчам» и «Хальк» встал вопрос: что делать дальше? Продолжать официально поддерживать режим, который напрочь отказался от их услуг, или перейти в оппозицию?

Н.М. Тараки поспешил выступить с заведомо неприемлемым для М. Дауда заявлением о том, что «Хальк» готова войти в состав Партии национальной революции, но только как самостоятельная политическая сила, как «Коммунистическая, партия Афганистана».

Б. Кармаль, со своей стороны, выразил согласие со всеми условиями, сформулированными М. Даудом. А для себя и

своих сторонников определил такую линию поведения: поскольку режим М. Дауда еще не исчерпал свой прогрессивный потенциал, свои возможности по демократизации государства, «Парчам» должна придерживаться тактики «союз-критика-союз». Другими словами, критиковать негативные тенденции в политике президента М. Дауда и в то же время поддерживать прогрессивные шаги в его деятельности.

### **«Красный принц» и «мусульманская молодежь»**

«Ночная» революция М. Дауда ошеломила фундаменталистов. В руководстве «Мусульманской молодежи» возникли нешуточные разногласия по таким принципиальным вопросам, как выбор новых путей и методов дальнейшей борьбы за идеи «коранического ислама» теперь уже в условиях республиканского режима. По признанию одного из рупоров фундаменталистов журнала «Киям-и-хак» («Восстание во имя истины»), «...исламское движение оказалось на пороге распада, крупнейшей причиной которого, видимо, являлась гибель руководящих кадров, арест кадровых сотрудников и возникновение целого ряда противоречий теоретического и тактического характера между лицами, контролирующими движение»<sup>95</sup>.

Молодежное звено в руководстве «Мусульманской молодежи» запальчиво настаивало на незамедлительном ответе на вызов, брошенный М. Даудом. Таким ответом должен был стать контрпереворот — свержение режима М. Дауда, расправа с левыми силами, создание теократического государства.

«Молодежь» недооценила лишь один момент — республиканские власти уже держали ситуацию в стране под строгим

---

<sup>95</sup> *Спольников В.Н.* Афганистан: исламская контрреволюция. М.: Наука, 1987. С. 30.

## Кому мы обязаны «афганом»?

контролем. В течение августа—декабря 1973 г. все три заговора, организованные «молодежью», в том числе и в армии, были заблаговременно раскрыты, а их участники репрессированы. В армии заговор планировали руководители военной секции «Мусульманской молодежи» инженер Мухаммад Иман и профессор богословского факультета Кабульского университета моуляви Хабиб Рахман, «старики», одоббившие замыслы «молодежи». Когда заговор был раскрыт, им удалось бежать в Пакистан. Остальные заговорщики были арестованы. В их числе: начальник разведки королевской армии, три генерала, группа офицеров и несколько депутатов распущенного парламента<sup>96</sup>.

Прагматичные и более опытные «старики» в руководстве «Мусульманской молодежи» — Г. Хекматъяр, С. Насратъяр, М. Омар и др., — осудив поспешность и горячность своих молодых собратьев, прибегли к иной тактике: сначала развернуть по всей стране широкую сеть ячеек «Мусульманской молодежи» и только потом поднять народные массы на вооруженные выступления под лозунгом *джихада* против «безбожного» режима М. Дауда и «безбожного коммунизма», «против прислужников иностранцев и их хозяев». Сказано — сделано.

21 июля 1975 г. эмиссары «Мусульманской молодежи» подняли антиправительственное восстание в Панджширской долине, а затем в провинциях Бадахшан, Логар, Лагман, Пактия и Нангархар.

«Это были первые шаги, начало нашего сопротивления, — признал позже Г. Хекматъяр. — Наше вооруженное сопротивление началось с периода нахождения у власти Дауда, а не с военного вторжения русских»<sup>97</sup>.

---

<sup>96</sup> Корзун В. Бабрак Кармаль. Политический портрет. «Азия и Африка сегодня». № 4. 1997. С. 27.

<sup>97</sup> Спольников В.К. Афганистан: исламская контрреволюция. М.: Наука, 1987. С. 22.

Однако и у «стариков» первый блин вышел комом. Во всех упомянутых провинциях восстания были подавлены быстро и жестко.

Погибли или оказались за решеткой многие из основателей «Мусульманской молодежи». В их числе: в Панджшире — Мухаммад Насим Тарек Мослемьят и профессор Голь Мухаммад; в Бадахшане — Мухаммад Надыр Бадахши и доктор Мухаммад Омар; в провинции Лагман — моуляви Хабиб Рахман, один из организаторов неудавшегося военного заговора в Кабуле в декабре 1973 г., а также инженер Абдул Алам, один из ветеранов «Мусульманской молодежи». В общем и целом оплот исламского фундаментализма в Афганистане потерял 117 человек из своего руководящего звена.

В следующем, 1976 г., предпринимается вторая попытка, в том числе Ахмад Шахом в Панджшире, поднять массы на борьбу против «безбожника» М. Дауда. И опять результат такой же для них печальный, как и год назад.

Руководство «Мусульманской молодежи» вынуждено было, в конце концов, признать: «Всесообщее вооруженное восстание не состоялось, поскольку народ отказался поверить в заявление повстанцев, что в Кабуле правит безбожный коммунистический режим»<sup>98</sup>.

Народ, девяносто процентов которого составляли, как известно, крестьяне, рассуждал по-своему.

В отличие от «революционного эмира» Амануллы-хана «красный принц» Мухаммад Дауд не стал менять, осовременивать веками сложившуюся в стране систему землепользования, воздержался от радикальных аграрных преобразований, оставил в прежнем виде традиционный уклад жизни в кишлаках. И крестьяне оценили это. Пусть монархия упразднена, рас-

---

<sup>98</sup> Спольников В.К. Афганистан: исламская контрреволюция. М.: Наука, 1987. С. 24.

суждали они, но ведь новую республиканскую власть возглавил опять-таки представитель королевской династии, выходец из клана мухамедзаев. И он не тронул нас, не навредил нам. Так почему же мы должны бороться с ним?

Так призывы фундаменталистов к *джихаду* повисли в воздухе. И они вынуждены были уйти в еще более глубокое подполье.

### **Нашла коминтернская коса на афганский камень**

На тревожные тенденции во внутривластном раскладе в Афганистане откликнулась и Старая площадь. Б. Кармалю и Н.М. Тараки поступило предписание «не допускать действий, могущих вызвать репрессивные меры властей и дать распоряжение членам обеих фракций вступать в партию М. Дауда в индивидуальном порядке, чтобы иметь возможность оказывать на нее позитивное влияние».

Но было поздно. Как в таких случаях говорят, процесс уже пошел. Очередной удар обрушился на НДПА в середине мая 1974 г., когда министр внутренних дел Афганистана объявил о том, что на весь период правления «военного правительства» М. Дауда «Парчам» и «Хальк» лишаются права именоваться политическими партиями и заниматься политической деятельностью. Им строжайше запрещалось выступать с какими-либо воззваниями, прокламациями и заявлениями.

В этой критической для себя ситуации лидеры «Парчам» и «Хальк» словно прозрели. Им вдруг захотелось заняться поиском путей к примирению и объединению усилий по поддержке режима М. Дауда, как на то постоянно обращала их внимание Старая площадь. Дабы эти благие намерения лидеров обеих

фракций НДПА воплотились в реальность, из Москвы в Кабул прибыли ответственные сотрудники Международного отдела ЦК КПСС Н.Н. Симоненко и В.Н. Федоров. От них последовали конкретные указания о том, как покончить с внутривластной грызней, а самое главное — как восстановить свои позиции в государственном аппарате и вернуть доверие М. Дауда. Последнему пункту Старая площадь придавала первостепенное значение. И сама не оставалась в стороне от этого.

По линии МИДа было направлено от имени Л.И. Брежнева обращение к Президенту Республики Афганистан М. Дауду с предостережением против принятия репрессивных мер в отношении «прогрессивных сил, являющихся надежной опорой республиканского режима».

Это был первый случай официального вмешательства Советского Союза во внутренние дела дружественного южного соседа. В нарушение буквы и духа советско-афганского договора «О нейтралитете и взаимном ненападении».

Обращение Л.И. Брежнева к М. Дауду было продублировано по каналам КГБ. Президента Республики Афганистан убеждали в том, что, подавляя левых, он ослабляет свою власть и укрепляет решимость своих врагов реставрировать монархический строй. Особо подчеркивалось, что «Парчам» и «Хальк» ориентированы на всестороннюю поддержку республиканского режима и он, М. Дауд, вполне может положиться на обе группировки.

...В июне все того же 1974 г. М. Дауд посетил с официальным визитом Советский Союз. Это была его первая поездка за границу в качестве президента Республики Афганистан. И он выбрал не Вашингтон, не Тегеран, не Лондон и т.д., а Москву. Факт, по дипломатическим меркам, весьма примечательный, говорящий о приоритетном направлении внешней политики режима М. Дауда.

Москве это понравилось. «С большим удовлетворением, — подчеркивалось в приветственных речах советских руководителей, — отмечаем тот факт, что свой первый визит за границу лидер республиканского Афганистана нанес в Москву, к своему северному соседу».

Понравилось настолько, что на Старой площади, воспринимавшей М. Дауда таким, каким ей хотелось воспринимать его, а не таким, каким он был на самом деле, признали своевременным и целесообразным поговорить с ним по душам, в неофициальной обстановке, начистоту, без всяких недомолвок. Сказано — сделано. В доверительной беседе на высшем уровне, между первыми лицами обоих государств, президенту суверенного Афганистана было открытым текстом высказано очередное предостережение по поводу его репрессивных деяний в отношении «прогрессивных сил афганского народа», под коими значились, прежде всего, «Хальк» и «Парчам».

Это же предупреждение, правда, в завуалированной форме, прозвучало и из уст Н.В. Подгорного, в то время Председателя Президиума Верховного Совета СССР. На завтраке в Кремле 5 июня 1974 г., устроенном в честь высокого афганского гостя, он, обращаясь к М. Дауду, нравоучительно произнес:

«Стоящие перед Афганистаном очень большие и сложные задачи, как показывает опыт, могут быть решены, когда твердо проводится намеченный курс, в строительство новой жизни вовлекаются широкие народные массы, когда активно и сплоченно действуют силы, которые искренне заинтересованы в укреплении нового строя».

Лидеры «Парчам» и «Хальк» были проинформированы о визите М. Дауда в Москву пространной шифротелеграммой, которую Старая площадь направила в Кабул, как обычно, по каналам КГБ. В ней, в частности, говорилось о том, что переговоры генсека ЦК КПСС Л.И. Брежнева и других советских

руководителей с М. Даудом проходили «в атмосфере сердечности, взаимопонимания и высокого уровня доверия» и свидетельствовали о том внимании, которое «советские руководители уделяют укреплению и расширению дружественных отношений с Республикой Афганистан, подъему этих отношений на новую, более высокую ступень».

О доверительной беседе на высшем уровне и предупреждении М. Дауду в связи с репрессиями против НДПА в шифротелеграмме не говорилось ни слова. Зато содержались прямые указания Б. Кармалю и Н.М. Тараки.

«Перед прогрессивными силами Афганистана, объективно являющимися верными и надежными сторонниками республиканского режима, стоят огромной важности задачи, — говорилось в них. — В условиях непрекращающейся борьбы внутренней и внешней реакции, пытающейся реставрировать старые порядки, руководители прогрессивных организаций должны отбросить в сторону имеющиеся разногласия, так как продолжение междоусобной борьбы между ними лишь ослабляет их, и по существу льет воду на мельницу реакционных сил.

Интересам укрепления национальной независимости страны отвечало бы сплочение сил, объединенных сейчас в «Парчам» и «Хальк» с целью защиты интересов рабочих, крестьян, всех трудовых слоев афганского общества на базе сотрудничества с республиканским режимом и правительством республики во главе с Мухаммадом Даудом».

Вслед за этой шифровкой последовала другая, с секретными указаниями резиденту КГБ в Кабуле:

«В своей работе с «Маридом» и «Нуром» осторожно, в форме дружеского совета, не ссылаясь на указания Москвы, порекомендуйте им не предпринимать без согласования с нами каких-либо действий, которые могли бы быть использованы их недругами в качестве предлога для нанесения удара по этим группировкам или



## Кому мы обязаны «афганом»?

их компромстации. Следует также еще раз предупредить «Маррида» и «Нура» о необходимости полного прекращения взаимных нападок и обвинений в антиреспубликанской деятельности, так как это на руку реакционным силам и в конечном итоге ведет к подрыву демократического движения в Афганистане...»<sup>99</sup>

...Результаты визита М. Дауда в Советский Союз аукнулись в Афганистане незамедлительно. Прежде всего, в сфере торгово-экономического и прочего сотрудничества, а также в межгосударственных отношениях. В частности, был установлен режим наибольшего благоприятствования в торговле, благодаря чему товарооборот между странами вскоре вырос почти в три раза. На очередной десятилетний период был продлен срок действия советско-афганского договора «О нейтралитете и взаимном ненападении».

Но были и иные результаты визита.

Вернувшись в Кабул, М. Дауд приказал ужесточить слежку за деятельностью НДПА и активизировать усилия по внедрению в ее ряды агентуры спецслужб. По его прямому указанию были закрыты издательства, выпускавшие печатную продукцию прокоммунистического толка. Одновременно последовали реверансы в сторону промонархических и других правых сил. Из тюрем были выпущены и амнистированы приверженцы клана Шаха Вали и даже «Мусульманской молодежи». Правые подняли голову в государственных и правительственных структурах, а главное — в армии. Все чаще стали раздаваться призывы к ужесточению репрессий против НДПА и других левых сил — «прислужниц чуждой афганскому народу идеологии безбожного коммунизма». Но это было не все, чем Старая площадь платила за свои грезы.

---

<sup>99</sup> *Спольников В.К.* Афганистан: исламская контрреволюция. М.: Наука, 1987. С. 58.

Следуя принципу «равноудаленности» от глобального противостояния двух сверхдержав, М. Дауд стал поворачиваться лицом к мусульманскому миру, Индии, да и к США. Он нанес визит в Саудовскую Аравию, где ему был оказан подчеркнуто пышный прием и предоставлена возможность посетить все мусульманские святыни. Крупный контингент афганских офицеров был направлен на учебу не по привычному маршруту — к шурави, а в Индию и Египет. Сократилась численность советских советников, которых заменили специалисты из других стран.

\*\*\*

В начале 1977 г. в Кабуле было объявлено о введении в стране однопартийной системы. Отныне вся полнота власти в стране, по конституции, переходила к созданной и возглавляемой М. Даудом Партии национальной революции. Для парчамистов, халькистов и прочих левых в ней места не нашлось.

В апреле того же года Дауд нанес визит в Москву, очередной раз продемонстрировав заинтересованность в дальнейшем развитии традиционных дружественных отношений с северным соседом и тесного сотрудничества во всех сферах, кроме одной — идеологической. Импорт коммунизма он решительно отвергал. А это никак не устраивало Старую площадь. В результате переговоры в Москве выглядели двоякими, двуличными.

Было подписано двенадцатилетнее соглашение о развитии двусторонних советско-афганских экономических и торговых отношений. Были произнесены сладкие слова о взаимопонимании, высоком уровне доверия, взаимном уважении суверенитета и независимости и, конечно же, о невмешательстве во внутренние дела друг друга.

Вместе с тем генсек ЦК КПСС Л.И. Брежнев в доверительной беседе с М. Даудом в очередной раз и в довольно жесткой манере высказал высокому гостю претензии по поводу про-

должающихся в Афганистане репрессий против левых сил. М. Дауд на этот раз не сдержался и также в жесткой форме попросил хозяина Старой площади не забывать, что перед ним президент суверенного и независимого государства. И подтвердил свои слова отказом от запланированной встречи с членами Политбюро ЦК КПСС. Но хозяин Старой площади продолжал гнуть свою линию, потребовав от М. Дауда изгнать из страны «империалистических советников». На что афганский лидер, не раздумывая, ответил: он отпустит из Афганистана не только империалистических, но и всех иностранных советников, как только в них отпадет необходимость.

Нашла коминтернская коса на самобытный афганский камень.

### **«Тихие» американцы действуют по-тихому**

В 1976 г. Кабул посетил государственный секретарь США Генри Киссинджер, который в беседе с М. Даудом выразил твердую поддержку инициативам последнего по диверсификации внешней политики Афганистана. И только. Никаких поучительных рекомендаций, никаких «дружеских» советов.

Похоже, что дамокловым мечом над американцами висели их позорные деяния против афганцев в пятидесятые годы. В частности, в 1954 г. тогдашний госсекретарь США Дж.Ф. Даллес позволил себе отчитать как мальчишку М. Дауда, приехавшего в Вашингтон с просьбой об оказании военной помощи. А год спустя, в 1955-м, американцы вновь показали свое непривлекательное лицо Кабулу, когда бесцеремонно потребовали от него безоговорочного вступления в Багдадский пакт.

В обоих случаях Вашингтону тогда был преподнесен весьма поучительный урок того, что грубый менторский

тон абсолютно неприемлем для самобытной национальной психологии афганцев, для которых свобода и независимость стоят превыше всего. Помнили, похоже, американцы и о том, что этот урок был преподнесен им как раз М. Даудом, занимавшим в те года пост всесильного премьер-министра Афганистана.

Видимо, поэтому в Вашингтоне решили действовать не напрямую, а через свою марионетку — иранского шаха Резу Пехлеви. По указанию госдепа США американский посол в Тегеране встретился с шахом и доложил в Вашингтон, что «шах дал понять, что будет следовать в отношении Кабула линии, соответствующей пожеланиям США»<sup>100</sup>.

И вскоре ирано-афганским двусторонним отношениям был дан тщательно просчитанный импульс. Шах Реза Пехлеви предложил М. Дауду льготный кредит в два миллиарда долларов сроком на десять лет. Из этой суммы 400 миллионов долларов были без промедления переданы Кабулу на обеспечение программ модернизации афганской экономики.

В Тегеране не скрывали намерений вывести таким путем Афганистан из-под влияния Москвы и превратить ирано-афганское сотрудничество в главный стержень даудовской концепции «равноудаленности», придав ей прозападный крен.

Любые подвижки в советско-афганских отношениях и во внутреннем положении Афганистана внимательнейшим образом отслеживались посольством США в Кабуле, естественно, через призму геополитических интересов. Наглядное свидетельство тому — отчет посольства за 1977 г.:

«В течение 1977 года, — отмечалось в нем, — безопасность и независимость Афганистана оставались незатронутыми, что

<sup>100</sup> Подробнее см.: журнал «Азия и Африка сегодня». № 12. 1989. С. 4.

отвечает стоящим перед нами основным политическим целям. Президент Дауд внес значительный вклад в укрепление стабильности в регионе, тем самым способствуя обеспечению и этой принципиальной цели США»<sup>101</sup>.

Об афганско-советских двусторонних отношениях так говорилось в отчете:

«Наиболее важные для Афганистана двусторонние отношения с северным соседом продолжали оставаться деликатными, но выгодными. Советы избегали любого проявления вмешательства во внутренние дела Афганистана и сохраняли свою позицию основного источника помощи Афганистану (более миллиарда долларов за истекшие двадцать пять лет по сравнению с менее чем 500 миллионами долларов со стороны США). Хотя в 1977 г. Советами не было оказано какой-либо значительной дополнительной помощи, обе стороны в апреле (в ходе визита М. Дауда в Москву. — А.Ж.) обсудили вопрос об использовании оставшихся 700 миллионов долларов советских кредитов, ранее предоставленных Афганистану. Советские военные поставки Афганистану в 1977 г. включали некоторые важные новые виды вооружения, такие как ракеты «земля-воздух» А-3 и А-7»<sup>102</sup>.

Содержались в отчете и рекомендации Вашингтону, какой линии следует придерживаться в отношении Афганистана:

«С целью оказания поддержки усилий Афганистана сохранить возможно большую степень независимости от советского воздействия, что является принципиальной целью политики США в этом регионе, мы продолжим демонстрировать наш дружеский и ощутимый интерес через заметное американское присутствие в этой стране. Официальный визит, который

---

<sup>101</sup> Журнал «Азия и Африка сегодня». № 12. 1989. С. 3.

<sup>102</sup> Там же.

мы уже пообещали Дауду, является ключевым моментом в американо-афганских отношениях в 1978 г.»<sup>103</sup>

Однако ни визиту М. Дауда в США, ни прочим американским задумкам на 1978 г. не суждено было сбыться.

### Конец эпохи «красного принца»

В мае 1977 г., вскоре после визита М. Дауда в Москву, Б. Кармаль и Н.М. Тараки под сильным нажимом Старой площади договорились на личной встрече о примирении. А в июле подписали соглашение об объединении. Единство НДПА, таким образом, было формально восстановлено. Состоялся пленум объединенного ЦК, места в котором поделили на паритетной основе «халькисть» и «парчамисть». Но ни те ни другие не пожелали слить воедино свои законспирированные военные структуры.

Главный же результат пленума — принятие решения о переходе НДПА в жесткую оппозицию к режиму М. Дауда и подготовке к его свержению. Ориентировочно переворот был намечен на август 1978 г. Со стороны Старой площади никаких возражений на этот счет не последовало.

А далее все пошло-поехало. Причем с опережением графика.

...Толчком к антидаудовскому перевороту, положившему начало величайшей трагедии в истории афганского народа, послужило ничем не спровоцированное убийство К.А. Хайбара, ближайшего сподвижника и друга Б. Кармаля, одного из идеологов парчамизма. Это случилось 17 апреля 1978 г.

Кто это сделал — остается тайной за семью печатями. Правда, в конце 1980 г. Анахита Ратебзад, в те годы член Политбюро ЦК НДПА, публично заявила, что убийство М.А. Хайбара орга-

<sup>103</sup> Журнал «Азия и Африка сегодня». № 12. 1989. С. 3.

## Кому мы обязаны «афганом»?

низовал Х. Амин по заданию Н.М. Тараки, а непосредственными исполнителями убийства были С.Д. Тарун и братья Амельяры, входившие в ближайшее окружение Амина. Но каких-либо документальных доказательств приведено не было.

А тогда, в апреле 1978 г., Н.М. Тараки публично обвинил М. Дауда в причастности к этому убийству, ссылаясь на то, что последний якобы лично отдал соответствующий приказ министру внутренних дел А.К. Нуристану. И хотя эта версия не подтверждалась никакими фактами, она произвела эффект разорвавшейся бомбы.

«Халькисты» и «парчамисты» объединенными усилиями сумели превратить состоявшиеся 19 апреля похороны М.А. Хайбара в мощную антиправительственную манифестацию, в которой приняли участие около 15 тысяч человек. На митинге, посвященном памяти погибшего, и Н.М. Тараки, и Б. Кармаль клеймили позором М. Дауда, а также гневно осуждали Вашингтон за поддержку антинародного режима, а главное — призывали к немедленному отмщению за убийство своего соратника.

Своими действиями «халькисты» и «парчамисты» нарушили введенный в мае 1974 г. запрет обеим фракциям НДПА называться политическими партиями и проводить какую-либо политическую деятельность. Поэтому митинг был разогнан силами правопорядка. А 26 апреля подверглись аресту семь руководящих деятелей НДПА, в том числе Б. Кармаль, Н.М. Тараки, Г.Д. Панджшири и А.В. Сафи. Под домашним арестом оказался руководитель военного крыла «Хальк» Хафизулла Амин. Он-то и успел дать сигнал о начале вооруженного выступления против режима М. Дауда.

...В полдень 27 апреля 1978 г. М. Дауд проводил, как обычно, заседание правительства в своей резиденции — дворце Арк. В какой-то момент к нему быстрым шагом приблизился начальник его личной охраны майор А. Зия и шепотом доложил,

что дворец окружен танками и подразделениями «коммандос», а над дворцом барражируют истребители ВВС.

Министру обороны генерал-полковнику М.Х. Расули тотчас было приказано вместе с майором А. Зией выяснить, что происходит вокруг дворца, и срочно доложить. Но было уже поздно. Танки открыли огонь по дворцу, истребители бомбили его с воздуха, «коммандос» расстреливали отчаянно сопротивлявшуюся охрану дворца. М. Дауд понял, что это — переворот.

«Кто хочет спасти свою жизнь, покинув дворец, волен это сделать», — обратился он к своим министрам. Зал заседаний мгновенно опустел. Сам М. Дауд неторопливо проследовал в свои личные апартаменты, к домочадцам.

Неужели те, с кем он свергал монархию и намеревался на демократических началах переустроить архаичный Афганистан, все-таки решились, вопреки здравому смыслу, вот так, как дикари, расправиться с ним?! Эта мысль не давала ему покоя.

«Кто совершил переворот?» — бросил он старшему лейтенанту Имаммудину, когда тот ворвался с группой «коммандос» в президентские покои и потребовал от М. Дауда сдать личное оружие.

«НДПА возглавляет революцию», — отчеканил старший лейтенант. М. Дауд мгновенно выхватил из кармана револьвер и выстрелил в Имаммудина. Нет, он не убил его, а только ранил. А сам тотчас же замертво рухнул на ковер, сраженный автоматными очередями «коммандос». Его участь разделили и домочадцы. Все, без исключения. Не пожалели даже малолетних детей. По-иному в Афганистане поступить не могли.

\*\*\*

Так ушел из жизни, пожалуй, единственный в новейшей истории Афганистана правитель, знавший не только на словах,



но и на деле, как можно переустроить эту самобытную страну, вывести ее из состояния средневековой отсталости и застоя, как шаг за шагом подтягивать ее к уровню современной жизни международного сообщества. Причем в реализации своих реформаторских начинаний этот великий афганский патриот искренне стремился опереться, прежде всего, на своего северного соседа, на **шурави**.

\*\*\*

М. Дауда свергли те же самые люди, которые в 1973 г. помогли ему отстранить от власти короля Захир-шаха. Это, прежде всего, лидер Объединенного Фронта Коммунистов Афганистана (ОФКА) полковник ВВС А. Кадыр и активисты «Хальк» — командиры подразделений танковой бригады М.А. Ватанджар, С.Д. Тарун, И.Д. Маздурьяр, Н. Мухаммад и А. Джан.

Утром 28 апреля А. Кадыр на *дари* и М.А. Ватанджар на *пушту* зачитали по радио обращение к афганскому народу, в котором провозглашалось создание ДРА — Демократической Республики Афганистан и сообщалось о том, что отныне власть переходит к Военно-Революционному Совету (ВРС) во главе с А. Кадыром. Правда, ненадолго. Как оказалось, всего лишь на три дня...

Вышедший из тюрьмы Н.М. Тараки сформировал свой Революционный Совет (РС) во главе с самим собой любимым, и объявил о том, что 27 апреля 1978 г. в Афганистане под руководством НДПА и в полном соответствии с предначертанным ею планом была совершена Саурская революция, в результате которой вся полнота власти перешла к Революционному Совету. А. Кадыр и прочие члены ВРС безропотно подчинились воле Н.М. Тараки. Так лидер «Хальк» узурпировал власть в стране.

«Конечно, то, что произошло в апреле 1978 г., не было революцией в классическом толковании этого понятия. Это

был дворцовый, верхушечный переворот, в ходе которого одни лишились власти, а другие взяли ее.

По целям, по устремлениям в апрельском выступлении были, конечно, признаки и революционного характера. Однако в нем не принимали участие широкие массы, совершили переворот одиночки без четкой программы, люди наивные, недостаточно цельные по своим взглядам, в действиях которых проявилось слишком много эмоциональности и отсутствовал трезвый расчет. Это были деятели с разными политическими убеждениями, идейными позициями, не имевшие каких-то определенных представлений о путях построения нового общества. Многими из них двигали чисто карьеристские устремления, другие по своему характеру попросту являлись авантюристами»<sup>104</sup>.

Так высказался об Апрельской революции и ее вождях в своих мемуарах В.А. Крючков, в те годы — руководитель внешней разведки КГБ. Мемуары вышли в свет в 1997 г. До этого он многие годы молчал. А тут его словно прорвало: «Апрельская (или, по афганскому наименованию месяца, саурская) революция 1978 г. в Афганистане произошла без какой-либо инициативы и поддержки со стороны Советского Союза, более того, вопреки его позиции»<sup>105</sup>.

«Мало кто ожидал революции в Афганистане, тем более революции, которая с самого начала провозгласила социалистические цели. Она была явно преждевременной, с точки зрения объективного уровня социально-политического развития афганского общества»<sup>106</sup>.

---

<sup>104</sup> Крючков В.А. Личное дело: Часть первая. М.: Олимп; АСТ, 1997. С. 186—187.

<sup>105</sup> Там же. С. 188.

<sup>106</sup> Там же. С. 186.

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

\*\*\*

Вряд ли целесообразно уличать Владимира Александровича в лукавстве. Бог ему судья! Не умолчим лишь об одном: почти два десятилетия он держал рот на замке лишь для того, чтобы повторить то, что еще в ноябре 1986 г. с трибуны XX пленума ЦК НДПА было сказано последним президентом ДРА и генеральным секретарем НДПА Наджибулой, которого беспардонно предали шурави, в том числе и начальник внешней разведки КГБ:

«То, что произошло в апреле 1978 г., называется переворотом, совершенным офицерами, входившими в довольно малочисленную партию, насчитывавшую всего 25 тысяч человек»<sup>107</sup>.

---

<sup>107</sup> Доклад Генсека ЦК НДПА Наджиба на XX пленуме ЦК НДПА. Хакикат-и инкилаб-и Саур. 1986.

## ГЛАВА ПЯТАЯ

### Тараки во власти

Он страстно жаждал ее и верил, что рано или поздно это произойдет.

«Мы силой захватим власть в Афганистане, — обещал Тараки своим сторонникам, — если надо будет, обратимся к Советскому Союзу, и СССР, верный своему интернациональному долгу, придет к нам на помощь, да и войска пришлет, если надо будет»<sup>108</sup>.

В отчетах о встречах с «Нуром» резидент КГБ в Кабуле квалифицировал подобные высказывания своего подопечного как свидетельство его безоговорочной ориентации на Советский Союз, как преданность коммунистическим идеалам. На Старой площади такая оценка Нур Мухаммада Тараки воспринималась положительно.

И вот 27 апреля 1978 г. заветная мечта «Нура» сбылась. Он вознесся на вершину государственной власти. А что дальше делать, у него не вызывало сомнений.

Вечером 28 апреля в Посольстве СССР в Афганистане объявился некто Салех, представился личным представителем

---

<sup>108</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 55.

Тараки, и передал просьбу своего шефа об оказании **шурави** экстренной помощи и поддержки новорожденной Демократической Республике Афганистан. **Шурави** не заставили себя ждать.

Перво-наперво, Международный отдел ЦК КПСС направил срочную шифртелеграмму резиденту КГБ в Кабуле, в которой предписывалось работать отныне с «Нуrom» и «Маридом» на «принципиально новой основе». Далее ставилась задача изыскать возможность так или иначе примирить, с учетом новых обстоятельств, «Нура» и «Марид», покончить с межфракционной грызней, объединить усилия «Хальк» и «Парчам» ради строительства нового Афганистана.

Одновременно, по поручению Старой площади, в Кабул вылетел В.А. Крючков в компании с начальником внешней контрразведки ПГУ О.Д. Калугиным.

«Как свидетельствуют источники, внушающие доверие, — утверждает Владимир Снегирев, журналист-международник, один из исследователей «афгана», — в ходе своей командировки два генерала в основном занимались формированием нового афганского руководства. Создаваемая при их участии «команда» должна была в совокупности отвечать нескольким условиям: полная лояльность по отношению к СССР, равная пропорция представителей фракций «Хальк» и «Парчам», отсутствие компромата по связям с западными спецслужбами.

Тогда же к взаимному удовольствию обе стороны договорились об открытии в Кабуле представительства КГБ — это было что-то вроде филиала «Лубянки», причем вполне легального, в отличие от секретной резидентуры, которая тоже продолжала работать. После чего руководитель ПГУ и начальник его контрразведки отбыли на родину. При этом, как вспоминают очевидцы, Владимир Александрович был настолько удовлетворен своей миссией, что после взлета предложил всем при-

сутствующим распить бутылочку хорошего коньяка. В самом факте распивания не было бы ничего необыкновенного, не являйся Крючков почти абсолютным трезвенником.

Может быть, он уже тогда осознал для себя всю судьбоносную важность этой командировки, почувствовал цепкие объятия Афганистана, который с той поры станет его ежедневной заботой и останется ею вплоть до ареста в августе 91-го? Может быть... Факт остается фактом: именно тогда В.А. накрепко повязал себя со всем тем, что происходило, и что будет происходить за Амударьей»<sup>109</sup>.

...Изложенные В.А. Крючковым принципы формирования революционной власти в ДРА были внимательно выслушаны «халькистами» и «парчамистами», хотя и те, и другие понимали, что дележ министерских портфелей будет проходить с учетом реального соотношения сил между фракциями и ни о какой равной пропорции не может быть и речи.

Лидер «Хальк» Н.М. Тараки, будучи Генеральным секретарем ЦК НДПА и председателем Ревсовета — высшего органа государственной власти ДРА, стал еще и премьером первого правительства республики.

Заместителями премьер-министра были назначены его ближайшие сподвижники: Х. Амин, получивший к тому же пост министра иностранных дел, и А.М. Ватанджар, возглавивший одновременно Министерство внутренних дел.

Лидер фракции «Парчам» Б. Кармаль довольствовался тем, что сохранил за собой посты заместителя Н.М. Тараки в партийной иерархии и в Ревсовете ДРА. В правительстве для него места не нашлось. Правда, для его верной соратницы А. Ратебзад, с

---

<sup>109</sup> *Снегирев В.* Переворот, в котором участвовал Крючков, был не первым в его биографии. «Комсомольская правда», 21 сентября 1991 года.

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

согласия Н.М. Тараки, было специально создано Министерство социальных проблем.

Всего в первом правительстве ДРА, сформированном 3 мая 1978 г., была учреждена двадцать одна министерская должность. Из них двенадцать получили «халькисты» и восемь — «парчамисты». Еще одна — должность министра обороны — досталась герою апрельского переворота, лидеру ОФКА полковнику А. Кадыру.

Таким образом, «халькисты», занимая главенствующие позиции в руководстве партии и Ревсовете ДРА, заполучили наиболее влиятельные посты в правительстве, да еще добились несомненного численного перевеса над «парчамистами».

24 мая на заседании Политбюро ЦК НДПА Н.М. Тараки и Х. Амин продавили резолюцию, запрещающую всякую фракционную деятельность в партии. Отныне ни в каком контексте нельзя было употреблять слова «Хальк» и «Парчам». Возбранялись любые действия и даже высказывания, выходящие за рамки политической линии Тараки—Амина. Нарушителям грозили строгие оргвыводы.

Фактически этой резолюцией давалась отмашка на развертывание чистки партийного аппарата, а также государственных и правительственных структур от «парчамистов» и их сторонников. И она последовала. Неудобных «халькистам» увольняли, арестовывали, переводили с руководящих постов на низовую работу.

В сложившейся обстановке по инициативе Б. Кармаля, еще сохранявшего пост заместителя председателя Ревсовета ДРА, в первой половине июня был проведен в Патане съезд «парчамистов», который выработал программу действий по отвоеванию власти в стране у «халькистов». Для достижения этой цели объявлялся переход «парчамистов» на нелегальное положение и развертывание подпольной деятельности по укреплению своих позиций в различных слоях общества и в

особенности в вооруженных силах. Но этим усилия Б. Кармалья по противостоянию Н.М. Тараки не ограничились.

Желая информировать Старую площадь об узурпации власти «халькистами», Б. Кармаль 18 июня в присутствии советского посла в ДРА А.М. Пузанова и руководителя группы партийных советников В. Хазарова обратился к Н.М. Тараки с, по существу, обличительным заявлением: «В связи с состоявшимся накануне решением Политбюро ЦК НДПА о назначении ряда товарищей послами в зарубежные страны, я и Н.А. Нур считаем также полезным выехать за рубеж в качестве послов или под предлогом лечения, чтобы не давать поводов к провокациям против благородных и честных людей»<sup>110</sup>.

Не дожидаясь ответной реакции Н.М. Тараки, совпосол заметил, что Б. Кармаль — «подготовленный дипломат». Сделал ли он это преднамеренно или по недомыслию — не известно. Но, так или иначе, он подыграл Н.М. Тараки. Как отнеслись к этому демаршу Б. Кармалья на Старой площади тоже не известно. Скорее всего, отмолчались. А Н.М. Тараки и Б. Кармаль сделали каждый свои выводы.

Уже в конце июня Б. Кармаль «согласился» занять должность посла ДРА в Чехословакии, и потому он был освобожден от всех ранее занимаемых им постов. Та же участь постигла его ближайших соратников.

Лишились министерских постов и были направлены послами Н.А. Нур — в Вашингтон, А. Вакиль — в Лондон, М. Наджиб — в Тегеран, А. Ратебзад — в Белград, М. Барьялай — в Исламабад.

За оставшимися в Кабуле С.А. Кештмандом, С. Лаеком и М. Рами была установлена круглосуточная слежка.

---

<sup>110</sup> Архив ЦК СЕПГ, Jiv 2/202, д. 575.



В стране фактически устанавливался ультралевый авторитарный режим «халькистов».

На Старой площади поначалу это вызвало растерянность и даже тревогу за будущее своего детища — Саурской революции. Чтобы прояснить ситуацию, в Кабул вылетел Б.Н. Пономарев, который потребовал объяснений от Н.М. Тараки. И они последовали в предельно откровенной форме. «Мы и до революции не доверяли «Парчам», и объединение с «парчамистами» было формальным, — как на духу признался Генсек НДПА. — Они фактически не приняли участия в вооруженном восстании. А после победы революции их лидер Б. Кармаль потребовал руководящие посты в министерствах и ведомствах разделить поровну. Претендовал он на руководящую роль, заявляя: «В ваших руках армия, отдайте нам партийные дела». А когда их требования были отвергнуты, угрожали поднять восстание. Выход был один: или они, или мы»<sup>111</sup>.

Б.Н. Пономарев, внимательно выслушав своего подопечного, не стал упрекать его в нарушении достигнутых ранее с В.А. Крючковым договоренностей о формировании органов власти в ДРА на паритетной основе с «Парчам». Ни словом не обмолвился и о том, что претензии Б. Кармаля вытекают как раз из этих договоренностей. Он осознал лишь одно: чистки и репрессии против «парчамистов» были неизбежными, поскольку личная неприязнь между Тараки и Кармалем носила непримиримый, антагонистический характер и предполагала лишь один конец: кто-то из них победит, и тогда другой, побежденный, навсегда уйдет с политической сцены.

Победил Тараки. На Старой площади отнеслись к этому с едва скрываемым чувством облегчения: с внутрипартийной

---

<sup>111</sup> Центр хранения современной документации. Ф. 89. Пер. 25. Д. 1. С. 28—34.

грызней покончено, режим наконец-то консолидирован, пора браться за революционные преобразования.

Более того, Старая площадь считала необходимым принять превентивные меры с тем, чтобы обосновавшийся в Праге Б. Кармаль не питал намерений продолжать борьбу с Тараки. Соответствующее указание на этот счет было направлено советскому послу в ЧССР. Его полный текст приводится ниже:

Документ

Сов. секретно

Приложение к п. 16 гс. пр. № 134

ПРАГА. СОВПОСОЛ

Встретьтесь с заведующим Отделом международной политики ЦК КПЧ и, сославшись на поручение ЦК КПСС, сообщите следующее.

Находящийся в ЧССР бывший посол Демократической Республики Афганистан в Праге Кармаль Бобрак ведет определенную работу среди афганцев, находящихся за рубежом как в социалистических, так и в капиталистических странах. Его усилия концентрируются на установлении связей с парчамистами (членами группировки «Парчам» во главе с К. Бобраком), организационном сплочении их на платформе борьбы против существующего в Афганистане режима, против руководства Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) и правительства ДРА. Он пытается также устанавливать с этой целью связи и со своими сторонниками, находящимися в Афганистане и работающими в НДПА, в афганской армии, в государственных учреждениях и других организациях.

Подобная деятельность К. Бобрака стала известна руководству Афганистана и вызывает негативную реакцию. Она ставит и тех, кто предоставил ему гостеприимство, и советских

## Кому мы обязаны «афганом»?

товарищей в ложное и затруднительное положение перед нынешним революционным режимом в Афганистане.

Деятельность, направленная на ослабление правящей в Афганистане партии НДПА и подрыв ее усилий по строительству нового Афганистана может рассматриваться как ошибочная, приносящая только вред Афганистану.

По имеющимся данным, в Афганистане прекратились репрессии против парчамистов, лояльно относящихся к режиму и честно работающих в госучреждениях, не подвергаются преследованиям семьи парчамистов. К. Бобраку следовало бы учитывать эти обстоятельства и сделать из этого правильные выводы: ни самому не участвовать в антигосударственной деятельности и не подстрекать к этому своих сторонников.

*Р. Ульяновский*

\*\*\*

Как только Старая площадь посчитала, что с внутривнутриполитическими распрями в НДПА покончено и власть полностью перешла к «халькистам», главный идеолог КПСС М.А. Суслов бросил клич: «Превратим Афганистан во вторую Монголию!»

Это означало, что НДПА и всему народу Афганистана предписывалось совершить «исторический скачок» из средневекового феодализма напрямиком в социализм, который в Советской России был создан большевиками. Афганцы должны были повторить тот же путь, которому монгольский народ по указанию Коминтерна безропотно следовал, начиная с 1921 г.

## **Монголия: по пятам старшего брата**

Широко известно высказывание вождя мирового пролетариата о том, что: «Религия есть опиум народа» — это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозерцания марк-

сизма в вопросе о религии»<sup>112</sup>. А еще В.И. Ленин говорил так: «Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством»<sup>113</sup>.

Неудивительно, что борьба с религией была объявлена, одной из первоочередных задач ленинского режима. Под лозунгом «Отречемся от старого мира!» православные храмы в России разрушались до основания или осквернялись и использовались как развлекательные центры, а то и как складские помещения. Священнослужители подвергались аресту, а затем расстрелу без суда и следствия. Лишь редким из них выпадало «счастье» оказаться в ГУЛАГе.

Естественно, что на беспощадную борьбу с духовным гнетом народа ориентировались и младшие братья большевиков в Улан-Баторе.

«Ваша власть и ламы не могут одновременно существовать, — предписывал им Коминтерн. — Кто-нибудь из них победит. Стало быть, совместной с ламами власти не может быть. Отсюда следует, что против лам надо бороться и уничтожать их»<sup>114</sup>.

Но в Улан-Баторе ленинская позиция в отношении религии не находила понимания. Там придерживались иного мнения. Там исходили из того, что для простого арата ламаистский монастырь из века в век был очагом-хранителем древней самобытной монгольской культуры, а лама — живым воплощением вековых традиций, нравов, обычаев. Какой монгол осмелится поднять руку на ламу и разрушить монастырь?!

---

<sup>112</sup> Журнал «Азия и Африка сегодня». № 6. 1991. С. 56.

<sup>113</sup> Там же.

<sup>114</sup> Там же.

«В нашей стране, решая вопрос о борьбе с ламством, приходится быть крайне осторожным, — сигнализировали в Москву из Улан-Батора, — дело в том, что не только простые члены, но и некоторые ответственные работники партии веруют в бога, поэтому очень трудно решать вопрос о борьбе с ламством»<sup>115</sup>.

Вопрос о ламах стал главным на состоявшейся в ноябре 1934 г. советско-монгольской встрече на высшем уровне. С советской стороны в ней приняли участие: И. Сталин, К. Ворошилов, В. Молотов, А. Жданов, С. Сокольников, Л. Каганович и Ш. Элиава, а с монгольской — П. Генден (премьер-министр МНР), Х. Чойбалсан, Р. Менд и О. Дашчиров.

Ниже приводятся фрагменты стенограммы этой встречи:

**Генден:** Некоторые советские руководящие товарищи, посещавшие Монголию, предлагали послать наших хороших партийцев, имеющих особую подготовку, работать среди лам в монастырях. Там они должны выглядеть, как истинно верующие ламы, но на самом деле выполнять особую работу. И это было бы полезно для нас, говорят они. Лично я думаю, что в данный момент это невозможно и неосуществимо.

**Сталин:** Почему это дело представляется трудным?

**Генден:** У нас нет людей с соответствующей подготовкой.

**Сталин:** Тогда ничего не остается, как только ждать.

**Генден:** Поскольку вопрос о ламах чрезвычайно трудный и тонкий, хотел бы непременно получить от вас совет: бороться против них, только издав соответствующий закон о методах борьбы с ними, или нужно еще подключать пропаганду.

**Ворошилов:** Кто имеет большее влияние среди народных масс — партия и правительство или ламы?

**Генден:** Должно быть, ламы.

---

<sup>115</sup> Журнал «Азия и Африка сегодня». № 6. 1991. С. 53.

**Ворошилов:** По-вашему получается, что перед народом, собравшимся на религиозный молебен, нельзя делать агитационно-пропагандистский доклад?

**Генден:** Если такой доклад будет делать служебное лицо, являющееся работником партии и властей, то араты могут понять его так, что он пропагандирует идею уничтожения религии. Если будет говорить обыкновенный гражданин, так его не будут воспринимать, его никто не будет слушать или будут принимать за полоумного.

**Сталин:** Вы готовы расписаться в своем бессилии перед ламами.

**Генден:** Конечно, мы воздействуем на лам. Только они имеют большее, чем мы, влияние среди аратов»<sup>116</sup>.

В следующем 1935 г. П. Генден вновь в Москве для очередной встречи со Сталиным. Его сопровождают Г. Демид и Д. Намсрай. С советской стороны в переговорах приняли участие К. Ворошилов и В. Молотов. На повестке дня все тот же вопрос о ламах:

**«Молотов:** Наш нынешний разговор не судебное заседание. Мы не обвиняем вас, Гендена, а говорим от искреннего сердца, желая укрепить ваш государственный суверенитет... Товарищ Сталин верно сказал, что если вы не будете бороться с ламами, то нет смысла помогать вам. Потому что власть лам сильнее правительства, возглавляемого Генденом...

...**Сталин:** Вообще говоря, Генден в деле борьбы с ламством потерял главную линию революции. Не дав отпора внешним захватчикам и феодалам, он поддался правому уклону. Правый уклон наносит делу больший вред, чем левый. Чтобы принять пищу, нужно захотеть. Так же, чтобы бороться с врагами независимости Монголии и ламами, нужно желание... Создается впечатление, что товарищи Генден и Намсрай не имеют ника-

<sup>116</sup> Журнал «Азия и Африка сегодня», № 7. 1991. С. 6.

кого желания и стремления бороться против лам, являющихся врагами революции. Что вам нужно? Вам нужно бороться за укрепление независимости и суверенитета своей страны, это важнее всего, а ваши враги — ламы»<sup>117</sup>.

Судьба П. Гендена была решена.

В 1936 г. в Москву из Улан-Батора прибыл новый глава правительства МНР А. Амар. О том, как протекала его беседа со Сталиным, он рассказал монгольскому писателю Бямбыну Ренчину, волей случая оказавшемуся в тот момент в Москве.

«Со слезами на глазах, — вспоминал впоследствии монгольский писатель, — Амар поведал мне следующее: «Меня принял Сталин и потребовал немедленно уничтожить лам в Монголии. Он сказал, что мы сами знаем, как их надо уничтожать. Но важнее, сказал он, дать вам как главе правительства личный совет, как провести эту операцию. Итак, Монголия должна уничтожить сто тысяч лам. Я давал всяческие разъяснения, но он их не принял»<sup>118</sup>.

Каждая из сторон отстаивала свою точку зрения. Москва усиливала давление, Улан-Батор как мог сопротивлялся.

...В добровольно-принудительном порядке в братскую Монголию перекочевал советский опыт коллективизации сельского хозяйства. Для страны, где веками основу национальной экономики составляло пастбищное животноводство, поголовная коллективизация по-советски обернулась подлинным национальным бедствием. Араты сопротивлялись ей изо всех сил.

Лишь в 1959 г. промосковски настроенный Цеденбал, правивший Монголией более трех десятилетий, решился официально объявить об «успешном» завершении коллективизации, приравняв ее к победе народной революции 1921 г.

<sup>117</sup> Журнал «Азия и Африка сегодня». № 7. 1991. С. 7.

<sup>118</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 110.

Нельзя не отметить, что монгольский эксперимент сопровождался мощным и непрерывным потоком финансовой, экономической, научно-технической, военной и прочей помощи, вплоть до бесперебойной посылки в Монголию многочисленных отрядов советских высококвалифицированных инженеров, техников и просто опытных рабочих различных специальностей. В результате Монголия выбиралась из средневековья и все более зримо приобщалась к современности. В различных районах страны возникали современные города — Дархан, Эрдэнэт, Баганур, Бор-Ундур, Хутул. Строились сотни народнохозяйственных объектов. Зарождались новые отрасли экономики. Из года в год ширилась сеть учебных заведений и больниц. К монголам пришло электричество, водопровод, центральное отопление и прочие атрибуты современной жизни. Все это так. Из песни слова не выкинешь. Но главное — каков конечный итог?

В 1991 г., в канун 70-летия МНР, тогдашний президент П. Очирбат вынужден был признать:

«Несмотря на эти и другие достижения уровень сегодняшнего развития Монголии не является удовлетворительным.

...Монголия до сих пор остается отсталой в социально-экономическом отношении. Ответственность за это несут, в первую очередь, Цеденбал и его окружение, почитавшее сталинскую модель социализма»<sup>119</sup>.

### Процесс пошел...

Призыв «Превратим Афганистан во вторую Монголию!» начал воплощаться в жизнь с того, что усилиями Старой площади была подготовлена и направлена в Кабул «Программа

<sup>119</sup> Журнал «Азия и Африка сегодня». № 7. 1991. С. 6.



## Кому мы обязаны «афганом»?

НДПА — основные направления революционных задач»<sup>120</sup>.

Режиму Тараки, как когда-то монголам, предписывалось:

- уничтожить феодальные и дофеодальные отношения;
- ликвидировать все виды угнетения и эксплуатации;
- демократизировать общественную жизнь;
- уничтожить национальный гнет и дискриминацию;
- уравнивать в правах женщин;
- укреплять государственный сектор в экономике страны;
- повышать жизненный уровень населения;
- ликвидировать неграмотность;
- установить контроль над ценами;
- устранить влияние империализма и неоколониализма в

экономике, политике, культуре и идеологии.

Все это именовалось «проведением коренных социально-экономических преобразований в афганском обществе».

Не была забыта и внешняя политика ДРА, суть которой формулировалась следующим образом:

- миролюбивая политика неприсоединения, позитивного нейтралитета;
- борьба за всеобщее разоружение;
- поддержка национально-освободительных движений;
- укрепление дружбы и сотрудничества со всеми соседними странами;
- приоритетное направление-развитие традиционных дружественных отношений с великим северным соседом — Советским Союзом.

Девятого мая 1978 г. эта программа без каких-либо изменений и дополнений была обнародована «халькистами».

А 17 мая в Кабул прилетела группа партийных советников и экспертов-востоковедов во главе с заведующим сектором

---

<sup>120</sup> Центр хранения современной документации. Ф. 89. Пер. 25. Д. 1. С. 12—25.

Международного отдела ЦК КПСС Н.Н. Симоненко, давним другом Н.М. Тараки. Группе предстояло конкретизировать на месте основные положения «Программы НДПА» и оказать афганским товарищам необходимую помощь в ее реализации.

Вслед за первой группой советников в столице ДРА, с теми же предписаниями, объявилась вторая — сорок восемь высокопоставленных **шурави** расквартировались на верхних этажах государственных и правительственных структур ДРА.

31 мая советский посол в ДРА А.М. Пузанов доложил в Москву о готовности «халькистов» следовать по пути, начертанному Старой площадью.

«Программа правительства Тараки, — говорилось в политическом письме посольства, — преследует задачу — обеспечение интересов трудящегося населения на основе коренной перестройки социально-политической структуры общества и ликвидации влияния неокOLONиализма и империализма. В беседе с послом 29 апреля Тараки говорил, что Афганистан, следуя марксизму-ленинизму, пойдет по пути строительства социализма и будет принадлежать к социалистическому лагерю»<sup>121</sup>.

Более того, генсек НДПА не стеснялся заявлять о том, что афганские коммунисты «утрут нос» Старой площади. Как свидетельствует в своих мемуарах В. Крючков, Тараки рассуждал о том, что НДПА, решившись на революцию и добившись победы, была права исторически, а вот Москва со своим скептицизмом — как раз нет.

«То, что сделано в Советском Союзе за шестьдесят лет советской власти, в Афганистане будет осуществлено за пять лет»<sup>122</sup>, — восклицал президент.

---

<sup>121</sup> Центр хранения современной документации. Ф. 5. Оп. 75. Д. 1179.

<sup>122</sup> *Крючков В.А.* Личное дело: Часть первая. М.: Олимп; АСТ, 1997. С. 191—192.

На вопрос, какой будет позиция новой власти в отношении ислама, последовал примечательный ответ: «Приезжайте к нам через год — и вы увидите, что наши мечети окажутся пустыми»<sup>123</sup>.

О безоговорочном согласии Кабула следовать курсу внешней политики, указанному Старой площадью, говорило заявление Н.М. Тараки о том, что «Афганистан будет поддерживать национально-освободительные движения в Азии, Африке и Латинской Америке».

Видя, что перед ними открыт «зеленый свет», советники занялись делом.

Советская партийная и государственная структуры, советский уклад общественной жизни со всеми его плюсами и минусами, советская мораль и риторика — все это стало механически внедряться в будни еще не стяхнувшего с себя феодальные порядки афганского общества.

Правящая партия государства — НДПА — выстраивалась по лекалам КПСС: всесильный генеральный секретарь, могущественное политбюро, центральный комитет, парткомы провинций, городов и уездов. Все партийные органы стали руководствоваться принципом «демократического централизма», обладая при этом регулируемыми и контролирующими функциями в отношении государственных и общественных структур. Пользуясь, таким образом, неограниченной властью и не неся никакой ответственности, партия еще и присваивала себе весьма существенные привилегии бытового характера. Все как у шурави.

Общественные организации ДРА: женские, молодежные, спортивные и пр. — играли роль придатков НДПА. Опять

---

<sup>123</sup> *Крючков В.А.* Личное дело: Часть первая. М.: Олимп; АСТ, 1997. С. 192.

же, как у **шурави**. Даже пионерские организации украшались атрибутами явно просоветского происхождения.

В системе просвещения стала усиленно внедряться советская методика преподавания. А среди учебных предметов на первый план выдвигалось изучение основ марксизма-ленинизма.

Афганцы на добровольно-принудительной основе начали участвовать в субботниках, в трудовых соревнованиях по месту работы, в нескончаемых мероприятиях организационно-пропагандистского характера, разного рода совещаниях, конференциях, заседаниях, семинарах, пленумах. Для членов партии проводились даже читки произведений Л.И. Брежнева «Малая земля» и «Возрождение».

Одним словом, усилиями советских советников создавалась картина бурной созидательной работы чрезвычайно громоздкой, афганской, партийно-бюрократической машины марки «Сделано в СССР». И так же, как у **шурави**, принимались решения и резолюции, которые затем, как правило, забалтывались, превращаясь в никому не нужный канцелярский хлам.

Навязывая, как и монголам, советскую модель социалистического строительства, Старая площадь наступала на одни и те же грабли: вторгалась в чужой монастырь со своим уставом. Вторгалась, будучи убежденной в том, что только марксистские догмы могут быть надежной основой и единственным универсальным средством решения любых проблем, в том числе и таких, как переход из феодализма в социализм, минуя стадию капитализма.

Это принципиальное заблуждение имело губительные последствия, особенно при проведении социально-экономических преобразований в афганской деревне.

Желая потрафить своим учителям-**шурави**, Н.М. Тараки всячески убеждал их в том, что предложенный ими план пере-

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

вода афганской деревни на рельсы социалистического развития просто обречен на грандиозный успех. В течение каких-нибудь пяти лет, клялся он, афганские крестьяне объединятся в колхозы и совхозы. И проблема коллективизации, таким образом, будет решена окончательно и бесповоротно.

Чтобы представить себе масштабность и сложность задач, о которых так легкомысленно рассуждал генсек НДПА, достаточно, хотя бы в общих чертах познакомиться с традиционным обликом афганского села и жизнью его обитателей.

\*\*\*

Крестьяне составляли почти девяносто процентов 16-ти, а по другим данным, 18-миллионного населения Афганистана. Подавляющее большинство из них вело оседлый образ жизни, в кишлаках. Хотя были и кочевники — около трех миллионов человек.

Всего в стране насчитывалось тогда 22 750 кишлаков, разбросанных далеко друг от друга на склонах и в ущельях Гиндукуша, Паропамиза, Кохи-Баба и других горных систем, на долю которых приходится четыре пятых всей территории страны.

Разбросанность кишлаков, изолированность их жителей обеспечивала прекрасную возможность даже самым малочисленным, но по-горски очень гордым этносам блюсти чистоту родного языка, сохранять в неприкосновенности веками переходящие от поколения к поколению обычаи, нравы, привычки и неукоснительно следовать завещанному далекими предками укладу жизни и специфическому мировосприятию.

Кишлак — это замкнутая ячейка полуфеодального или даже дофеодального общества, куда наглухо закрыт доступ «людям со стороны», чужакам, равно как и отличному от своего, иному восприятию мира.

«По жертвой собственностью ради спасения своей головы, но отдай голову ради спасения намуса», — гласит одна из здешних пословиц. **Намус** — это племя, а его несотъемлемые составляющие — семья, род, клан. **Мир вне намуса** — это чужой для афганца мир. И люди, обитающие там, — это чужая, а то и враждебная среда, не сулящая ничего доброго. Отсюда — настороженность и даже враждебность ко всему, что непрошено вторгается в его жизнь, предначертанную раз и навсегда Аллахом и заветами предков.

В кишлаке правят **малик** и **мулла**.

**Малик** — высший авторитет для жителей кишлака, вершитель всего и вся. Это — зажиточный крестьянин, представляющий интересы кишлака в отношениях с жителями других кишлаков, с другими племенами и официальными властями. Он собирает налоги, перераспределяет, следуя старому обычаю, участки земли, отбирает призывников в армию. А будучи еще и ростовщиком, держит в своих руках все хозяйственные рычаги в жизни кишлака.

**Мулла** — второе лицо в кишлаке. Его авторитет и влияние зиждутся на исламе, на праве применять в повседневной жизни положения **шариата** — кодекса норм поведения мусульманина в тех или иных обстоятельствах. Он неукоснительно следит за исполнением исламских обрядов и обучает детей заповедям Корана.

Для жителей кишлака **малик** и **мулла** никогда не были чуждыми элементами, а тем более — эксплуататорами, классовыми врагами. Они такие, как все. Просто их, по воле Аллаха, больше уважают. Ведь жизнь устроена так, как повелел Аллах. И тут уж ничего не поделаешь.

Не меньшим, чем в кишлаке, уважением и, что гораздо важнее, влиянием **малик** и **мулла** всегда пользовались в Кабуле. И объяснялось это очень просто.

«Местная власть приблизительно над 86 процентами населения страны, — отмечает в этой связи один из западных исследователей Афганистана Б. Мейл, — находится в руках частных лиц со своими собственными источниками богатства и силы, с которыми Кабул может вести переговоры, но которые он не может контролировать. На этом уровне центральное правительство не может быть уверено, что его политическая линия проводится в жизнь. А это практически означает, что судьба какой-либо реформы или преобразования, проводимых центральными властями, полностью зависит от позиции кишлаков: поддержат деяния правительства — значит успех им обеспечен, отвернутся от них или, еще хуже, выступят против, — значит, любая реформа обречена на провал или перерождение»<sup>124</sup>.

Об этом убедительно говорит печальный опыт «революционного эмира» Амануллы-хана. Стоило ему вторгнуться в традиционный уклад жизни кишлаков: запретить ранние браки, отменить калым за невесту, покупку жен и ряд других нововведений — как крестьяне, все как один, взбунтовались. Результат — «революционный эмир» был вынужден отказаться от престола.

Другой пример. Пришедший к власти в 1973 г. «красный принц» Мухаммад Дауд, как уже описывалось выше, сумел наголову разгромить выступивших против него исламских фундаменталистов только благодаря тому, что в своих реформаторских начинаниях полностью обошел стороной кишлаки, не тронул их. И крестьяне оценили это. Они признали режим М. Дауда. А главарям исламских фундаменталистов, пытавшимся поднять кишлаки против «красного принца», они отказали, еще раз продемонстрировав свою роль в судьбоносных для страны ситуациях.

---

<sup>124</sup> *Male B. Revolutionary Afganistan. A Relappraisal. London. 1982. P. 81—82.*

В то же время крестьяне Афганистана, как и любой другой страны, были и остаются хоть и мощной, но политически крайне инертной силой, безразличной ко всему, что их не задевает, не нарушает их патриархальность. Их нужно раскачать, взбудоражить, прежде чем они покажут свою силу. На это еще Ф. Энгельс обращал внимание. Историей всех современных стран, как писал он, подтверждено, что «сельское население никогда не может предпринять успешное самостоятельное движение в силу распыленности на большом пространстве и вследствие трудности добиться согласия среди сколько-нибудь значительной своей части. Крестьянство нуждается в инициативном воздействии со стороны более сплоченного, более просвещенного и подвижного населения городов»<sup>125</sup>.

\*\*\*

В афганских кишлаках «инициативное воздействие» на крестьян, о необходимости которого писал Ф. Энгельс, НДПА свелось к следующему:

В июле 1978 г. был издан декрет № 6 Государственного совета ДРА, которым запрещалось ростовщичество и существенно сокращалась уже образовавшаяся задолженность ростовщикам безземельных и малоземельных крестьян. Это был улар по **маликам**, главным ростовщикам и первым лицам в кишлаках.

Затем, в октябре, был опубликован декрет № 7 РС ДРА, который устанавливал нижние возрастные уровни бракосочетания и отменял калым за невесту. Декретом подрывались позиции мулл, вторых лиц в кишлаках, ревностных служителей ислама, блюстителей Корана и норм **шариата**.

Наконец, в ноябре Революционный совет принял декрет № 8 об изъятии без какой-либо компенсации «излишков» земли

---

<sup>125</sup> *Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2. Т. 8. С. 13.*



## Кому мы обязаны «афганом»?

---

у **маликов** и других крупных землевладельцев и бесплатном наделении землей безземельных и малоземельных крестьян, а также кочевников. Декрет в корне менял всю социально-политическую и хозяйственную конфигурацию кишлаков по принципу «кто был никем, тот станет всем».

К мерам «инициативного воздействия» следует также отнести инициированную НДПА пропагандистскую кампанию в прессе, в ходе которой разъяснялись цели декретов и содержались эмоциональные призывы поддержать их. При этом, правда, не учитывалось то, что крестьяне не могли читать газеты, во-первых, в силу своей поголовной неграмотности, а во-вторых, потому, что пресса в кишлаки никогда не доставлялась. Не было такой практики.

Достаточно простой и эффективной формой в этом плане выглядела еще одна инициатива НДПА — посылка в кишлаки агитбригад из молодых активистов партии. Принудительно собирая жителей кишлаков на митинги и собрания, молодые люди выступали с пылкими речами о том, что великая Саурская революция открыла для простого народа дорогу к зажиточной и счастливой жизни, к освобождению от оков феодального рабства и т.д. и т.п.

Однако ни марксистская теория классов и классовой борьбы, ни прочая революционная риторика безбородых чужаков из Кабула не находили, да и не могли найти понимания, а тем более, поддержки у тех, кто преклонялся перед **маликами** и **муллами**, говорившими с ними на привычном, понятном им языке.

Ну как можно было прекратить, руководствуясь декретом № 6 РС, выплату долгов **маликам**, своим благодетелям и защитникам? Или как можно было присвоить себе землю, отобранную согласно декрету № 8 у тех же **маликов** и других, пусть и проживающих в городе, землевладельцев, если эта земля

всегда по праву принадлежала им? А как могли реагировать крестьяне на то, что чересчур ретивые активисты НДПА насильно заставляли их жен и дочерей посещать курсы ликвидации неграмотности? И можно ли вообще верить тому, о чем толковали эти чужаки: о какой-то «эксплуатации», о «теории классовой борьбы» и «классовой солидарности», о каком-то «империализме» и его происках в Афганистане?

Ничего подобного жители кишлаков никогда не слыхивали. Да и слов-то таких не знали. То ли дело малик и мулла! Они всегда говорят правду, разъясняют суть происходящего. А те говорили так:

«Не верьте этим неправоверным! Аллах не даст вам урожая на земле, отобранной у законных владельцев. Аллах накажет вас и не примет вашей молитвы на этой земле. А эти неверные из Кабула сегодня отбирают землю, а завтра отберут жен. Не верьте им!»

Земельная реформа уже на начальном этапе наглядно показала, что она глубоко чужда жителям кишлаков, ценностные ориентации которых базировались на институтах, пришедших из глубины истории и все еще сохранявших силу.

Примечательной в этом плане выглядит реакция американского посла в Кабуле Адольфа Даббса на публикацию декрета № 7 ГС ДРА:

«С помощью нового декрета, — говорилось в направленной им в госдеп США шифртелеграмме № 8517 от 23 октября 1978 г., — правительство ДРА планирует ликвидировать принудительные браки детей и вдов, сократить традиционные расходы на женитьбу, которые зачастую заставляют участвующие стороны залезать в долги. Ликвидация калыма и расходов на свадьбу будет, возможно, с удовлетворением встречена потенциальными женихами и их родителями. Но этот обычай имеет в афганском обществе глубокие корни и как истори-

ческие, так и религиозные основы. Поэтому настойчивая попытка правительства навязать этот декрет, особенно в более консервативных сельских районах, непременно столкнется с сопротивлением»<sup>126</sup>.

Земельная реформа довольно быстро и чувствительно аукнулась «халькистам» и в городе. Она напрямую задела интересы значительной части офицерского корпуса и генералитета, а также высокопоставленных чиновников государственного и правительственного аппаратов, наконец, влиятельных мусульманских богословов. Многие из них были крупными землевладельцами. Земельная рента была далеко не последней статьей дохода в их семейных бюджетах. Теперь они лишались этого устойчивого источника дохода, причем без каких-либо отступных. Непродуманная, не просчитанная в деталях аграрная политика режима Тараки толкнула подавляющее большинство из них в лагерь контрреволюции.

Таким образом, земельная реформа оказалась подарком для исламских фундаменталистов, о котором злейшие враги НДПА и мечтать не могли.

Понимали ли «халькисты» и их наставники, чем оборачивается для них земельная реформа? Вопрос риторический.

Н.М. Тараки докладывал на Старую площадь, причем через резидента КГБ в Кабуле, что принятые Государственным советом декреты будут способствовать расширению и упрочению революционной базы НДПА путем привлечения на ее сторону безземельного и малоземельного крестьянства.

Курс НДПА на коллективизацию кишлаков, равно как и на социалистическое переустройство всего афганского общества, не претерпевал ни малейшей корректировки. Ставка по-

---

<sup>126</sup> «Документы шпионского гнезда. № 29. Афганистан». Тегеран. С. 72.

прежнему делалась на механический перенос опыта шурави на афганскую землю.

Лишь многие годы спустя, 20 ноября 1986 г., последний генсек ЦК НДПА и последний президент ДРА Наджибулла честно заявит на XX пленуме ЦК НДПА:

«Задумаемся все вместе, что же у нас происходит: в крестьянской стране мы не занимаемся как следует крестьянством. Такой животрепещущий вопрос, как земля и вода, мы пытались решить выдачей абстрактных документов, направляя поток бумаг на головы крестьян. Мы начали аграрную реформу не с того конца, разрушая сложившиеся производственные отношения, не считаясь с национальными обычаями, традициями и нравами»<sup>127</sup>.

\*\*\*

Первые вооруженные бунты кишлаков против «халькистского» режима были зафиксированы в июне 1978 г., т.е. еще до пресловутых декретов. Они вспыхнули в провинциях Бадахшан, Кунар, Пактия, Бамиан, Напгархар и носили стихийный характер. Предводительствовали малики и муллы. Кабул отреагировал скоропалительно и жестко. Была задействована армия. И не только пехота, но и авиация и артиллерия. Взбунтовавшиеся кишлаки подверглись почти полному разрушению. Существенно пострадали ирригационные сооружения. Полностью уничтожен урожай на полях. Среди жертв были женщины и дети.

Но это была пиррова победа «халькистов». Слухи об их жестокости моментально разлетелись по всей стране, вызывая негодование и жажду мести. Разумсеется, противники правящего режима, прежде всего, исламские фундаменталисты, не

---

<sup>127</sup> Доклад Генерального секретаря ЦК НДПА Наджиба на XX пленуме ЦК НДПА. Хакикат-и инкилаб-и Саур. 21 февраля 1986 г.

упустили шанса возглавить крестьянские массы в борьбе за свержение ненавистного безбожного правительства.

Как уже упоминалось выше, руководители фундаменталистской организации «Мусульманская молодежь» в 1975 г. попытались свергнуть республиканское правительство М. Дауда, но, не сумев заручиться поддержкой кипляков, потерпели поражение и бежали в Пакистан. Там ими были созданы центры подготовки моджахедов.

И вскоре на смену стихийному протесту крестьян пришла настоящая война моджахедов за возврат своей родины на традиционный путь развития. Эта война разворачивалась под религиозными антихалькистскими и антисоветскими лозунгами «Шурави — враги ислама!», «Долой продавшийся шурави безбожный режим Тараки!».

Внутриполитическая ситуация в Афганистане в корне менялась. Однако ни погрязшая во внутрипартийных распрях НДПА, шедшая на поводу у Старой площади, ни сами советники-шурави до поры до времени не придавали должного внимания тому, что страна и ее народ отвергают навязываемую им радикальную ломку складывавшегося веками уклада их жизни и его замену социалистическими ценностями, напроочь исключаящими религию как таковую и освященное Кораном право на частную собственность. Отвергают еще более решительно, чем когда-то это происходило в Монголии.

17 августа 1978 г. в Кабуле было объявлено о смене руководства вооруженными силами страны. Н. Тараки присовокуплял к постам генсека НДПА и президента ДРА еще один — министра обороны. Правда, выглядело это чистой нормальностью, ибо фактически руководителем оборонного ведомства становился Х. Амин, верный друг и лучший ученик Учителя.

Ему вменялось оказывать содействие своему Учителю в руководстве вооруженными силами. Начальником Генерального

штаба и начальником Главного политуправления армии были назначены соответственно шеф гвардии майор М. Якуб и М. Экбаль Вазир. Оба из ближайшего окружения Тараки—Амина.

Причина такой перетряски в руководстве армии лежала на поверхности. Это была отрыжка той самой жестокой схватки за власть, которая вспыхнула в НДПА между Н. Тараки и Б. Кармалем сразу после провозглашения ДРА. Тогда победа была за Н. Тараки. Теперь он как бы застолбил ее, так сказать, на всякий случай.

По-иному воспринял происшедшее советский посол в Кабуле А.М. Пузанов. Докладывая в Москву об этих кадровых назначениях, он подчеркнул, что они будут содействовать поддержанию единства НДПА, а главное — повышению авторитета НДПА и революционного правительства и усилению их влияния не только в армии, но и в стране в целом.

Действительность, однако, свидетельствовала об обратном. Масштабы антиправительственных выступлений вооруженной оппозиции неуклонно и стремительно расширялись.

«Мятежники стараются «расквасить нос» халькистскому режиму, — докладывал в госдеп временный поверенный в делах США в ДРА Флейтон, — чтобы свести на нет часто повторяемые халькистским руководством заявления о том, что оно пользуется «горячей поддержкой девяноста восьми процентов афганского населения»... Могут ли халькисты выстоять или они будут вынуждены призвать русских?.. Халькисты несомненно понимают, что приглашение в страну войск может полностью дискредитировать их в глазах большинства афганцев (включая тех, кто хотел дать им шанс модернизировать и вытащить страну из вековой феодальной трясины). Поэтому халькисты явно считают этот шаг последней своей надеждой. Этот момент еще не наступил»<sup>128</sup>.

<sup>128</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 340.

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

Но скоро должен был наступить. И халькисты к нему готовились.

Об этом достаточно убедительно свидетельствует принятый Н. Тараки 5 декабря 1978 г. визит в Москву. Это был его первый официальный визит за границу в качестве главы Демократической Республики Афганистан. Москва приняла его радушно. На состоявшихся переговорах на высшем уровне советское руководство с удовлетворением и нескрываемым оптимизмом оценило деятельность НДПА по социалистической перестройке афганского общества.

Кульминацией визита стало подписание, причем по инициативе Кабула, «Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и ДРА». Ключевой в договоре была 4-я статья, которая предусматривала возможность ввода в Афганистан советских войск для защиты завоеваний Саурской революции.

Другими словами, Старая площадь соглашалась на то, чтобы по первой же просьбе Тараки, ввязаться в афганскую междоусобицу и обеспечить ему победу над исламской оппозицией.

Вождю Саурской революции оставалось лишь удовлетворенно пожимать руки своим патронам.

## ГЛАВА ШЕСТАЯ

### Старая площадь. Заговор молчания

Бурные события, потрясавшие вековые устои жизни афганцев, наших добрых южных соседей, никак не освещались на советском телевидении, на страницах газет и журналов. Что у них там происходило и зачем понадобились там советские войска — все это было тайной за семью печатями. Такова была воля Старой площади. Каждому, кто направлялся в Кабул или уже успел побывать там и вернулся в родные края, строжайше предписывалось держать «рот на замке».

«...Я приехал в Афганистан, — свидетельствует один из ведущих в те годы политических обозревателей Генрих Боровик, — как корреспондент АПН и «Литературной газеты» с группой журналистов, которая была послана ЦК партии для того, чтобы помочь организовать газеты в Афганистане и написать о том, что там происходит. Был март 1980 года... Я объездил всю страну и вопреки сложившемуся мнению, что в армии у нас порядок, увидел совсем другое. Увидел, что армия была совершенно не готова к этой войне, что наши солдаты не были готовы к афганской зиме. Март, холод, их палатки не были оборудованы даже печуркой. Наши вертолеты, которые были бронированы снизу, сбивали с боков,



## Кому мы обязаны «афганом»?

потому что они летали в ущельях. В госпиталях не хватало медикаментов...

Мне хотелось написать обо всем этом. Но, естественно, не было никакой возможности напечатать. Нам не разрешалось писать о военных действиях, хотя война шла, люди погибали, кровь лилась. Наши солдаты помогали строить школы, клумбы разводить с цветами — и это было. Но писать об этом в то время, когда идет война, было глупо. И я практически ничего оттуда не написал...»<sup>129</sup>

Особая забота о том, чтобы помалкивать, касалась событий 1979 г. От всех, кто так или иначе был причастен к ним, требовалось попросту вычеркнуть этот год из своей жизни, будто бы его и не было.

«...Все для меня началось буднично, — вспоминает «афганец» полковник А. Поляков. — Во второй половине дня 18 октября 1979 г. меня вызвал начальник отдела и сказал: «Вы направляетесь в Кабул для плановой замены командира отряда «Зенит». Вылет спецрейсом самолета ГУПВ КГБ 20 октября. Конкретные задачи получите на месте в Представительстве КГБ. Вместе с Вами в состав отряда направляются девять сотрудников областных управлений КГБ»<sup>130</sup>.

«Что мне было известно об отряде «Зенит»? Отряд после Апрельской 1978 г. революции в Афганистане был направлен в Кабул для охраны советского посольства.

Проводились ли отрядом «Зенит» какие-либо оперативно-боевые или специальные мероприятия в Кабуле в тот период, мне неизвестно.

---

<sup>129</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 345.

<sup>130</sup> Дроздов Ю., Курилов В. Операция «Шторм-333». Альманах «Вымпел». М., 1999. С. 14.

Надо отметить, что обстановка и развитие событий в Афганистане воспринимались сотрудниками отдела спокойно и не действовали так возбуждающе, как это было, например, в период событий в Венгрии или Чехословакии. К тому же тон разговора и манера поведения начальника отдела при постановке мне задачи не вызывали у меня какой-либо озабоченности и, тем более, предположения о проведении каких-либо спецмероприятий в Кабуле. В общем, получалась обычная кратковременная заграничная командировка»<sup>131</sup>.

«...Когда нашей группе была поставлена задача: вылететь в Афганистан, то руководители подразделения сами отобрали кандидатов на поездку, — свидетельствует сотрудник группы «А» полковник С. Голов. — Мы предупредили родных, что выезжаем на учения в Ярославскую область и, возможно, на Новый год нас не будет в Москве... На сборы ушел целый день. Утром следующего дня приехали на аэродром. Когда мы поднимались по трапу, то сфотографировались. Заметив это, представитель Особого отдела забрал у фотографа фотоаппарат и засветил пленку. Прошла команда, что мы должны пролететь незаметно. Очень жестко стоял вопрос секретности»<sup>132</sup>.

«...После непродолжительной подготовки на личном самолете Ю.В. Андропова мы вылетели в Афганистан, — вспоминает сотрудник «Зенита» В. Федоренко. — Мероприятие по заброске разрабатывалось тщательно, хотя и неразберихи, связанной с секретностью нашей миссии, хватало. В Ташкенте на дозаправке пограничное руководство было шокировано появлением председательского самолета с непонятными людьми на борту. Но прошел звонок, и нас приняли на самом высоком уровне»<sup>133</sup>.

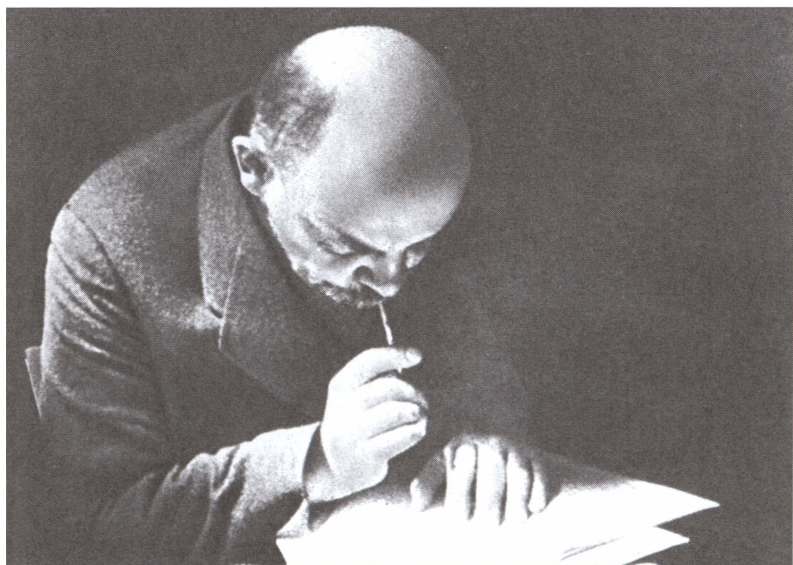
<sup>131</sup> Дроздов Ю., Курилов В. Операция «Шторм-333»... С. 14—15.

<sup>132</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 240.

<sup>133</sup> Журнал «Ветеран границы», № 1—2, 1999. С. 16.



*В.И. Ленин произносит речь на заседании III конгресса Коминтерна*



*В.И. Ленин в перерыве между заседаниями III конгресса Коминтерна*



*Комбриг В.М. Примаков — он же турецкий офицер Рагиб-бэй, командир спецотряда по «спасению» режима «революционного эмира» Аманулы-хана в 1929 году*



*Король Афганистана Аманулла-хан, провозгласивший в 1918 году  
независимость Афганистана*



*Король Захир-шах на встрече с семьями советских специалистов в Афганистане*



*Первый президент Афганистана  
Мухаммад Дауд*



*Председатель Революционного  
совета ДРА Н.М. Тараки (справа)  
у мавзолея В.И. Ленина*



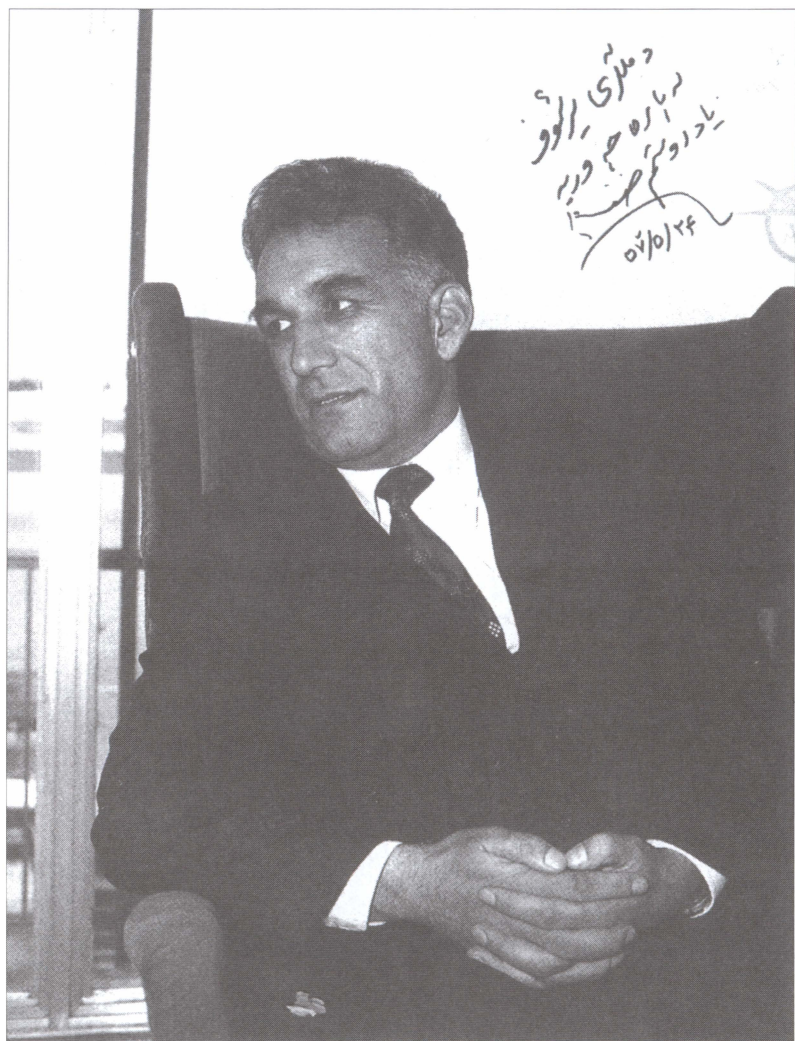
*Солдаты «мусульманского батальона»*



*Главный военный советник в ДРА  
генерал-лейтенант Л.Н. Горелов*



*Главный советник в ДРА генерал-  
полковник С.К. Магомедов*

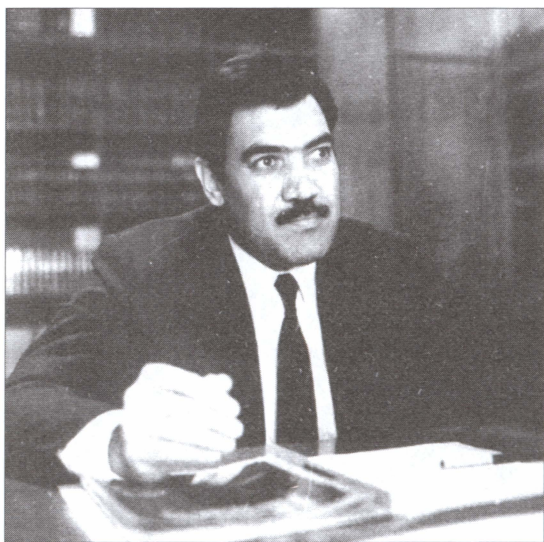


*Хафизулла Амин*





*Бабрак Кармаль*



*Мухаммад Наджибулла, последний президент ДРА  
и генсек НДПА*



*Во время подписания советско-афганского договора о дружбе и сотрудничестве 5 октября 1978 года*



*М.А. Суслов вручает очередную награду Л.И. Брежневу*

*Состав комиссии Политбюро ЦК КПСС по Афганистану:*



*А.А. Громыко, глава МИД СССР  
(формально —  
председатель комиссии)*



*Л.И. Брежнев, генсек ЦК КПСС  
(фактически вел  
все заседания комиссии)*



*Ю.В. Андропов,  
председатель КГБ СССР*



*Д.Ф. Устинов,  
министр обороны СССР*

Председатель комиссии тов. Л. К. Братман  
Члены комиссии: Сулейманов И. А., Теймуров В. В., Вильямов В. В.,  
Ахмедов Ф., Усманов Д., Давлатов Р. Р., Талипов А. А., Тимуров И. И.,  
Гонимов С. С.

СОБ. СОВЕТСКИХ  
ОСОБЫХ ШАХА

Р. Положенцию В. А.

Вопрос, требующий решения  
этих мероприятий и мер по  
корректировке каждого из  
характера.

И. М. Андронов И. В.,  
Усманов Д. Ф., Троицкий А. А.

Вопрос, требующий решения  
их, своевременно вносить  
в Политбюро

Осуществление всех этих меропри.  
Ити вклетить на И. М. Андрон  
И. В., Усманова Д. Ф., Троицкого А. А.

2. Поручить И. М. Андронову И. В.,  
Усманову Д. Ф., Троицкому А. А.  
информировать Политбюро ИК  
о ходе выполнения, назначенных  
мероприятий Ити

№ 397 от 12 декабря 1975 г. ИК Братману 1176/125 от 12/12/75

Фотокопия постановления о вводе советских войск в Афганистан  
(принято членами Комиссии при участии М. А. Сулова)

*Руководители сверхсекретной операции  
по физическому устранению Х. Амина:*



*В.А. Крючков, начальник внешней  
разведки КГБ, генерал-полковник*



*Б.С. Иванов, представитель  
председателя КГБ в Афганистане,  
генерал-полковник*



*В.А. Кирпиченко, первый зам.  
В.А. Крючкова, генерал-лейтенант*



*Ю.И. Дроздов, начальник  
нелегальной разведки КГБ,  
генерал-майор*



*С.Л. Соколов, Маршал Советского  
Союза, руководитель ОГ МО СССР  
в ДРА*



*С.Ф. Ахромеев, генерал армии,  
зам. руководителя ОГ МО СССР  
в ДРА*



*Бойцы спецгруппы КГБ СССР «Гром» О.А. Балашов, В.И. Филимонов,  
А.И. Мирошниченко, В.Ф. Карпунин, С.Г. Коломиец в Баграме,  
24 декабря 1979 года*



*Бойцы группы «Зенит» накануне операции по захвату дворца Тадж-Бек,  
27 декабря 1979 года*



*Бойцы подгруппы «Зенит» после захвата здания Генерального штаба,  
28 декабря 1979 года*



*Встреча советских воинов жителями Кабула*

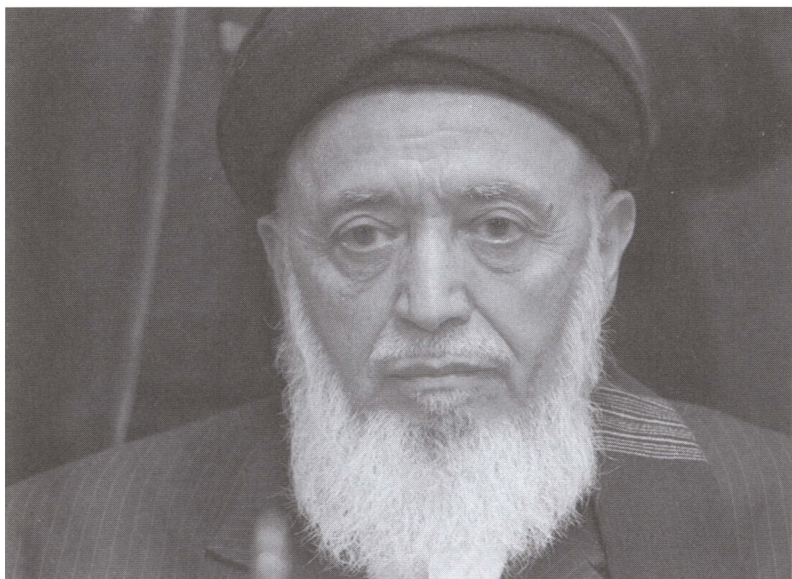


*Моджахеды*





*Лидер Исламской партии Афганистана Г. Хекматиар*



*Президент Афганистана с 1992 по 2001 г. Б. Раббани*



*Ахмад Шах Масуд*



*Встреча Президента России В.В. Путина с ветеранами войны  
в Афганистане, 19 февраля 2004 года*

Беспрецедентная секретность соблюдалась и на всех этажах Старой площади, включая кабинеты членов Политбюро ЦК КПСС.

«Замысел рождался в обстановке секретности, необычной даже для нашего закрытого общества, — отмечает в своих мемуарах Л. Шебаршин. — Его инициаторы не рисковали привлекать экспертов, не удосужились заглянуть в афганское прошлое, узнать что-либо об афганцах»<sup>134</sup>.

Для Старой площади превыше всего были собственные интересы, которые она скрывала от общественности самым тщательным образом.

Но, как пишет в своих воспоминаниях В. Кирпиченко, «прошли годы, сменилась власть, и те начальники, которые призывали к молчанию, начали писать на афганскую тему мемуары, выступать на телевидении, давать интервью»<sup>135</sup>.

Как только Старая площадь приказала долго жить, тотчас достоянием гласности стали многие сверхсекретные постановления Политбюро ЦК КПСС и прочие, ранее недоступные для широкой общественности партийные документы, а также секретные документы различных министерств и ведомств, прямо или косвенно причастных к афганской эпопее.

Наконец, «афган» стал объектом многих журналистских и публицистических расследований, исследовательских усилий представителей научных кругов, в особенности востоковедов.

Свою лепту в правдивое освещение афганской эпопеи внесла антишахская, антиамериканская революция в Иране, в результате которой в 1980—1983 гг. в Тегеране были опубликованы пятьдесят четыре тома конфиденциальных документов

---

<sup>134</sup> *Шебаршин Л.В.* Рука Москвы. М.: Центр-100, 1992. С. 202.

<sup>135</sup> *Кирпиченко В.А.* Разведка: лица и личности. М.: Гея, 1998.

Госдепартамента, ЦРУ и военной разведки США под общим названием «Документы шпионского гнезда», то бишь американского посольства в Тегеране, захваченного мусульманскими революционерами. В двух томах были собраны секретные документы, касавшиеся Афганистана.

Таким образом, картина «спрятанной войны», как назвал одну из своих книг об Афганистане Артем Боровик, вырисовалась настолько, что появилась возможность реконструировать с большой долей достоверности хронику 1979 г., вошедшего в нашу отечественную историю как год начала «афгана».

## 1979-й в лицах и событиях

### *Январь*

**1 января.** Революционный Совет ДРА издает специальный декрет о проведении земельной реформы в десяти из двадцати девяти провинций страны.

### *Февраль*

**14 февраля.** В Кабуле боевиками террористической организации «Сетаме мелли» похищен посол США Адольф Даббс. Похитители выдвигают требования: освободить из тюрьмы их лидера Б. Базса и еще двух боевиков; предоставить им возможность выступить перед иностранными журналистами; обеспечить беспрепятственный вылет на самолете в другую страну в сопровождении американского посла.

В ходе операции по освобождению А. Даббса он трагически погибает. В планировании и проведении операции силами афганской полиции принимали участие советские советники.

**15 февраля.** Госсекретарь США К. Кристофер вручает в Вашингтоне ноту протеста советскому послу А. Добрынину. В ноте, в частности, говорится: «Правительство моей страны

глубоко возмущено ролью советских советников, работавших в тесном контакте с кабульской полицией, в убийстве нашего посла»<sup>136</sup>.

Одновременно Вашингтон полностью сворачивает программу помощи Кабулу. А Специальный координационный комитет СНБ во главе с З. Бжезинским принимает решение: «Быть более сочувственным к тем афганцам, которые решительны в сохранении независимости своей страны»<sup>137</sup>.

Вслед за этим решением политическая и материальная поддержка моджахедам со стороны США существенно расширяется.

### *Март*

Армия советских советников в Афганистане возрастает до 4500 штыков, возникает ситуация, которую В. Снегирев охарактеризовал следующим образом: «Без ведома советников, афганцы не могли произвести сколько-нибудь заметное кадровое назначение, не осуществлялись военные операции, не строились народнохозяйственные объекты, не отправлялись колонны с грузом»<sup>138</sup>.

Аналогичная оценка содержится в воспоминаниях Л. Шенбаршина:

«Мы чему-то учили афганцев, сомнений нет. Но, главным образом, мы ими распоряжались, командовали, «пристегивали» к своим операциям, навязывали свои решения, громко крича при этом о слабой боеспособности союзника и ища корень зла

---

<sup>136</sup> Цыганик И., Алексеев Г., Турбин В. Интернациональная миссия. М., 1999. С. 30—33.

<sup>137</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 108.

<sup>138</sup> Снегирев В. Переворот, в котором участвовал Крючков, был не первым в его биографии. «Комсомольская правда», 21 сентября 1991 года.

в политике... Мы не помогали и советовали, а командовали, переносили свои порядки — обращение на «ты», стучание кулаком по столу, матерную брань — в интернациональную сферу, пытались обтесывать афганцев на манер собственных рекрутов»<sup>139</sup>.

...После убийства А. Даббса в Афганистан командировается группа сотрудников КГБ из специального элитного подразделения антитеррора «Альфа» для охраны советского посла и его семьи, а также старших военных советников в Кабуле, Кандагаре, Герате, Джелалабаде, Мазари-Шерифе и других городах разных провинций.

«В марте 1979 года я был направлен в командировку в Афганистан в составе группы из двенадцати человек. Мы там занимались обеспечением безопасности посла, потому что в феврале там был убит американский посол Даббс, — вспоминает сотрудник «Альфы» Николай Берлев. — Как нам стало известно, американцы планировали провести акцию против нашего представительства, или против посла, или против резидента»<sup>140</sup>.

А вот воспоминания В. Панкина, тоже «альфовца»: «Нас разбросали по регионам. Я вместе с Николаем Швачко попал в Гардез (провинция Пактия). В течение двух месяцев мы охраняли наших советников (по линии КГБ и МВД СССР). В Гардезе в то время обстановка была сложная, а в Хосте уже шла самая настоящая война... Когда мы находились в Гардезе, там произошел антиправительственный мятеж, но его афганцы быстро подавили собственными силами. Афганские контрразведчики расстреляли за одну ночь семьдесят офицеров, принявших

<sup>139</sup> *Шебаршин Л.В.* Рука Москвы. М.: Центр-100, 1992. С. 192.

<sup>140</sup> *Ляховский А.А.* Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 110.

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

участие в мятеже. Без суда и следствия их вывозили в ущелье, за город, и там расстреливали»<sup>141</sup>.

**15 марта.** В Герате восстает гарнизон, расположенный примерно в трех километрах от провинциального центра.

«Выяснилось, — свидетельствует «альфовец» П. Климов, — что мятеж поднял самый толковый и умный из афганцев. Полковник Катичев из штаба Таманской дивизии, он там был военным советником, рассказал, что афганский офицер-артиллерист все время интересовался — как и что надо делать? Ему все рассказывали, учили. А потом он поднял мятеж. Военные советники все сразу врассыпную, все по «джипам» и бежать кто куда. Наш последний «джип» отсекали, а там майор из Сибири ехал, его и убили.

Трос наших погибло в тот мятеж: майор-сибиряк, встравч, его убили выстрелом в спину в гарнизоне, и работник Внешпосылторга, его убили уже в городе на вилле и разгромили. Говорят, что он там шкурки каракуля покупал за полцены, то есть недоплачивал, обдирал население, а когда началась там заваруха, его сразу и «завалили». Городская власть запросила подмогу в Кабуле. На подавление мятежа прибыло два батальона десантников и танки. Военный советник полковник Катичев потом рассказывал, что мэр послал батальон десантников на штурм этого гарнизона. Штурмовать решили через главный вход, а там, перед входом была широкая дорога. Руководитель мятежников как предчувствовал, что будут штурмовать именно на этом направлении, все пушки здесь поставил. Они дали залп, и батальон понес большие потери. На следующий день ввели второй эшелон. Военные советники посчитали, что артиллерист переместит пушки на другое направление, поэтому решили вновь штурмовать с центрального входа.

---

<sup>141</sup> *Ляховский А.А.* Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 110—111.

Полковник Катичев ехал впереди колонны на «джипе», а за ним шла колонна танков.

Когда въехали они в военный городок, то со всех сторон слышали возгласы: «Наши пришли! Наши пришли!» Все стали складывать оружие! Возникла неразбериха. Кто наши? Кто чужие? Афганцы потом сами между собой разобрались. Кого-то без суда и следствия повесили, кого-то расстреляли. Особо не разбирались»<sup>142</sup>.

Так было покончено с мятежниками в Герате. Но оставался еще Джелалабад. Там тоже взбунтовался местный гарнизон правительственных войск.

Операцией по восстановлению порядка в Джелалабаде руководил непосредственно начальник Генерального штаба ВС ДРА М. Якуб. Около двухсот тридцати бунтовщиков подверглись аресту. Многие из них, офицеры, были вдохновителями и непосредственными организаторами мятежа. На словах они приветствовали режим НДПА, но в душе оставались верны традициям и порядкам старой, королевской армии. Революционные новшества «халькистов» они решительно отвергали. Их первыми жертвами во время мятежа становились безбожники-шурави, которых они расстреливали или брали в заложники.

...Восстания в Герате и Джелалабаде повергли руководителей НДПА в состояние панического страха. Они запросили у своих наставников в Москве срочную военную помощь, вплоть до посылки в Афганистан советских войск.

Не сумели трезво оценить сложившуюся обстановку и в представительстве КГБ в Кабуле. Оттуда тоже полетела в Центр срочная шифровка с предложением держать в полной боевой готовности подразделения спецназа на случай их экстренной высадки в Кабуле, Герате, Джелалабаде, Мазари-Шерифе и

---

<sup>142</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 123.



## Кому мы обязаны «афганом»?

Газни для обеспечения безопасности советских граждан и их эвакуации из Афганистана.

Нервозность из-за мятежей в Герате и Джелалабаде стремительно передалась и на Старую площадь.

**17 марта.** По предложению Л.И. Брежнева созывается заседание Политбюро ЦК КПСС. Сам генсек в нем не участвует. Обсуждается один вопрос — Афганистан: ситуация в стране после мятежей в Герате и Джелалабаде и просьба о вводе советских войск.

На заседании высказывается, правда, в осторожной форме, мнение о возможности положительного рассмотрения поступившей просьбы. В этой связи министру обороны Д.Ф. Устинову предлагается заблаговременно выделить и подготовить необходимые войсковые части с тем, чтобы по особой команде они могли войти на территорию Афганистана. Тот спешит успокоить своих соратников.

«У нас разработано два варианта относительно военной акции, — заявляет он. — Первый состоит в том, что мы в течение одних суток направляем в Афганистан 105-ю воздушную дивизию и перебросим пехотно-моторизованный полк в Кабул, к границе будет подтянута 68-я моторизованная дивизия, а 5-я мотострелковая дивизия находится у границы. Таким образом, за трое суток мы будем готовы к направлению войск. *Но политическое решение, о чем здесь говорили, нам нужно будет принять* (курсив мой. — А.Ж.). У нас имеется и второй вариант, он тоже проработан. Речь идет о вводе двух дивизий в Афганистан»<sup>143</sup>.

Итоги заседания:

— разрешить МО СССР развернуть две дивизии на советско-афганской границе;

---

<sup>143</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 112.

— направить в Афганистан для детального выяснения сложившейся обстановки опытных экспертов по линии МО СССР и КГБ СССР;

— поручить т.т. Громько А.А., Андропову Ю.В., Устинову Д.Ф. и Пономареву Е.Н. подготовить текст политического документа.

Обсуждение афганского вопроса решено было продолжить на следующий день — 18 марта.

Во исполнение решений, одобренных на заседании Политбюро, Д.Ф. Устинов подписал приказ Генштабу ВС СССР подготовить к возможному десантированию воздушно-десантную дивизию и три авиационных полка — к перебазированию. Туркестанскому военному округу было приказано привести в состояние повышенной боеготовности танковый и мотострелковый полки, а Среднеазиатскому военному округу — перебазировать дивизию в район Термеза.

В свою очередь, Ю.В. Андропов командировал в Афганистан первого заместителя начальника внешней разведки КГБ генерал-лейтенанта Б.С. Иванова и начальника штаба пограничных войск генерал-лейтенанта Ю.А. Нешумова с заданием разобраться в тамошней обстановке и доложить. Генералов сопровождала группа оперативных аналитиков.

**18 марта.** По инициативе афганской стороны неожиданно-негаданно состоялся телефонный разговор между А.Н. Косыгиным и Н.М. Тараки. Разговор долгий, трудный и предельно откровенный.

Председатель Совета министров СССР, как показал разговор, имел достаточно объективное представление об обстановке в высшем руководстве НДПА, о состоянии вооруженных сил ДРА, деятельности советских советников и настроениях в афганском обществе. Отсюда и его вопросы к собеседнику были хоть и корректными по форме, но предельно конкрет-

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

ными, порой жесткими, со знанием дела. Президент ДРА, со своей стороны, изо всех сил старался свести весь разговор к одному: Герат — это ключ к спасению Саурской революции, а удержать Герат в руках «халькистов» способны лишь советские войска.

Вот фрагменты этого разговора:

«...**Н.М. Тараки:** ...Если вы нанесете сейчас по-настоящему удар по Герату, то можно будет спасти революцию.

**А.Н. Косыгин:** Об этом сразу узнает весь мир. У мятежников есть рации, они сразу же сообщат...

**А.Н. Косыгин:** Какие бы вы хотели с нашей стороны внешнеполитические акции, заявления? У вас есть какие-то соображения по этому вопросу в пропагандистском плане?

**Н.М. Тараки:** Надо сочетать и пропагандистскую, и практическую помощь. Я предлагаю, чтобы вы на своих танках и самолетах поставили афганские знаки, и никто ничего не узнает. Ваши войска могли бы идти со стороны Купки и со стороны Кабула.

**А.Н. Косыгин:** До Кабула надо еще дойти.

**Н.М. Тараки:** ...Если вы пришлете войска в Кабул, и они пойдут на Герат, то никто ничего не узнает, по нашему мнению. Будут думать, что это правительственные войска.

**А.Н. Косыгин:** Я не хочу вас огорчать, но скрыть это не удастся. Это будет известно всему миру через два часа. Все начнут кричать, что началась интервенция в Афганистане со стороны Советского Союза... Что вы можете еще сказать по Герату?

**Н.М. Тараки:** Хотим, чтобы к нам послали таджиков, узбеков, туркмен для того, чтобы они могли водить танки, так как все эти народности имеются в Афганистане. Пусть наденут афганскую одежду, афганские значки, и никто их не узнает. Это очень легкая работа, по нашему мнению. По опыту Ирана

и Пакистана видно, что эту работу легко делать. Они подают образец.

**А.Н. Косыгин:** Конечно, вы упрощаете вопрос. Это сложный политический, международный вопрос. Но, независимо от этого, мы еще раз посоветуемся и дадим вам ответ. Мне кажется, что вам нужно было бы попытаться создавать новые части. Ведь нельзя рассчитывать только на силу людей, которые придут со стороны. Вы видите по опыту иранской революции, как народ выбросил всех американцев оттуда и всех других, которые пытались изображать из себя защитников Ирана.

Условимся с вами так: мы посоветуемся и дадим ответ. А вы, со своей стороны, посоветуйтесь со своими военными, нашими советниками. Есть же силы в Афганистане, которые будут вас поддерживать с риском для жизни и будут бороться за вас. Эти силы надо сейчас вооружать.

**Н.М. Тараки:** Посылайте боевые машины пехоты самолетами...»<sup>144</sup>

\*\*\*

Этот телефонный разговор стал в тот же день предметом обсуждения на заседании Политбюро ЦК КПСС.

А.Н. Косыгин решил не пересказывать его и не комментировать. Он просто зачитал официально оформленную запись с примечанием в конце: «Разговор велся через переводчика в Кабуле — референта главного военного советника генерал-лейтенанта Л.Н. Горелова. Записал Б. Бацанов».

Затем последовало обсуждение.

«Я, товарищи, — заявил Ю.В. Андропов, — внимательно подумал над всем этим вопросом и пришел к выводу, что нам нужно очень и очень серьезно продумать вопрос о том, во

<sup>144</sup> См. приложение 4.

## Кому мы обязаны «афганом»?

имя чего мы будем вводить войска в Афганистан. Для нас совершенно ясно, что Афганистан не подготовлен к тому, чтобы решать сейчас все вопросы по-социалистически. Там огромное засилье религии, почти сплошная неграмотность сельского населения, отсталость в экономике... Мы знаем учение Ленина о революционной ситуации. О какой ситуации может идти речь в Афганистане — там нет такой ситуации. Поэтому я считаю, что мы можем удержать революцию... только с помощью наших штыков, а это совершенно недопустимо для нас. Мы не можем пойти на такой риск»<sup>145</sup>.

Председателя КГБ энергично поддержал министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, выступивший за то, чтобы «полностью исключить такую меру, как введение наших войск в Афганистан. Армия там ненадежная... Наша армия, которая войдет в Афганистан, будет агрессором. Против кого же она будет воевать? Да против афганского народа, прежде всего, и в него надо будет стрелять. Правильно отметил т. Андропов, что именно обстановка в Афганистане для революции еще не созрела, и все, что мы сделали за последние годы с таким трудом в смысле разрядки вооружений и многое другое, — все это будет отброшено назад. Все неприсоединившиеся страны будут против нас... Спрашивается, а что же мы выиграем? Афганистан с его нынешним правительством, с отсталой экономикой, с незначительным весом в международных делах. С другой стороны, надо иметь в виду, что и юридически нам не оправдать введение войск. Согласно Уставу ООН, страна может обратиться за помощью, и мы могли бы ввести войска в случае, если бы она подверглась агрессии извне. Афганистан никакой агрессии не подвергался. Это внутреннее их дело,

---

<sup>145</sup> Центр хранения современной документации. Ф. 89. Пер. 25. Д. 1. С. 28—34.

революционная междоусобица, бои одной группы населения с другой. К тому же надо сказать, что афганцы официально не обращались к нам относительно ввода войск. Одним словом, мы здесь имеем дело с таким случаем, когда руководство страны в результате допущенных серьезных ошибок оказалось не на высоте, не пользуется должной поддержкой народа.

...Если мы, например, пойдем на такой риск, как ввод войск, то, конечно, получим плюсов куда меньше, чем минусов. Мы до сих пор не знаем, как поведет себя афганская армия. А если она не поддержит наши мероприятия или останется нейтральной, тогда получится, что мы своими войсками оккупируем Афганистан. Этим самым создадим для себя невероятно тяжелую обстановку во внешнеполитическом плане...

Таким образом, несмотря на тяжелое положение в Афганистане, мы не можем пойти на такую акцию, как ввод войск»<sup>146</sup>.

Один из самых близких соратников Л.И. Брежнева К.У. Черненко был предельно краток: «Если мы введем войска и побьем афганский народ, то будем обязательно обвинены в агрессии. Тут никуда не уйдешь»<sup>147</sup>.

Как бы подводя итоги обсуждения, председательствующий на заседании А.П. Кириленко, кстати, тоже верный сторонник Л.И. Брежнева, сказал:

«Вчера в Афганистане была другая обстановка, и мы склонялись к тому, что может быть нам пойти на то, чтобы ввести какое-то количество воинских частей. Сегодня обстановка другая, и разговор у нас вполне справедливо идет уже несколько в ином русле, а именно: все мы придерживаемся того, что вводить войска нет никаких оснований»<sup>148</sup>.

---

<sup>146</sup> Центр хранения современной документации. Ф. 89. Пер. 25. Д. 1. С. 12—25.

<sup>147</sup> Там же. С. 28.

<sup>148</sup> Там же.

## Кому мы обязаны «афганом»?

...**В тот же день, 18 марта.** Из Кабула поступает шифртелеграмма, в которой посол А.Л. Пузанов и представитель КГБ ставили вопрос о направлении на аэродромы в Кабуле и Баграме спецназа под видом технических специалистов с задачей обеспечения безопасности советских граждан.

**19 марта.** В последний день затянувшегося заседания Политбюро ЦК КПСС председательское кресло занял Л.И. Брежнев.

Взявший слово Ю.В. Андропов подтвердил озвученное им днем ранее убеждение:

«Я думаю, что относительно ввода войск нам решения принимать не следует. Ввести войска — это значит бороться против народа, стрелять в народ. Мы будем выглядеть как агрессоры, и мы не можем допустить этого».

Все ждали, что же скажет первое лицо в партии и государстве. Ведь его слово всегда было решающим. И он сказал: «Мне думается, что правильно определили члены Политбюро, что нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну... У них распадается армия, а мы здесь должны будем вести за нее войну»<sup>149</sup>.

И все! Ни единого слова об отсутствии в Афганистане революционной ситуации и неподготовленности страны к социалистическим преобразованиям. Ни слова о том, как ввод войск аукнется во внешней политике Советского Союза.

**20 марта.** Н.М. Тараки, не удовлетворившись телефонным разговором с А.Н. Косыгиным, в срочном порядке прилетает в Москву. В тот же день проходят его встречи — сначала с А.Н. Косыгиным, на которой присутствуют А.А. Громыко, Д.Ф. Устинов и Е.Н. Пономарев, а вечером — с самим Леонидом Ильичом.

---

<sup>149</sup> Центр хранения современной документации. Ф. 89. Пер. 25. Д. 1. С. 28.

Афганский лидер с прежней настойчивостью пытается добиваться от **шурави** согласия на ввод советских войск в Афганистан.

«Наши общие враги только и ждут того момента, чтобы на территории Афганистана появились советские войска, — втолковывает ему А.Н. Косыгин. — Если ввести наши войска, то обстановка в вашей стране не только не улучшится, а наоборот, осложнится»<sup>150</sup>.

Председатель Совета министров СССР особо отметил:

«Нам представляется важным, чтобы у себя в стране вы работали над расширением социальной базы режима, привлекали на свою сторону народ, не допускали, чтобы между правительством и народом возникало отчуждение. И, наконец, последнее... в порядке пожелания мне бы хотелось высказать соображение о необходимости очень осторожного и бережного подхода к своим кадрам. Кадры нужно беречь, иметь к ним индивидуальный подход... Мы это испытали на себе. При Сталине, Вы знаете, многие наши офицеры сидели в тюрьмах. А когда разразилась война, Сталин вынужден был направить их на фронт. Эти люди показали себя подлинными героями. Многие из них выросли до крупных военачальников. Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела, но мы хотим высказать наше мнение насчет необходимости бережного отношения к кадрам»<sup>151</sup>.

А.Н. Косыгин знал, о чем говорил. Непрерывная борьба за власть в руководстве НДПА сопровождалась регулярными чистками офицерского корпуса, что серьезно ослабило афганскую армию. В некоторых соединениях осталось менее десяти процентов офицеров. Остальные были уволены, репрессированы или

---

<sup>150</sup> Центр хранения современной документации. Ф. 89. Пер. 25. Д. 1. С. 28—34.

<sup>151</sup> Там же.



## Кому мы обязаны «афганом»?

дезертировали. В военно-воздушных силах страны к весне 1979 г. из двух тысяч человек летного состава осталось пятьсот.

А.Н. Косыгин пытался убедить Н.М. Тараки в необходимости «подумать о возможности создания у вас единого национального фронта»<sup>152</sup>.

Аналогичные взгляды были высказаны афганскому лидеру принимавшими участие в беседе А.А. Громыко, Д.Ф. Устиновым и Б.Н. Пономаревым.

В тот же день, в 18 час. 30 мин., началась беседа Н.М. Тараки с Л.И. Брежневым. В беседе приняли участие А.Н. Косыгин, Д.Ф. Устинов, А.А. Громыко и референт генсека ЦК КПСС Е.М. Самотейкин. Афганский лидер в очередной раз обратился с просьбой оказать помощь ДРА советскими войсками. Л.И. Брежнев отреагировал на это следующим образом:

«Теперь о вопросе, который Вы поставили в телефонном разговоре с тов. Косыгиным и затем здесь, в Москве, — насчет возможности ввода, советских воинских частей в Афганистан. Скажу Вам прямо: этого делать не следует. Это сыграло бы лишь на руку врагам — и вашим, и нашим.

...В соответствии с Вашими просьбами мы направили в Афганистан немалое число советников и специалистов как по военной, так и по другим линиям. У вас работает свыше пятисот генералов и офицеров. Как мне докладывали, Вы даете положительную оценку работе наших советников и специалистов. Это приятно. Если нужно, мы могли бы направить дополнительно несколько партийных работников, а также 150—200 офицеров...»<sup>153</sup>.

---

<sup>152</sup> Цсигтр хранения современной документации. Ф. 89. Пер. 25. Д. 1. С. 28—34.

<sup>153</sup> Там же.

**22 марта.** Проходит заседание Политбюро ЦК КПСС, на котором подводятся итоги визита Н.М. Тараки в Москву и подтверждается изложенная ему советским руководством позиция о неприемлемости ввода советских войск в Афганистан. Одновременно отменяется поручение от 17 марта министру обороны Д.Ф. Устинову о заблаговременном выделении и подготовке войсковых частей для их последующего ввода в Афганистан.

За этим следует приказ министра о возвращении в места постоянного базирования двух дивизий, спешно перебросенных к советско-афганской границе, и отмене всех прочих мероприятий мобилизационного характера. Однако данные тогда же МО СССР и КГБ СССР поручения о направлении в Кабул экспертов для изучения обстановки на месте сохраняются в силе, равно как и поручение т.т. Громыко А.А., Андропову Ю.В., Устинову Д.Ф. и Пономареву Б.Н. подготовить текст политического решения о вводе советских войск в Афганистан.

**27 марта.** Декретом Революционного совета ДРА создается Высший Совет Обороны Родины (ВСОР) во главе с Н.М. Тараки. Ставятся задачи: укрепление армии, погранвойск и полиции; повышение их боеспособности путем применения новой техники и вооружений; создание новых войсковых частей; укрепление единоначалия в войсках; повышение морально-политического уровня военнослужащих. Х. Амин освобождается от руководства делами министерства обороны. Его сменяет А.М. Ватанджар. Министром внутренних дел назначается Ш.Д. Маздурьяр.

А вскоре создается Военный совет вооруженных сил ДРА. В него входят: Н.М. Тараки (руководитель), Х. Амин, Э. Вазири, А.М. Ватанджар, А. Сарвари и С.Д. Тарун.

*Апрель*

**1 апреля.**

«В соответствии с поручением от 17 марта с.г. (№ П147/П) докладываем...».

С этих слов начинается документ, поступивший в Политбюро за подписями А.А. Громько, Ю.В. Андропова, Д.Ф. Устинова и Б.Н. Пономарева, которым поручалось подготовить текст политического решения ПБ относительно ввода войск в Афганистан. Однако представленный ими на заседание ПБ документ был озаглавлен «О нашей линии в связи с положением в Афганистане». И ни о каком политическом решении по вводу войск в Афганистан речь не шла. В высшую партийную инстанцию докладывался «анализ причин возникшего в последнее время обострения обстановки в Демократической Республике Афганистан и соображения о наших дальнейших шагах по оказанию помощи ДРА в деле укрепления его позиций и стабилизации положения в стране»<sup>154</sup>.

**6 апреля.** В Кабул прибывает советская делегация во главе с начальником Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота генералом армии А.А. Епишевым, которому предписывалось разъяснить позицию КПСС по афганскому вопросу и на месте разобраться в ситуации. Посланца Москвы поочередно принимают Н.М. Тараки и Х. Амин. Затем организуются встречи с другими политическими и военными деятелями ДРА. И везде, на всех уровнях, навязчиво звучит одна и та же просьба — направить в Афганистан советские войска. Генерал армии пытается объяснить собеседникам неприемлемость для Москвы такого варианта развития событий. Но его доводов никто не слышит. Особую напористость проявляет премьер-министр Х. Амин. Не услышав желанного «добро!» от Епишева, он при первой же встрече с генералом армии И.Г. Павловским без обиняков заявляет о настоятельной просьбе руководства ДРА к советскому правительству как можно скорее ввести в Кабул дивизию советских войск.

<sup>154</sup> См. приложение 5.

Аналогичным атакам регулярно подвергаются представители практически всех советских министерств и ведомств в Кабуле.

**14 апреля.** Х. Амин приглашает к себе Главного военного советника в ДРА генерал-лейтенанта Л.Н. Горелова и от имени Н.М. Тараки настоятельно просит направить в Кабул 15—20 боевых вертолетов с боеприпасами и советскими экипажами для отражения наступательных действий мятежников, засланных из Пакистана в пограничные и центральные районы страны.

В Москву летит шифровка от Л.Н. Горелова, на которую начальник Генштаба ВС СССР маршал Н.В. Огарков накладывает резолюцию «Этого делать не следует».

**21 апреля.** На заседание Политбюро ЦК КПСС выносится вопрос о направлении в Кабул 15—20 вертолетов. Предварительно проконсультировавшись с Д.Ф. Устиновым, Л.И. Брежнев окончательно ставит точку — советских вертолетчиков в Афганистан не направлять. Правда, он же предлагает проработать вопрос о посылке в Кабул специального батальона для охраны Н.М. Тараки<sup>155</sup>.

**27 апреля.** «Халькисты» празднуют первую годовщину Апрельской революции. Теперь о ней говорят как о «Великой Саурской революции», творцом которой был Тараки, а «предводителем революции» — Амин.

На демонстрациях в Кабуле и ряде других городов пестрят одни и те же плакаты: «Тараки — отец народов Афганистана!», «НДПА — ум, честь и совесть эпохи!», «Тараки и партия — близнецы-братья!»

Повсюду насаждается атмосфера всеобщего обожания и возвеличивания генсека НДПА. Ради этого фальсифицируются история, переписываются документы, переименовываются

<sup>155</sup> См. приложение 6.

общепризнанные факты и события. Тараки не возражает. Он и сам уже уверовал в свою мессианскую судьбу, в то, что все афганцы поголовно искренне любят и чтят его. Все больше внимания он уделяет собственной персоне, личному авторитету и все охотнее передает тягостные бразды правления своему «первому и самому верному ученику» Хафизулле Амину.

На одной из пресс-конференций, ссылаясь на осуждение Амином проявления культа личности Тараки, великий лидер сам скромно отметил, что афганский народ «любит и уважает его так сильно, что настаивает на вывешивании везде его фотографий». Он добавил, что правительство (возглавляемое Х. Амином. — *Прим. А.Ж.*) издало инструкцию о прекращении подобной практики, но что режим не будет применять силу, чтобы запретить народу проявлять свою привязанность, — сообщал в госдеп США в своей секретной депеше из послепраздничного Кабула временный поверенный в делах США Б. Амстутц.

«На этой же пресс-конференции, — продолжал американец, — Тараки категорически отверг, что Амин когда-либо говорил или даже намекал, что некие неизвестные враги пытаются «оказать влияние» на афганского президента. Тараки раздраженно настаивал на том, что Амин не говорил «ничего подобного», поскольку он «читал все интервью Амина за истекший год»<sup>156</sup>.

Свою депешу Б. Амстутц озаглавил так: «Тактика «большой лжи» становится обычным оружием «Хальк»<sup>157</sup>.

*Май*

**2 мая.** Начальник Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба ВС СССР генерал армии П.И. Ивашутин по-

---

<sup>156</sup> Специальный бюллетень ИВАН СССР, № 5. М.: Наука, 1986. С. 150.

<sup>157</sup> Там же. С. 30—34.

ручает полковнику ГРУ В.В. Колеснику, бывшему командиру бригады спецназначения ТуркВО, в течение двух месяцев сформировать и подготовить к ведению боевых операций 154-й отряд спецназначения численностью чуть более пятисот штыков из представителей коренных народов среднеазиатских республик.

3 мая. В.В. Колесник с двумя офицерами ГРУ вылетает в Ташкент. 154-й отряд спецназначения или, как его еще называли, «мусульманский батальон», формируется на базе разведывательных, мотострелковых и танковых подразделений войск Туркестанского и Среднеазиатского военных округов. Непременные условия при отборе — знание восточных языков и безупречные физические данные. Только лишь экипажи зенитных самоходных установок ЗСУ-23—4 пришлось комплектовать из славян — кроме них нужных специалистов в армии не нашлось. Командиром отряда был назначен майор Х.Т. Халбеев.

«Я прибыл в отряд специального назначения из воздушно-десантных войск в середине мая, — вспоминает лейтенант Рустам Турсункулов. — Меня поразил тот факт, что основная масса личного состава отряда были представители народов Средней Азии: таджики, узбеки, туркмены и казахи. Правда, взводом ЗСУ-23—4 «Шилка» командовал украинец Василий Праута, общение осуществлялось на русском языке. С момента формирования батальона все время шла очень напряженная подготовка. Я бы сказал, что готовили более жестко и интенсивно, чем даже в воздушно-десантных войсках. Во время занятий по огневой подготовке мы боеприпасов не жалели. Вся техника была новая. Мы не знали, какая будет поставлена задача, но то, что готовят к чему-то особенному и важному, почувствовали, когда привезли и начали примерять военное обмундирование, которое мы никогда не видели. По некоторым признакам уда-

## Кому мы обязаны «афганом»?

лось установить, что такое обмундирование носят в афганской армии»<sup>158</sup>.

В конце августа комиссия Генштаба и штаба ТуркВО проверила на комплексном учении уровень подготовки и высказала удовлетворение выучкой спецназовцев.

**5 мая.** Посол СССР в ДРА А.М. Пузанов, представитель Председателя КГБ в Кабуле генерал-лейтенант Б.С. Иванов и Главный военный советник в ДРА генерал-лейтенант Л.Н. Горелов выходят в Центр с совместным предложением о целесообразности создания в районе Кабула единого учебного центра для афганской армии по типу учебной бригады на Кубе. В Москве предложение направляется на детальную проработку.

**9 мая.** Временный поверенный в делах США в ДРА Б. Амстутц направляет в госдеп депешу «Роль СССР в Афганистане в настоящее время». В ней, в частности, говорится:

«За последние несколько недель советское присутствие в Афганистане заметно усилилось, но оно еще не достигло того преувеличенного уровня, о котором часто сообщается в прессе.

Хотя и существует возможность, что советские войска могли бы вмешаться во внутренний конфликт в Афганистане, наша оценка заключается в том, что СССР попытается избежать западни, которая может оказаться подобной вьетнамской.

...Наиболее важный вопрос заключается в следующем: можем ли мы ожидать, что советские боевые части примут участие в афганском конфликте? Мы можем только сказать, что такую возможность нельзя исключать.

По слухам, советские старшие военные советники дают халькистам устные заверения, что СССР сделает все необходимое, чтобы защитить революцию. В то же время халькисты

---

<sup>158</sup> *Ляховский А.А.* Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 137.

в разговорах с иностранными дипломатами и журналистами говорили, что их «заверили» в том, что Советский Союз поможет им справиться с «вмешательством»<sup>159</sup>.

...СССР пошел... на колоссальные политические, престижные, экономические, стратегические и военные издержки и вложения в халькистский режим Афганистана. Москва вряд ли позволит, чтобы все это пропало. С другой стороны, почти любой афганский режим, который может прийти на смену, будет, очевидно, чувствовать, что должен смириться с таким геополитическим фактором, как наличие великого северного соседа, как это и делали афганские правительства в течение шестидесяти истекших лет»<sup>160</sup>.

В течение мая одно за другим вспыхивают антиправительственные вооруженные выступления в провинциях Нангархар, Пактия, Газни, Пактика, Кунар, Балх, Гур, Логар и Кабул. Практически половина территории страны переходит под контроль мусульманской оппозиции. То там, то здесь возникают освобожденные от «халькистов» зоны. В кишлаках формируются «исламские комитеты» во главе все с теми же маликами и муллами. Все возвращается на круги своя, жизнь течет по указаниям, поступающим из Пакистана от руководителей обосновавшихся там исламских центров, таких как «Исламское общество Афганистана», «Исламская партия Афганистана» и других.

В указаниях ИОА, например, даются следующие предписания:

1. Поскольку основу нашей народной экономики составляет земледелие, наши крестьяне и землевладельцы должны обрабатывать землю и уделять посевам должное внимание.

---

<sup>159</sup> Специальный бюллетень ИВАН СССР, № 5. М.: Наука, 1986. С. 33—37.

<sup>160</sup> Журнал «Азия и Африка сегодня». № 12. 1989. С. 5.



## Кому мы обязаны «афганом»?

2. Поскольку леса и сады считаются вторым важным богатством нашего мусульманского народа, наше мусульманское население должно уделять большое внимание их сохранению и уходу за лесами и садами, как фруктовыми, так и обычными, категорически воздерживаться от спиливания плодоносящих и неплодоносящих деревьев.

3. Всем моджахедам и мусульманскому населению категорически рекомендуется воздерживаться от рубки леса и деревьев общественного владения, таких, как посадки вдоль дорог. Те, кто будет игнорировать данное распоряжение, будут считаться приспешниками и помощниками русских и их местными агентами. Они будут признаны контрреволюционерами, врагами ислама и мусульман и в случае подтверждения такой их деятельности будут приговариваться к тяжелым наказаниям»<sup>161</sup>.

Еще одно указание, направленное в кишлаки по линии ИПА:

«В большинстве освобожденных районов остались незасеянными посевные площади, принадлежащие лицам, которые, опасаясь зверских нападений со стороны русских, ушли из страны в качестве беженцев. Некоторые командиры с целью облегчить положение моджахедов используют эти земли, засевая их и затем распределяя урожай между моджахедами района.

1. Основным условием использования земли является наличие согласия ее владельца. Без разрешения владельца земли любое посягательство на нее считается незаконным.

2. В случае если владелец земли является коммунистом и состоит на службе у врага или является плохим мусульманином, то разрешается использовать эту землю до следующего указания.

---

<sup>161</sup> *Спольников В.* Афганистан: исламская контрреволюция. М.: Наука, 1987. С. 138.

3. Вынужденно эмигрировавший землевладелец, безусловно, считается владельцем своей земли. Командиры соответствующего района не имеют права вмешиваться в вопросы пользования этой землей.

Всем правоверным командирам, которые встали на путь восстания ради защиты ислама, соблюдения шариата и установления справедливости, приказывается строго соблюдать положения этого документа их отношениях с землевладельцами.

Не позволяйте, чтобы над угнетенными утвердился гнет»<sup>162</sup>.

\*\*\*

Ситуация в стране все более выходит из-под контроля НДПА. В Москву все чаще летят сигналы «SOS».

24 мая. Очередной такой сигнал был рассмотрен на заседании Политбюро ЦК КПСС. Ответ: любая помощь, политическая, финансовая, техническая, военная и т.д. — «ДА!». Участие советских войск в подавлении выступлений контрреволюции, будь то высадка десанта в Кабуле, командирование советских вертолетчиков и т.п. — «НЕТ!». Почему «нет»? Потому, что подобные «акции сопряжены с большими осложнениями и во внутривосточном, и в международном плане. И, прежде всего, — в ущерб интересам ДРА, закреплению завоеваний революции».

В тот же день, 24 мая, Посол США в Москве Тун направляет в Вашингтон шифротелеграмму № 3083, озаглавленную «Афганистан: перспективы советской интервенции».

«Как нам представляется из Москвы, — размышляет американский посол, — советское вторжение в Афганистан, особенно в ближайшие месяцы, видимо, отрицательно сказалось бы на глобальных стратегических интересах. Это нанесло бы сильный удар по политике разрядки в отношениях с Западом

---

<sup>162</sup> *Спольников В.* Афганистан: исламская контрреволюция. М.: Наука, 1987. С. 137—138.

## Кому мы обязаны «афганом»?

в тот момент, когда Москва во все большей степени уделяет внимание растущей китайской угрозе на востоке. Подобный жест был бы наверняка роковым для Договора о сокращении стратегических вооружений. Он создал бы прекрасный (как в случае с Чехословакией), долговременный повод для обвинений Москвы со стороны китайцев и других в экспансионизме, гегемонистских устремлениях. Это испортило бы отношения Советского Союза с исламским миром.

...Конечно, для США было бы невозможно и глупо полностью отвергать возможность советского вторжения в Афганистан в ответ на просьбу осажденного халькистского режима... Поэтому в наших интересах продолжать время от времени напоминать Советам, что мы серьезно отнеслись бы к подобной акции. Напоминания западных стран и правительств «третьего мира» составили бы сами по себе фактор, действующий против прямой интервенции»<sup>163</sup>.

### *Июнь*

**16 июня.** Главный военный советник в ДРА Л.Н. Горелов направляет в Центр сообщение следующего содержания:

«14 июня в Доме народов состоялась встреча с Х. Амином. В ходе беседы Х. Амин подчеркнул, что «враги стремятся подкупить охрану Дома народов и уничтожить руководителей государства. Мы полностью не уверены в людях, охраняющих Дом народов. Я обращаюсь к Вам с просьбой, чтобы Вы доложили свосму руководству об оказании нам помощи, направив в ДРА для охраны правительства в Доме народов и аэродромов Баграм и Шинданде советские экипажи на танки и БМП»<sup>164</sup>.

---

<sup>163</sup> Полный текст документа см.: «Азия и Африка сегодня». № 12. 1989. С. 5—7.

<sup>164</sup> *Ляховский А.А.* Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 139.

Ранее, как известно, Х. Амин выдвигал неоднократные предложения об участии наших экипажей на танках и самолетах в выполнении некоторых задач непосредственно в районах боевых действий с мятежниками»<sup>165</sup>.

...В Генштабе формируется специальная группа, на которую возлагается обязанность составлять каждый день к 8 часам утра оперативную сводку об обстановке в Афганистане с предложениями по решению возникающих проблем военного характера.

**В тот же день, 16 июня.** От представителя Председателя КГБ в Кабуле в Москву приходит сообщение о серьезных разногласиях, возникших между Н.М. Тараки и его ближайшим сподвижником Х. Амином.

**В течение июня** продолжают расширяться масштабы антиправительственных выступлений в провинциях Бадахшан, Лагман, Парван, Вардак и Фарьяб. Это побуждает Н.М. Тараки и Х. Амина засыпать Москву бесконечными просьбами о срочном вводе в страну советских войск.

**27 июня.** А. Громыко, Ю. Андропов, Д. Устинов и Б. Пономарев направляют на Старую площадь совместную Записку.

«МИД СССР, КГБ СССР, МО СССР и Международный отдел ЦК КПСС, — говорилось в ней, — считают целесообразным:

Направить в Афганистан, в помощь Главному военному советнику опытного генерала с группой офицеров для работы непосредственно в войсках (в дивизиях и полках).

Для обеспечения охраны и обороны советской авиаэскадрильи на аэродроме Баграм направить в ДРА, при согласии афганской стороны, парашютно-десантный батальон в униформе (комбинезоны) под видом технического персонала.

---

<sup>165</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 140.

## Кому мы обязаны «афганом»?

Для охраны совпосольства направить в Кабул спецотряд КГБ СССР (125—150 человек) под видом обслуживающего персонала посольства.

В начале августа с.г., после завершения подготовки, направить в ДРА (аэродром Баграм) спецотряд ГРУ Генерального штаба с целью использования в случае резкого обострения обстановки для охраны и обороны особо важных правительственных объектов»<sup>166</sup>.

**28 июня.** Политбюро ЦК КПСС утверждает предложенные в Записке меры по усилению советского военного присутствия в Афганистане. Утверждается также текст Обращения Политбюро ЦК КПСС к Политбюро ЦК НДПА. Совпослу в Кабуле предписывается вручить его лично Н.М. Тараки. Обращается внимание совпосла на то, что:

«Вам и руководителям всех советских групп советников, находящихся в Афганистане, необходимо в своих повседневных контактах с афганскими руководителями с соблюдением, разумеется, необходимого такта последовательно и настойчиво внушать им те мысли, которые изложены в Обращении Политбюро ЦК КПСС к Политбюро ЦК НДПА».

Обращение начиналось с выражения теплых слов солидарности **шурави** с героической борьбой их афганских единомышленников:

«Дорогие товарищи!

Политбюро ЦК КПСС шлет свой братский привет Политбюро ЦК Народно-демократической партии Афганистана и выражает чувства товарищеской революционной солидарности с героической борьбой НДПА в защиту завоеваний Апрельской народной революции 1978 г.

---

<sup>166</sup> Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 82. Д. 173. С. 55—57.

С большим удовлетворением мы отмечаем, что за короткое время, прошедшее после свершения революции, Демократическая Республика Афганистан приступила к осуществлению политических, социально-экономических и культурных преобразований, отвечающих чаяниям трудового народа страны.

Мы хорошо понимаем всю сложность условий, в которых протекает ваша работа. По собственному опыту и по опыту революций в ряде других стран мы знаем, что никогда враги трудящихся не сдают своих позиций без боя.

Дорогие друзья, в это трудное для вас время мы, советские коммунисты, движимые чувствами пролетарского интернационализма, считаем необходимым по-товарищески, откровенно поделиться с вами некоторыми соображениями).

Соображения эти начинаются с того, что очерчивается круг первоочередных задач, решением которых афганскому руководству следует заняться незамедлительно. Что же это за задачи?

«В сложившейся обстановке, — говорится в Обращении, — по нашему глубокому убеждению, крайне важное значение имеет объединение всех революционных и патриотических сил страны. Обеспечить поддержку со стороны широких масс населения революционным мероприятиям НДПА и правительства ДРА, добиться нейтрализации, а затем ликвидации вредного влияния классовых противников, реакционной части исламского духовенства, афганской эмиграции — вот в чем состоят, на наш взгляд, первоочередные задачи».

А далее Старая площадь ничтоже сумняшея подсказывает своим обанкротившимся единомышленникам, уже потерявшим контроль, как минимум, над половиной страны, что нужно делать, чтобы успешно справиться с обозначенными выше первоочередными задачами.

В частности, внимание афганцев нацеливается на необходимость «коллегиальности в партийном и государственном

## Кому мы обязаны «афганом»?

руководстве на разных уровнях — сверху донизу». При этом предлагается использовать советский опыт. «Любой важный вопрос у нас, — заявляют шурави, — решается только коллективно, с участием всех членов Политбюро. Действовать таким же образом советуем мы и вам».

Далее. Афганское руководство ориентируется Старой площадью на «создание стройной и эффективной системы местных органов власти». «Местные органы власти, — подчеркивается в обращении, — позволяют центральному руководству более оперативно проводить свои решения в жизнь по всей стране».

Следующий товарищеский совет — «постоянно проводить работу по расширению социальной опоры нового режима, активному привлечению на свою сторону народа, недопущению того, чтобы между руководством ДРА и народом возникало отчуждение».

Не обходится вниманием и такой вопрос «особой важности», как «объединение всех здоровых сил афганской нации». «Объединившись вокруг НДПА, члены партии и беспартийные, рабочие и крестьяне, офицеры и солдаты, ремесленники и служащие, учащиеся и интеллигенция, молодежь и женщины составили бы такую силу, которой были бы не страшны происки любых врагов революции, внутренних и внешних»<sup>167</sup>.

\*\*\*

Братских, коммунистических советов в Обращении предостаточно. А вот к месту ли они были и ко времени? По силам ли расписавшейся в полной несостоятельности НДПА было решать и решить их?

Задавались ли авторы Обращения этими вопросами? Скорее «нет», чем «да».

---

<sup>167</sup> См. приложение 8.

*Июль*

**1 июля.** Правительство ДРА официально объявляет о том, что начавшаяся 1 января 1979 г. земельная реформа «успешно, с опережением плана» завершена.

Статистика, однако, свидетельствовала об обратном. Земельная реформа затронула всего лишь 40 из 286 уездов и волостей страны. Реформаторам удалось конфисковать только 333,5 тысяч джарибов земли. Их распределили среди 77 818 семей. Менее чем по 5 джарибов на семью (1 джариб равен 0,2 га). Но главное не в этом, а в том, что земля была конфискована у середняков, подавляющая часть которых пополнила после этого отряды контрреволюционеров.

**5 июля.** «В Афганистан по официальной просьбе Хафизуллы Амина для обучения его личной гвардии прилетела первая группа сотрудников КГБ, получившая название «Зенит», — свидетельствует генерал Ю. Дроздов. — Во главе группы стоял руководитель КУОС полковник Г. Бояринов, опытный разведчик-диверсант, почти два десятка лет отдавший преподавательской и научной работе в области партизанской и разведывательно-диверсионной деятельности. Основной задачей «Зенита» была разведка города, государственных и правительственных зданий, объектов спецслужб, армейских штабов и казарм, системы их охраны. Отрабатывались также маршруты на случай эвакуации советских дипломатов.

Кроме того, «Зениту» поставили задачу предоставить советскому руководству объективную информацию о событиях, происходящих в Афганистане, поскольку из Кабула в Москву в ту пору по различным каналам шли противоречивые сведения»<sup>168</sup>.

«Мы — это отряд специального назначения КГБ СССР под кодовым названием «Зенит»: тридцать восемь офицеров,

<sup>168</sup> Журнал «Ветеран границы». № 1—2. 1999. С. 15.



## Кому мы обязаны «афганом»?

тридцать восемь молодых и здоровых бойцов, прошедших парашютно-десантную, минно-взрывную и специальную оперативную подготовку, — пишет в своих мемуарах В.Н. Курилов, один из тридцати восьми. — Каждый из нас владел одним или двумя иностранными языками, приемами рукопашного боя, холодным и огнестрельным оружием, имел опыт контрразведывательной и разведывательной деятельности. Мы были обучены в автономном режиме вести поиск и осуществлять дерзкие силовые акции на вражеской территории. Мы были готовы выполнить любой приказ и жаждали на деле испытать приобретенные навыки.

...Наша ближайшая задача — круглосуточная охрана и оборона территории посольства, изучение обстановки, рекогносцировка на местности»<sup>169</sup>.

7 июля. Из Ферганы в Баграм перебрасывают 368 солдат и офицеров парашютно-десантного батальона ВДВ СССР. Они одеты в униформу младшего технического персонала аэродрома Баграм. У комбата — погоны старшины. У остальных офицеров — сержантские погоны с желтыми лычками. У настоящих сержантов — красные лычки на погонах. Операцией по переброске на территорию Афганистана первых советских десантников руководил заместитель командующего ВДВ генерал-лейтенант Н.Н. Гуськов.

9 июля. В.М. Тараки в беседе с совпослом «выражает удовлетворение прибытием в Баграм советской спецгруппы», заметив при этом, что «хотел бы посоветоваться с советскими товарищами о мерах по усилению охраны границы».

Свое отношение к Обращению Политбюро ЦК КПСС генсек НДПА никак не выразил.

---

<sup>169</sup> Курилов В. Мы были первыми. Альманах «Вымпел». № 3. М., 1999. С. 120—125.

**11 июля.** Представитель КГБ в Кабуле Б.С. Иванов докладывает в Центр о предложении Н.М. Тараки скрытно дислоцировать в Кабуле несколько советских спецназовских групп до батальона каждая на случай внезапного обострения обстановки в столице.

**12 июля.** Совпосол, представитель КГБ и Главный военный советник в ДРА совместно направляют в Центр с пометкой «срочно» информацию о том, что «руководство ДРА серьезно готовится к новым столкновениям с контрреволюцией, однако в значительной мере рассчитывает в случае возникновения кризисной ситуации на прямую помощь СССР». Со своей стороны все три подписанта предлагают «рассмотреть вопрос о направлении звена (отряда) советских вертолетов на базу ВВС ДРА в Шиндандэ с тем, чтобы наладить срочную подготовку афганских вертолетных экипажей. Это вертолетное подразделение могло бы также вести воздушную разведку вдоль границы с Ираном».

**К середине июля** — тенденция к внутривосточной напряженности в ДРА продолжала нарастать. Мусульманская оппозиция успешно действовала против НДПА, установив полный контроль в провинциях Панджшир, Нарван, Вардак, Фарьяб, Лагман и Бадахшан. В провинции Пактия при попытке мятежников захватить провинциальный центр — г. Гардез, погибли два советских военных советника.

**17 июля.** В Кабул прилетает Секретарь ЦК КПСС Б.Н. Пономарев для переговоров с руководством НДПА.

**19 июля.** Он докладывает на Старую площадь о первых беседах с Н.М. Тараки и Х. Амином. «Тараки, а также Амин, — говорилось в его шифровке, — неоднократно возвращались к вопросу о расширении советского военного присутствия в стране. Ставился вопрос о вводе примерно двух дивизий в ДРА в

случае чрезвычайных обстоятельств «по просьбе законного правительства Афганистана».

Обсудив очередную просьбу афганцев о вводе войск, **шурави** заявили, что «Советский Союз на это пойти не может».

**20 июля.** Посланец Старой площади спешит сообщить своим коллегам о том, что и на второй беседе генсек НДПА неоднократно возвращался к вопросу об усилении советского военного присутствия в ДРА, мотивируя это тем, что в критической ситуации высадка советской воздушно-десантной дивизии в Кабуле сыграт решающую роль в разгроме контрреволюции. И вновь генсеку НДПА было сказано, что Москва не может пойти на такой шаг.

\*\*\*

А вот как визит Секретаря ЦК КПСС в Кабул отложился в памяти «зенитовца» В. Курилова:

«Из Центра пришла шифровка о том, что наш Отряд должен обеспечить безопасность вылетающего в Кабул из Москвы одного из наших видных политических деятелей, — пишет он в своих мемуарах. — По нашему разумению, он ехал сюда, чтобы разобраться, все-таки кто же лучше: Тараки или Амин, на кого делать ставку, с кем идти дальше. Уже тогда вопрос с Амином стоял достаточно остро. Умный, фантастически работоспособный, жестокий и вероломный, Амин явно превосходил по своим деловым качествам своего «учителя» Тараки. Он мог быть хорошим другом для нас (если бы мы вели себя по-умному), но мог быть и большим врагом. Амин нутром чувствовал слабых, не способных защититься, и запросто подавлял их либо морально, либо физически...

Так что надо было решать, с кем нам дружить дальше.

Встреча и беседа нашего видного политического деятеля с Амином должна была состояться в резиденции нашего посла. Мы обеспечивали безопасность этой встречи: враг не дремлет,

вооруженная оппозиция набирает силы, возможны попытки нападения, совершения террористического акта и прочее. Мы тщательно обследовали еще раз территорию, с внешней стороны прилегающую к забору резиденции посла. Определили наиболее опасные направления возможного появления противника. Составили план защиты подступов, короче говоря, распланировали и рассчитали все, что только можно было.

Встреча и беседа нашего важного политического деятеля с товарищем Амином прошла успешно и без всяких неприятностей. Умный и хлесткий, с математическим складом ума Амин, будучи, к тому же, восточным человеком, совершенно точно знал, как надо производить хорошее впечатление на человека из Москвы. Знал об этом, видимо, и наш посол.

Ранним утром следующего дня мы, обливаясь потом, перетаскивали в грузовик сильно пополнившийся багаж посланца Партии и Правительства, с которым он вылетал домой: картонные коробки с аудио- и видеотехникой, ящики с изюмом и орехами, какие-то тяжелые свертки, похожие на свернутые ковры, и прочее, прочее, прочее... Багаж сопровождали в аэропорт и погрузили на самолет.

...Скрылся в пронзительно голубом и бездонном кабульском небе, улетел на север, в Москву самолет с «охраняемым лицом», а мы остались.

...Между тем, с очередным рейсом к нам из Союза прилетело небольшое пополнение. Среди прибывших было несколько ребят, которых я помнил еще по учебе в ВКШ. Они раньше меня заканчивали КУОС, и сейчас их как резервистов выдернули для пополнения нашего Отряда. А кроме того, нам прислали несколько переводчиков, знающих местный язык *дари*, а также *фарси*»<sup>170</sup>.

---

<sup>170</sup> Подробнее см.: *Курилов В.* Мы были первыми. Альманах «Вымпел». № 3(11). М., 1999. С. 105—106, 108, 109, 112.

**21 июля.** Совпосол приглашен к Х. Амину, который по поручению Н.М. Тараки высказывает просьбу о срочной поставке для ВВС ДРА 8—10 боевых вертолетов с советскими экипажами. Совпосол повторяет высказанную Б.Н. Пономаревым позицию о неприемлемости для Москвы такого шага.

Одновременно совпосол информирует Центр о том, что, рассказывая о текущей обстановке в стране, Х. Амин посетовал на то, что «не имеет полномочий, руководить военными делами и что Тараки, который сосредоточил в своих руках все руководство, не может в достаточной степени контролировать исполнение приказов». На это совпосол заметил, что «по опыту Великой Отечественной войны возможно создание чрезвычайной группы из пяти-шести человек, включая Амина, министра обороны, начальника Генштаба, министра внутренних дел и начальника царандоя, госбезопасности для оперативного руководства. Нужно найти форму, которая, с одной стороны, сохраняла бы авторитет Тараки, а с другой — позволила бы улучшить оперативное руководство. Амин согласился с этим»<sup>171</sup>.

**24 июля.** Представитель КГБ в Кабуле докладывает в Центр о том, что на встрече с ним Х. Амин очередной раз поднял вопрос о посылке в Кабул трех советских армейских подразделений. При этом обозначил возможные места их скрытой дислокации: военный клуб, совпосольство и территория Тане-Тадж-Бек. Х. Амин подчеркнул, что тов. Тараки ожидает скорого прибытия советского батальона на территорию военного клуба.

**27 июля.** Революционный совет ДРА издает специальный декрет, согласно которому Н.М. Тараки сохраняет за собой руководство всеми вооруженными силами республики и всеми делами, связанными с обороной страны, но «до тех пор,

---

<sup>171</sup> Центр хранения современной документации. Ф. 5. Оп. 76. Д. 1045.

пока не прекратится иностранная агрессия, я поручаю своему любимому и выдающемуся товарищу Хафизулле Амину... по моим непосредственным указаниям заниматься деятельностью министерства обороны». За декретом последовала очередная перетасовка кадров. В частности, М.А. Ватанджар был перемещен с поста министра обороны на пост министра внутренних дел, а Маздурьяр стал министром по делам границ.

Так Х. Амин реализовал совет, высказанный ему совпослом на встрече 21 июля. Он практически сосредоточил в своих руках полный контроль над вооруженными силами страны. На Старой площади это не вызвало радости.

### *Август*

**1 августа.** Совпосол, представитель КГБ и Главный военный советник в ДРА выходят в Центр с предложением отнестись положительно к просьбе Х. Амина перебросить в Кабул спецбригаду в связи с ожидаемой в августе-сентябре активизацией деятельности антиправительственных вооруженных формирований.

...Заместитель начальника внешней разведки КГБ генерал Я.П. Медяник представляет своему шефу В.А. Крючкову мотивированное письменное заключение о нецелесообразности направления советских войск в Афганистан. Тот с негодованием швыряет документ на стол со словами: «С таким заключением я на Старую площадь не пойду, меня там просто не поймут».

И приказывает переработать заключение.

...По указанию Центра в Кабуле вводится порядок, согласно которому «четверка» — совпосол, Главный партийный советник, представитель КГБ и Главный военный советник — отслеживает основные тенденции в текущей ситуации в стране и свои выводы докладывает в Политбюро ЦК КПСС.

**5 августа.** Подразделения афганского спецназа, расквартированные в крепости Бала-Хисар, поднимают мятеж против республиканской власти.

«Этот нарыв, — свидетельствует В. Курилов, — уже давно зрел в афганской бригаде специального назначения, расположенной на окраине Кабула в крепости Бала-Хисар. Бригада спецназа, по сравнению с другими подразделениями местных вооруженных сил, была неплохо подготовлена и достаточно хорошо вооружена. Толковые офицеры, физически крепкие солдаты, с голоду никто не умирал... В чем же дело?

А дело было в том, что новый режим слишком стремился к сплошной и скорейшей победе социализме... Дело дошло до преследования мулл, кое-где их даже стали расстреливать. Начали прикрываться мечети. Народ лишали религии, а значит — идеологии, той, которая веками владела не только умами этих людей, но и определяла порядок их жизни, взаимоотношений в семье и друг с другом.

Вместо мулл появились комиссары-политработники, которые заставляли людей заучивать совсем другие идеи и ценности.

...Как обычно, мятеж начался со стихийного митинга, после которого перебили комиссаров и активистов. Потом кто-то кинул клич идти на Кабул, штурмовать дворец Арк и свергать Тараки. Вскрыли склады, вооружились, заправили горючим и боеприпасами бронетехнику.

...Были данные о том, что часть мятежников, якобы, была намерена штурмовать наше посольство, так как, по их мнению, именно «советские были во всем виноваты». Резидентура получила сведения о том, что к мятежникам могут присоединиться затаившиеся в городе вооруженные «духи».

...В тот день нападения на посольство мы так и не дождались.

Помитинговав, мятежная бригада уселась на грузовики и на броню (которую смогли завести), и спустились в город, чтобы «воевать» дворец Арк и свергать Тараки. На узких улочках в

километре от крепости всю их бронетехнику пожгли НУРСами поднявшиеся с аэродрома боевые вертолеты (мне так думается, что экипажи в вертолетах сидели наши).

Некоторые мятежники разбежались, но большая часть возвратилась в крепость и попыталась занять круговую оборону. Однако, деморализованные потерями и лишённые единого командования, долго продержаться они не смогли. Уже к вечеру крепость Бала-Хисар была взята преданными Тараки элитными, хорошо вооружёнными подразделениями Царандоя (Народная милиция).

А все остальное было делом техники. Царандоевцы подогнали бульдозеры, вырыли несколько рвов. Оставшихся в живых после штурма мятежников, разоружённых и ободранных, поставили вдоль насыпи и покروшили из пулеметов. Бульдозеры заровняли землю — и следа не осталось. Просто и сердито.

К утру все было закончено...»<sup>172</sup>.

**6 августа.** В провинции Кунар восстает гарнизон г. Асмара. На сторону мусульманской оппозиции перешло около двух тысяч военнослужащих 9-й горнострелковой дивизии.

**10—11 августа.** Х. Амин в беседах с совпослом, представителем КГБ и Главным военным советником заявляет, что правительственные войска будут брошены против мятежников лишь после положительного решения советским руководством просьбы правительства ДРА и лично Н.М. Тараки о дислокации в Кабуле трех советских спецбатальонов.

Соответствующая шифровка незамедлительно летит в Центр.

**11 августа.** В провинции Пактия в ходе боев с вооружёнными формированиями исламистов дезертирует и сдаётся в плен значительная часть личного состава 12-й пехотной дивизии.

---

<sup>172</sup> *Курилов В.* Мы были первыми. Альманах «Вымпел». № 3. М., 1999. С. 81, 91.



**12 августа.** Шеф службы безопасности ДРА А. Сарвари по поручению Х. Амина напоминает А.К. Пузанову, Б.С. Иванову и Л.Н. Горелову о просьбе афганской стороны относительно переброски в Кабул трех советских спецбатальонов и о желательности ускорить ее исполнение.

**В тот же день, 12 августа.** В Центр направляется шифровка, в которой перечисленная выше тройца «полагает целесообразным в ближайшие дни направить в Кабул один спецбатальон и транспортные вертолеты с советскими экипажами». Одновременно в шифровке выражается просьба «изучить вопрос о направлении в ДРА еще двух спецбатальонов: одного для усиления охраны базы ВВС в Баграме, другого — для размещения в находящейся на окраине Кабула крепости Бала-Хисар».

**В тот же день, 12 августа.** Х. Амин встречается с Главным военным советником в ДРА Л.Н. Гореловым и успокаивает его:

«Возможно, советские руководители беспокоятся о том, что недруги в мире расценят это как вмешательство во внутренние дела ДРА. Но я заверяю вас, что мы являемся суверенным и независимым государством и решаем все вопросы самостоятельно...

Ваши войска не будут участвовать в военных действиях. Они будут использованы только в критический для нас момент. Думаю, что советские подразделения потребуются нам до весны»<sup>173</sup>.

**16 августа.** В Кабул прибывает советская военная делегация во главе с Главнокомандующим сухопутными войсками генералом армии И.Г. Павловским для оказания на месте действенной помощи режиму Тараки в повышении его жизнеспособности.

---

<sup>173</sup> *Ляховский А.А.* Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 150.

В составе делегации восемнадцать высокопоставленных сотрудников центрального аппарата Министерства обороны.

По прибытии в столицу ДРА члены делегации распределяются по частям и соединениям афганских правительственных войск и принимают активное участие в разработке и проведении боевых операций против мятежников, прежде всего, в провинциях Пактия и Пактика, где обстановка на тот момент была особенно острой. Опыт прибывших вовремя шурави пригодился при проведении операции в районе Зурмат и в деблокировании гарнизона правительственных войск в Ургуне.

Главе же делегации предстояло «поработать» с руководством ДРА.

20 августа. И.Г. Павловский встречается с Х. Амином, который показался ему «человеком энергичным, напористым, активным и хорошо разбирающимся в военных вопросах».

В ходе состоявшейся беседы Х. Амин поднимает вопрос о том, что в районе Кабула сосредоточено большое количество войск, в том числе с тяжелым вооружением — танковые, артиллерийские и другие части, которые правительство могло бы перебросить в другие районы для борьбы с контрреволюцией. Но только в том случае, добавляет он, если Москва согласится выделить 1,5—2 тысячи спецназовцев, которых можно было бы разместить в крепости Бала-Хисар. Но это еще не все.

Х. Амин признается, что расчеты зенитных батарей, прикрывающих Кабул и располагающихся на господствующих высотах вокруг столицы, крайне неблагонадежны, и просит заменить их советскими расчетами.

21 августа. И.Г. Павловский отправляет Д.Ф. Устинову шифровку, в которой информирует о беседе с Х. Амином и его просьбах, а также высказывает свое мнение — «вводить войска нецелесообразно».

## Кому мы обязаны «афганом»?

«По ответной реакции Дмитрия Федоровича, — вспоминает он, — я понял, Москва не доверяет Амину».

**23 августа.** Х. Амин вновь принимает И.Г. Павловского, который сообщает о решении Москвы. Но это не смущает афганца, который с прежней напористостью пытается убедить собеседника в том, что ввод советских войск в Кабул позволит высвободить одну из двух дивизий Кабульского гарнизона для борьбы с мятежниками.

*Сентябрь*

**10 сентября.** Афганская делегация во главе с Н.М. Тараки, возвращавшаяся на родину из Гаваны с конференции глав неприсоединившихся государств, делает кратковременную остановку в Москве. В аэропорту ее встречают Л.П. Богданов и А. Петров, сотрудник ПГУ, владеющий языком *дари*.

\*\*\*

В 1978—1980 гг. Леонид Павлович Богданов, в то время — полковник, возглавлял представительство КГБ СССР в Кабуле. Летом 1979 г. пребывал в очередном отпуске в Москве. Перед возвращением в афганскую столицу «приехал в управление, ознакомился с последними телеграммами и пришел к выводу, что Амин готовит переворот с целью отстранения от власти Тараки. Своими соображениями я поделился с генералом Медяником и сказал ему, что мне надо встретиться с Тараки, когда он будет возвращаться в Кабул, и предупредить его об опасности. Однако эту идею не поддержал начальник ПГУ В.А. Крючков. Он сказал, что Тараки должен принять Брежнев, поэтому мельчить не будем. Однако через некоторое время меня вызвал Медяник и сказал, что докладывали мое предложение Андропову, который находился на отдыхе в Кисловодске, и он сказал, что надо встречаться. После обсуждения этого вопроса мы пришли к выводу, что мне встречаться с Тараки не следует,

так как я официальное лицо, причем не владеющее *дари*, надо было общаться через переводчика, а вопрос сугубо деликатный. Решили, что с Тараки встретится наш сотрудник Александр Петров, который раньше находился у него на связи»<sup>174</sup>.

\*\*\*

«10 сентября во время возвращения афганской делегации из Гаваны мы с Петровым поехали в аэропорт Шереметьево-2, встретили Тараки и сопровождавших его лиц, а затем вместе с ними приехали в гостевой домик на Ленинских горах. Войдя в дом, я сразу увидел посланца Амина, который стал размахивать руками и кричать: «Тарджумана, тарджумана!» (переводчика). Я остановил его и попросил Петрова перевести наш разговор. Афганец сказал, что должен передать мне на словах сообщение, но переводчиком должен выступать Тарун. Все, что он скажет при Таруне, неправда. Затем Петров отошел, а я остался наедине с афганцем. Буквально через минуту появился Тарун. Когда я уезжал в отпуск, он занимал должность начальника полиции, теперь же он выступал в качестве начальника секретариата Тараки. Я поприветствовал его и спросил, не сможет ли он помочь, так как афганский товарищ мне что-то хочет сообщить, а переводчика рядом нет. Тарун охотно согласился. Мы прошли в спальню и афганец сказал, что уполномочен сообщить советским товарищам: против Амина в Кабуле четырьмя министрами подготовлен заговор с целью отстранения его от власти. Сообщив эту информацию, афганец сразу же ушел, а Тарун в развитие разговора сказал, что Тараки уже совсем выжил из ума и ничего уже не контролирует. Я, конечно, был удивлен тем, что ближайший помощник генерального секретаря ЦК НДПА высказывает

---

<sup>174</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 154.

подобные оценки, но решил воздержаться от комментариев. Потом, когда Тарун куда-то ушел, афганец вновь разыскал меня и через нашего переводчика из протокола сообщил мне, что не «четверка», а Амин в Кабуле готовит заговор против Тараки и его сторонников. Я доложил результаты разговоров руководству и уехал домой, а Тараки поехал на встречу с Брежневым»<sup>175</sup>.

**В тот же день, 10 сентября.** Л.И. Брежнев встречается с Н.М. Тараки. Беседа двух генсеков предельно откровенна и сугубо доверительна.

Л.И. Брежнев показывает своему афганскому другу секретный документ, который, как он поясняет, передал ему Председатель КГБ Ю.В. Андропов. В документе выражается серьезная озабоченность тем, что в руках Х. Амина оказывается практически неограниченная власть в ДРА, а это чревато самыми негативными последствиями для судеб Апрельской революции. Ситуация, разъясняет Л.И. Брежнев своему другу, когда страной, ее вооруженными силами и органами госбезопасности заправляет кто-то, а не Генеральный секретарь ЦК НДПА, крайне опасна для самого генерального секретаря. И мириться с таким положением вряд ли целесообразно.

Н.М. Тараки ничего не остается, как только согласиться с доводами своего друга **шурави**.

**В тот же день, 10 сентября.** Н.М. Тараки после встречи с Л.И. Брежневым возвращается на Ленинские горы. Там его поджидает давний знакомый А. Петров, который, что называется, открытым текстом предупреждает афганского лидера о том, что Х. Амин замышляет против него заговор с целью отстранения от власти. Поблагодарив сотрудника КГБ за важную информацию, Н.М. Тараки замечает:

---

<sup>175</sup> *Ляховский А.А.* Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 154—155.

«Не беспокойтесь, передайте руководству СССР, что я пока полностью контролирую ситуацию, и ничего там без моего ведома не случится»<sup>176</sup>.

И добавил: «Когда я с Брежневым беседовал, он намекал мне на что-то, но я его не понял»<sup>177</sup>.

\*\*\*

### Из воспоминаний В. Курилова:

«Проводя работу по изучению наших курсантов, я выявил несколько ребят, которые, как оказалось, люто ненавидели Хафизулла Амина. Один из них, двадцатипятилетний выпускник Кабульского университета, по имени Асад, как-то во время занятий шепнул мне:

«Поговорить надо... Не верьте Хафизулле Амину, он — враг народа, он — фашист. Знаете, сколько невинных людей убито по его приказу? Он хочет убить... Тараки. Он хочет убить его в аэропорту, когда тот прилетит из Советского Союза. Будут стрелять прямо около самолета...»

Меры по предотвращению террористического акта в Кабульском аэропорту были приняты. Нашей резидентурой была проведена сложная многоступенчатая операция по доведению до сведения Амина информации о том, что замысел покушения на Тараки известен окружению последнего, и что по этому поводу предприняты соответствующие меры безопасности. Одновременно до окружения Тараки были доведены сведения о том, что некие контрреволюционные силы хотят организовать физическое устранение лидера в Кабульском аэропорту...

Операция по доведению информации прошла успешно, были получены данные о том, что Амин, якобы, решил отка-

---

<sup>176</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 155.

<sup>177</sup> Там же.

## Кому мы обязаны «афганом»?

заться от силовой акции в аэропорту. Однако на всякий случай небольшую группу ребят из нашего Отряда все-таки переделали в гражданское и, на всякий случай, направили в аэропорт в числе сотрудников посольства, сопровождавших нашего посла...

Рассредоточившись в толпе встречающих чиновников и представителей дипломатического корпуса, мы наблюдали, как самолет афганской авиакомпании «Ариана» сделал над аэропортом положенное количество кругов, затем снизился и пошел на посадку. Наконец, самолет подрулил к зданию аэропорта.

Нур Мухаммад Тараки в строгом черном костюме, в белой рубашке и при галстукe ступил на трап, остановился, и сверху, улыбаясь, помахал всем рукой. По-моему, он был немного «подшофе». Затем он стал, осторожно перебирая ногами, сходить по лесенке трапа.

Ковровая дорожка. Почетный караул. Оркестр. Все как у нас!

Первым к прибывшему с чужбины «отцу народа» устремился Хафизулла Амин. Он шел с достоинством... и вместе с тем, с почтением... держа правую руку у сердца, чуть склоня голову и с радостной улыбкой на блудливых устах. Мне даже показалось, что на глазах Амина были слезы радости и умиления. Он просеменил по кроваво-красному с черными узорами ковру, пожал протянутую вождем руку, а затем... припал к его груди... Как любящий сын, соскучившийся без мудрого и доброго отца...»<sup>178</sup>.

**Из книги А. Ляховского «Трагедия и доблесть Афгана»:**

«По некоторым данным, в Кабуле готовилась акция по устранению «второго человека». Покушение на Амина готовил начальник службы безопасности А. Сарвари. Однако

---

<sup>178</sup> *Курилов В.* Мы были первыми. Альманах «Вымпел». № 3. М., 1999. С. 153, 156, 157, 158.

предупрежденный родственником Сарвари Амин предпринял дополнительные повышенные меры по обеспечению личной безопасности. В этом ему активную помощь оказал заместитель начальника службы безопасности Наваб Али»<sup>179</sup>.

**Из воспоминаний полковника Александра Кузнецова:**

«У четырех министров существовал план нейтрализации Амина, так как под ними зашатались кресла. За то время, когда они руководили соответствующими ведомствами, там особых успехов не было, поэтому Амин стремился освободить этих министров с занимаемых постов. Это очень беспокоило министров, они боролись за место под солнцем, естественно, главным их врагом стал Амин. По информации начальника Генерального штаба и начальника Главного политического управления ВС ДРА, о заговоре с целью покушения на Амина сообщил родственник Сарвари...»<sup>180</sup>

**11 сентября.** Тараки прилетел в Кабул. Его самолет целый час кружил над аэродромом, ожидая разрешения на посадку. За это время начальник Генерального штаба К. Якуб полностью заменил охрану аэродрома на военных, а также выставил армейские подразделения на пути, намеченном для движения правительственного кортежа.

Х. Амин приехал на аэродром для встречи «своего учителя», сидя за рулем белого «фольксвагена» целым и невредимым. Генерального секретаря ЦК НДПА встречало все афганское руководство.

Генерал армии И.Г. Павловский заметил, что «Тараки, выйдя из самолета и увидев Амина, опешил и даже пошат-

---

<sup>179</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 156.

<sup>180</sup> Там же.



нулся. Потом они расцеловались, сели в машину и поехали в ЦК НДПА»<sup>181</sup>.

**В тот же день, 11 сентября.** Только что вернувшийся из Москвы Н.М. Тараки проводит накоротке встречу с наиболее преданными ему министрами А.М. Ватанджаром, А. Сарвари, Ш.Д. Маздурьяром и С.М. Гулябзоем, по оценке которых противоборство в политическом руководстве страны достигло критической отметки. Они единодушно высказываются за скорейшее отстранение от власти Х. Амина. Тараки обещает им созвать в ближайшие дни заседание Политбюро ЦК НДПА и решить все проблемы мирным путем.

**Из воспоминаний министра связи ДРА С.М. Гулябзоя:**

«По прилете в Кабул на аэродроме Тараки, обходя шеренгу встречавших, спросил: «Все здесь?» На совещании генеральный секретарь вновь спросил: все ли руководители во время его отсутствия остались на своих постах? Затем он сказал:

«Я обнаружил в партии раковую опухоль. Будем ее лечить».

Думаю, что Амин не замедлил сделать для себя соответствующие выводы и принять упреждающие меры»<sup>182</sup>.

**Из интервью «человека, стоявшего у истоков афганской смуты, но не пожелавшего назвать свое имя из-за боязни мести»:**

«План убийства Амина был прост. Тараки улетает на международную конференцию на Кубу, и по возвращении его, как это принято, должен встретить Амин. В аэропорту и должен был прогреметь выстрел... Но Тарун, начальник президентской

---

<sup>181</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 157.

<sup>182</sup> Там же. С. 158.

охраны, которому Тараки поведал свой замысел, оказался другом Амина.

Амин прибыл в аэропорт с группой вооруженных людей и приказал обезоружить тех, кто должен был его убрать.

Когда Тараки сошел на землю, Амин, как ни в чем не бывало, улыбаясь, пошел к нему на встречу. И ошарашенному Тараки ничего не осталось делать, как обнять Амина и поцеловаться с ним: их снимала пресса»<sup>183</sup>.

\*\*\*

Не случайно говорят: «Восток — дело тонкое». Вот и здесь походи разберись, кто кого, а главное — за что хотел убрать? То ли Х. Амин — своего «любимого учителя», то ли Н.М. Тараки — своего «верного ученика»? Но, не решив этого восточного ребуса, нельзя было сделать политический выбор в пользу одного из них.

Какая же «черная кошка» пробежала между Тараки и Амином?

\*\*\*

«О причинах их вражды знает только несколько человек. И до сих пор об этом никто никому не рассказывал, — утверждает «человек, стоявший у истоков афганской смуты». — Однажды Тараки пригласил Амина и несколько его министров на свой день рождения. По мусульманским и афганским обычаям нам строго запрещается пить спиртное. Но некоторые министры втихаря выпили вина. И вскоре их потянуло... На дне рождения пели и танцевали молоденькие девушки. Министры накинулись на них. Но Амин всех «обломал». Видимо, за это и поплатился. Министры его оклеветали — нашептали на ухо

---

<sup>183</sup> Женский след в афганском перевороте. «Московский комсомолец». 27 апреля 1998. С. 4.

Тараки, что Амин, якобы, хочет убить его, чтобы стать президентом. Вот так — из-за женщин — возникла ссора между двумя вождями.

Тараки легко поверил навету. Амин был для него самым опасным конкурентом»<sup>184</sup>.

Но на Старой площади никому и в голову не пришло «шерше ля фам».

\*\*\*

**12 сентября.** Н.М. Тараки приглашает к себе Х. Амина и просит доложить о текущих делах и обстановке в стране. В конце доклада Х. Амин сообщает Н.М. Тараки о том, что в отсутствие генсека четыре министра: А.М. Ватанджар, А. Сарвари, Ш.Д. Маздурьяр и С.М. Гулябзой развернули против него, Амина, кампанию травли. В этой связи он ставит вопрос о снятии этих министров с занимаемых постов и наказании. Н.М. Тараки согласился отправить в отставку лишь одного из «четверки» — начальника службы безопасности А. Сарвари. Остальные же, по его словам, принесут Х. Амину свои извинения и вопрос будет закрыт. Однако Х. Амин стоял на своем — всех четверых снять с министерских постов и направить послами за границу.

**13 сентября.** Н.М. Тараки приглашает к себе на обед Х. Амина, а также А.М. Ватанджара, Ш.Д. Маздурьяра и С.М. Гулябзой, с тем чтобы в товарищеской обстановке нормализовать ситуацию в руководстве страны. Х. Амин игнорирует приглашение президента. Н.М. Тараки звонит ему по телефону и настаивает, чтобы он принял участие в обеде.

В ответ на это Х. Амин заявляет, что прежде Н.М. Тараки должен выполнить его требования об отставке поименованных

---

<sup>184</sup> Женский след в афганском перевороте. «Московский комсомолец». 27 апреля 1998. С. 4.

им министров за организацию заговора против него и фракционную антипартийную деятельность. В противном случае он перейдет к активным действиям. Со своей стороны, президент обвиняет премьера в неповиновении и грозит снять его со всех постов. Х. Амин мгновенно парирует угрозу генсека: армией командует он, а не генсек.

Вызов брошен. Вызов принят. Теперь по неписаному пуштунскому закону чести одному из двух предрешиено было умереть.

В тот же день, 13 сентября. В Доме народов проходит встреча Н.М. Тараки и Х. Амина с шурави: А.М. Пузановым, Б.С. Ивановым, И.Г. Павловским и Л.Н. Гореловым. Они прибыли с тем, чтобы ознакомить афганских лидеров с очередным посланием советского руководства. Политбюро ЦК КПСС и лично Л.И. Брежнев крайне обеспокоены нынешней ситуацией в братской НДПА, и выражают надежду на то, что ее руководители проявят чувство высокой ответственности за судьбы Апрельской революции, что они преодолечат нынешний раскол в своих рядах и с позиций революционного единства и сплоченности ополчатся против внутренних и внешних врагов.

Послание Старой площади было внимательно выслушано обоими лидерами. Оба заверили Старую площадь в том, что с избранного пути НДПА не свернет. Н.М. Тараки подчеркнул, что выступает за единство в партии, и особенно в ее руководстве. Напомнил, что именно об этом шла речь во время его встречи с Л.И. Брежневым в Москве. Х. Амин поблагодарил Старую площадь за глубокое и емкое послание и постарался свою позицию в отношении противоборства в руководстве НДПА сформулировать не менее емко и глубоко: он имеет честь быть искренним последователем Тараки и сделает все от него зависящее для продолжения дела своего Учителя. Х. Амин посылал шурави сигнал.

Слова «последователь» и «продолжение дела» прозвучали при живом Учителе. Уловили ли это шурави? Возможно, уловили. Возможно, нет. Но, так или иначе, они посчитали, что примирение между Тараки и Амином состоялось, о чем с удовлетворением и радостью поспешили протелеграфировать на Старую площадь. А примирения-то не было!

Высказав свое отношение к посланию Л.И. Брежнева, Х. Амин покидает Дом народов. А Тараки продолжает беседу с шурави. Он не скрывает, что «второй человек» доставляет ему то одно беспокойство, то другое. Вот и сейчас вознамерился вернуть в Кабул Пактина, афганского посла в Москве, своего рьяного сторонника. Он пользуется высоким авторитетом у студентов и интеллигенции вообще. Тараки опасается, что возвращение Пактина в Кабул существенно изменит баланс сил в пользу Амина. И поэтому намерен оставить Пактина в Москве.

Генсек НДПА откровенно сетует на нехватку опыта в управлении государством и руководстве партии. Признает свою неправоту в отношении «парчамистов» и, прежде всего, Бабрака Кармаля. Выражает готовность наладить с ним диалог, конечно, при посредничестве шурави.

«Я порой не знаю, что следует предпринять, на кого опереться», — сокрушается он, расписываясь, по-существу, в своей несостоятельности как партийного и государственного деятеля<sup>185</sup>.

«В одной из бесед с советским послом и представителем КГБ, после очередного «крупного разговора» с Амином, — пишет в своих мемуарах В. Курилов, — Тараки, чтобы прощупать позицию СССР, даже сказал, как бы размышляя и советуясь:

---

<sup>185</sup> Подробнее см.: *Ляховский А.А.* Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 160—161.

«Дети мои... Я свое дело сделал, революция победила... Я уже стар и болен... Может действительно мне уйти... Пусть теперь попробуют другие...»

Его тут же с жаром принялись отговаривать. Ну что Вы? Как можно! Вы — признанный народный лидер, у Вас — международный авторитет в рабочем и коммунистическом движении! Вас ценит лично Леонид Ильич!

Отговорили, он согласился. Еще бы: кто добровольно отдает власть?»<sup>186</sup>

**В тот же день, 13 сентября.** «Четверка» министров в 19.30 объявляется в советском посольстве и просит у руководителя представительства КГБ в Кабуле полковника Л.П. Богданова защиты, поскольку, по их словам, Х. Амин уже распорядился арестовать их и физически уничтожить. Полковник Л.П. Богданов в замешательстве. Это выше его прерогатив. Он угощает пришельцев чаем и опрометчиво разрешает А.М. Ватанджару обзванивать по посольскому телефону командиров частей Кабульского гарнизона с требованием поддержки и решительных действий, поскольку революция и ее вождь Тараки в опасности. Но те, почти поголовно, отвечают отказом. И более того, тотчас информируют об этом начальника Генштаба М. Якуба, а тот, естественно, — Х. Амина.

По указанию Х. Амина С.Д. Тарун звонит Л.П. Богданову и интересуется, с какой такой миссией находятся в советском посольстве сразу четыре афганских министра. И опять полковнику не позавидуешь. Он отвечает, что только сегодня вернулся из Москвы и еще не знает обо всех мероприятиях, проводимых в посольстве.

---

<sup>186</sup> *Курилов В.* Мы были первыми. Альманах «Вымпел». № 3. М., 1999. С. 173.

**14 сентября.** В 9.00 утра в приемной начальника службы госбезопасности слышится перестрелка, в ходе которой погибли Наваб Али (предупредивший Амина о планах Тараки убить его в аэропорту) и начальник политотдела этой же службы Салтан. По приказу Х. Амина они должны были арестовать А. Сарвари, но были расстреляны.

С.М. Гулябзой тотчас же оповещает об этом Н.М. Тараки и призывает незамедлительно принять самые решительные меры против Х. Амина. Но в ответ слышит: «Сынок, не волнуйся, все идет по плану».

**В тот же день, 14 сентября.** Х. Амин в своей резиденции обсуждает с Б.С. Ивановым и Л.П. Богдановым кадровый вопрос: вместо смещенного А. Сарвари он предлагает назначить С.Д. Таруна, а Н.М. Тараки продвигает на этот место А. Акбари.

В присутствии шурави Х. Амин звонит Н.М. Тараки и настаивает на отставке «четверки». Не соглашаясь на это, Н.М. Тараки обвиняет Х. Амина в неповиновении главе государства и требует прибыть к нему на следующий день в обеденное время, причем без оружия и личной охраны.

Во время телефонного разговора двух лидеров в кабинете появляются сначала начальник Генштаба М. Якуб, а затем — начальник канцелярии генсека НДПА С.Д. Тарун. Оба предупреждают Х. Амина о том, что Н.М. Тараки собирается расправиться с ним завтра, во время аудиенции. В кабинете генсека, по словам С.Д. Таруна, для этого специально подготовлены два пистолета и автомат.

Выслушав своих приверженцев, Х. Амин спрашивает Б.С. Иванова и Л.П. Богданова, как ему поступить. «Вы скажете «ехать», я поеду».

Е.С. Иванов поначалу сказал было «да, ехать», но потом поправился: не уполномочен, мол, решать такие щепетильные

вопросы, нужно посоветоваться. Х. Амин попросил дать ответ до 17.00, поскольку к этому времени ему предстоит принять решение по составу правительства.

Вернувшись в посольство, Б.С. Иванов срочно докладывает в Центр по существу дела. Старая площадь дает поручение передать Н.М. Тараки устное личное послание Л.И. Брежнева.

В тот же день, 14 сентября. А.М. Пузанов, Б.С. Иванов, И.Г. Павловский и Л.Н. Горелов, а также переводчик Д.Б. Рюриков в сопровождении вооруженной охраны приезжают в Дом народов на встречу с Н.М. Тараки. Ему сообщается устное послание генсека ЦК КПСС, в котором выражается крайняя озабоченность советского руководства тем, как развивается ситуация в Афганистане. Она все более обостряется, и потому необходимы срочные меры по ее стабилизации. Генсек НДПА просит передать благодарность Л.И. Брежневу за заботу о судьбах Апрельской революции.

Расценил ли он это послание как напоминание о совете, данном ему генсеком ЦК КПСС на их последней встрече в Москве, — неизвестно. Но надо полагать, что он не забыл этот совет. Как бы то ни было, он в присутствии гостей звонит «второму человеку» и приглашает его к себе, подчеркнув, что это приглашение исходит и от советских товарищей, находящихся рядом с ним.

«...Амин сначала отказался, — свидетельствует А. Ляховский, — но, когда трубку взял посол и сказал, что пока советские представители в резиденции Тараки, то Амину, мол, опасаться нечего, председатель Совета министров ДРА сказал, что охотно приедет, но только с охраной»<sup>187</sup>.

---

<sup>187</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 162.



В ожидании приезда Х. Амина Б.С. Иванов, как бы между прочим, доводит до Н.М. Тараки «упорно циркулирующие слухи» о том, что Х. Амин будет убит, как только появится в резиденции президента ДРА. Тот категорически опровергает подобные слухи.

Слухи, однако, подтверждаются. Стоило «второму человеку» перешагнуть порог резиденции «первого человека», как раздаются выстрелы. Причем стреляют во «второго человека».

«Тараки вызвал Амина на встречу с советским послом Пузановым, — свидетельствует «человек, стоявший у истоков афганской смуты». — Пообещал, что никаких провокаций не будет и, в подтверждение своих слов, сопровождать его поручил Таруну.

И Амин согласился. Но как только они вошли в президентский дворец, раздалась автоматная очередь. Тарун закрыл собой Амина и погиб на месте. Амину, раненному в ногу, удалось спастись. Дни Тараки оказались после этого сочтены. Некому было его защитить»<sup>188</sup>.

**В тот же день, 14 сентября.** В 16.20 по приказу начальника Генштаба М. Якуба части Кабульского гарнизона блокируют резиденцию Н.М. Тараки. В 17.50 Кабульское радио сообщает о том, что в правительстве ДРА происходят кадровые перестановки, в результате которых ключевые посты переходят в руки верных сторонников Х. Амина. Сообщается также о чистке в войсках столичного гарнизона.

**В тот же день, 14 сентября.** В Москве раздается телефонный звонок из Кабула. Совпосольство срочно сообщает о неудавшемся покушении на Х. Амина и о принятых им мерах по блокированию Н.М. Тараки в его резиденции. В Москве

---

<sup>188</sup> Женский след в афганском перевороте. «Московский комсомолец». 27 апреля 1998. С. 4.

спрашивают: «Есть ли человек, способный удержать власть в ДРА?» Из Кабула отвечают: «Кроме Амина, таких людей в Кабуле нет».

Сразу же после телефонного разговора с Москвой А.М. Пузанов, Б.С. Иванов, И.Г. Павловский и Л.Н. Горелов наносят визит Х. Амину и выражают свое сожаление по поводу случившегося.

Со своей стороны, Х. Амин информирует их о том, что в ближайшие дни пройдет пленум ЦК НДПА, который освободит Тараки со всех занимаемых им постов в партии и государстве. Шурави замечают, что в Москве не поймут Х. Амина, если он полностью отстранит Н.М. Тараки от власти.

Пока еще «второй человек», не задумываясь, отвечает, что он готов следовать советам советских товарищей, но опасается, что после террористического акта, организованного Тараки и приведшего к человеческим жертвам, не сможет сдержать эмоции своих соратников по партии.

В Афганистане, замечает он, кровь смывается кровью. Конечно, мнение советских друзей он доведет до сведения членов партии и посоветуется с ними. Но он не уверен, что ему удастся снизить остроту момента. А в конце беседы добавляет, что отныне на любые контакты с Тараки необходимо его личное разрешение.

\*\*\*

### **Из мемуаров В. Курилова:**

«Из Москвы пришла шифровка, смысл которой сводился к тому, что деятельность Амина дискредитирует революционные преобразования, играет на руку мировому империализму и т.д. и т.п. Предлагалось силами Отряда специального назначения «Зенит» провести мероприятие по похищению Амина и доставки его на территорию СССР. В случае, если похищение

сорвется, Амина необходимо будет уничтожить физически. Операцию разработать и... ждать сигнала»<sup>189</sup>.

**Утром 15 сентября.** «Наконец-то Москва «проснулась». Пришла шифровка с требованием привести в готовность Отряд специального назначения «Зенит» для возможного осуществления операции по Амину. Целый день мы просидели в полном вооружении на заднем дворе нашего посольства. Ждали из Москвы сигнала к началу операции.

Сначала, около 10 часов утра с нами провели дополнительный инструктаж, еще раз напомнили порядок действий, уточнили вопросы взаимодействия. Через полчаса из посольства прибежал офицер безопасности Бахтурин и сообщил, что минут через пятнадцать мы выступаем на операцию. Припес пару бутылок «Посольской» водки с винтом и черной этикеткой. Мы с удовольствием распили вкусную водочку, о которой уже стали забывать в ходе нашей девственно чистой и непорочной жизни на чужбине. «Наркомовские 100 грамм», добрые старые традиции, предстоящее интересное дело — все это поднимало настроение и окрашивало все вокруг в праздничные цвета.

Однако через час к нам вышел Долматов, и сказал, что решение пока не принято, надо ждать. Потом я узнал, что вопрос о начале операции согласовывался лично с Брежневым, а тот никак не мог решиться.

Нам еще два раза выносили «Посольскую» «перед боем», однако боя так и не состоялось. Мы просидели в посольстве весь день. Москва ни на что не решилась»<sup>190</sup>.

---

<sup>189</sup> Курилов В. Мы были первыми. Альманах «Вымпел». № 3. М., 1999. С. 168—169.

<sup>190</sup> Там же. С. 170.

\*\*\*

Аналогичная ситуация сложилась и в Баграме, где квартировал советский батальон. Утром пришел приказ быть готовыми к переброске в Кабул, но другой приказ, о начале операции, так и не поступил.

\*\*\*

**В тот же день, 15 сентября.** Поздно вечером в посольстве СССР в Кабуле фиксируется сообщение радиостанции «Би-Би-Си» об освобождении Нур Мухаммада Тараки от должности президента ДРА по состоянию здоровья.

«Срочно были подняты с постели резидент и представитель КГБ, — свидетельствует В. Курилов. — По их указанию дежурный разбудил посла. Тут же связались с Москвой. Через полчаса посольские, так же как и мы, повторно прослушали сообщение...

Через пять минут из Посольства по рации пришла команда — «в ружье!»

Мы срочно нацепили на себя всю амуницию, заняли места по боевому расчету. В окутанном ночной сентябрьской прохладой городе все было тихо. Время от времени слышались отдаленные выстрелы, где-то взревел на высоких оборотах двигатель автомашины, вдали лаяли собаки, иногда до нашего слуха доносились приглушенные расстоянием истошные крики местных патрулей «Дрэш!» Все как обычно. И вместе с тем все уже давно изменилось. Оказывается, еще с утра Амин посадил Тараки под «домашний арест» в одном из помещений дворца. Всем было объявлено, что президент приболел, поэтому не показывается на людях»<sup>191</sup>.

Тараки был обречен.

---

<sup>191</sup> Курилов В. Мы были первыми. Альманах «Вымпел». № 3. М., 1999. С. 171—172.

**В тот же день, 15 сентября.** Политбюро ЦК КПСС в срочном порядке обсуждает проект представленного МИДом, КГБ и Министерством обороны постановления о первоочередных мерах в связи с событиями в Афганистане.

В констатирующей части постановления отмечалось:

— По возвращении из Гаваны Тараки столкнулся с ультимативными требованиями Амина устранить и наказать близких к Тараки деятелей — министра внутренних дел Ватанджара, министра связи Гулябзоя, министра по делам границ Маздурьяра и начальника органов безопасности Сарвари под предлогом того, что эти лица находились в «империалистическом заговоре» против него, Амина. Попытки убедить Амина отказаться от своих требований и нормализовать положение в руководстве успеха не имели.

— Тараки был, видно, готов устранить Амина из руководства, но проявил нерешительность и колебания, а возможно, и не располагал необходимыми для этого силами.

— Обращение Политбюро ЦК КПСС с настоятельным призывом к Тараки и Амину во имя революции сплотиться и действовать согласованно, с позиции единства, внешне было воспринято и тем и другим положительно, однако на деле Амин продолжал добиваться своих целей, а Тараки демонстрировал нерешительность, да, видно, и неспособность к пресечению действий «второго человека». В результате, все рычаги реальной власти в стране уже находятся в руках Амина. Более того, он полностью изолировал Тараки, в том числе и от **шурави**.

— На 16 сентября намечен пленум ЦК НДПА, на котором Тараки лишится всех постов в партии и государстве.

— Амин фактически игнорирует предупреждения **шурави** о том, что его действия могут привести к тяжелым последствиям для партии и страны.

Исходя из вышеизложенного, в постановлении предлагалось придерживаться следующей линии:

— Не следует отказываться иметь дело с Амином и возглавляемым им руководством, пока окончательно не выяснится его политическое лицо и намерения.

— Всем советникам: партийным, военным и прочим — продолжать выполнять возложенные на них функции, но избегать участия в любых репрессивных акциях.

— Высказать лично Амину мнение о том, что в случае ухода Тараки с занимаемых им постов не следует подвергать его репрессиям.

Соответствующие указания, вытекавшие из данного постановления Политбюро ЦК КПСС, были направлены за подписью А.А. Громыко совпослу и прочим руководителям совзагранучреждений в Кабуле.

По поручению Москвы они нанесли визит Х. Амину и высказали ему неудовлетворение советского руководства по поводу смещения Тараки с поста генсека ЦК НДПА и президента ДРА. Ответ Х. Амина был по-восточному учтивым, наполненным чувством преданности идеалам Апрельской революции и готовности следовать указаниям Москвы. Х. Амин отметил, что Тараки на практике игнорировал рекомендации Политбюро ЦК КПСС и лично товарища Л.И. Брежнева, а он, Амин, заверяет, что после стабилизации обстановки в стране будет делать все от него зависящее для претворения в жизнь советов Москвы. Он подчеркнул, что уход Тараки не только не нарушит единства в партии, но еще более сплотит ее. Тараки, по его словам, — это источник распрей и междоусобицы в руководстве НДПА. Так думают многие товарищи в партии и армии.

**16 сентября.** Чрезвычайный пленум ЦК НДПА единогласно голосует за освобождение Н.М. Тараки и четырех его

соратников со всех занимаемых ими постов и исключение из партии с мотивировкой — за организацию покушения на секретаря ЦК, члена Политбюро ЦК НДПА и премьер-министра ДРА Х. Амина, убийство члена ЦК НДПА С.Д. Таруна и прочие беспринципные действия.

Генеральным секретарем ЦК НДПА единогласно избирается Х. Амин. После этого Ревсовет ДРА избирает его своим председателем и назначает премьер-министром страны.

После пленума министр иностранных дел ДРА Шах Вали спешит поделиться новостями с И.Г. Павловским и Л.Н. Гореловым. Вслед за ним Х. Амин наносит визит И.Г. Павловскому, который поздравляет его настолько тепло, по-товарищески, что без объятий и братских поцелуев не обходится.

\*\*\*

**В 1979 г. в досье ГРУ ГШ ВС СССР на Х. Амина приводятся следующие сведения:**

«Хафизулла Амин — выходец из небольшого пуштунского племени харатаев, родился в 1927 г. в местечке Пагман, недалеко от Кабула, в семье служащего. Рано потеряв отца, воспитывался старшим братом, который был одно время учителем в школе, а затем секретарем президента крупнейшей хлопковой компании «Спинзар» (после апреля 1978-го президент этой компании).

Окончил высшее педагогическое училище и научный факультет Кабульского университета. После окончания университета работал преподавателем, заместителем директора и директором кабульского лицея «Ибн Сина». В 1957 г. для продолжения образования выехал в США, где получил степень магистра. После возвращения в Афганистан некоторое время преподавал в Кабульском университете, вновь занимал пост директора лицея «Ибн Сина», затем был директором высшего

педагогического училища, заведующим отделом начального образования министерства просвещения. В этот период Х. Амин имел репутацию пуштунского националиста.

В 1962-м Х. Амин вновь выехал в США для подготовки и защиты диссертации. К этому времени относится и начало его активной политической деятельности. В 1963-м избирается председателем федерации афганских студентов в США; за свою деятельность в ней незадолго до окончания работы над диссертацией выслан из США.

После возвращения в Афганистан в период подготовки учредительного съезда НДПА (1965) устанавливает тесную связь с Н.М. Тараки, принимает активное участие в работе съезда. Во время раскола НДПА твердо поддерживает Тараки, завоевывая его личные симпатии, становится ближайшим соратником.

В 1967-м по рекомендации Тараки введен в состав ЦК НДПА «Хальк». Однако после конфликта с Т. Бадахши январский пленум ЦК НДПА 1968-го перевел его из членов партии в кандидаты за «отход от принципов интернационализма». В решении пленума было записано, что он характеризуется как человек, «известный по своей прошлой общественной жизни фашистскими чертами и связанный с высокопоставленными чиновниками с теми же качествами».

В 1969-м Амин был избран депутатом нижней палаты парламента. Использовал парламентскую трибуну для резкой критики королевского режима. После прихода к власти М. Дауда и вплоть до военного переворота 27 апреля 1978-го на государственной службе не состоял, полностью переключившись на организационно-партийную работу. Это способствовало росту его авторитета и влияния в группировке «Хальк».

Летом 1977-го избирается членом объединенного ЦК НДПА, одновременно — руководитель хальковской военной органи-



зации НДПА в армии (после объединения партии военные организации «Хальк» и «Парчам» действовали отдельно).

В апреле 1978-го после ареста руководителей НДПА возглавил непосредственную подготовку к вооруженному выступлению армии против режима М. Дауда.

Придя к власти, НДПА решением Революционного совета назначает Амина заместителем премьер-министра и министром иностранных дел ДРА. Он избран в члены Политбюро, введен в состав секретариата ЦК, а после снятия А. Кадыра с поста министра обороны уполномочен «оказывать содействие Н.М. Тараки в исполнении обязанностей министра обороны». Это фактически вся полнота власти в армии.

Амин постепенно сосредоточивает в своих руках практическую работу по организационно-партийному и государственному строительству, полностью устанавливает контроль над деятельностью органов безопасности.

16 сентября 1979 г. на Пленуме ЦК НДПА избран генеральным секретарем ЦК НДПА, а затем председателем Революционного совета ДРА.

Возвышению его способствовало неограниченное доверие со стороны Тараки, а также незаурядные личные качества. Амина отличает большая энергия, работоспособность, хитрость, деловитость, стремление вникнуть в существо вопроса, восприимчивость к аргументированному мнению подчиненных и советников, твердость во взглядах и поступках. Умеет расположить к себе собеседника, привлечь к себе людей, подчинить их своему влиянию. В беседах точен, краток, обладает хорошей памятью.

Ярый пушгунский националист. Свободно владеет английским языком. Не курит, не злоупотребляет спиртными напитками.

Женат. Имеет семерых детей»<sup>192</sup>.

---

<sup>192</sup> Подробнее см.: *Ляховский А.А.* Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 170—171.

\*\*\*

**В тот же день, 16 сентября.** Министр иностранных дел ДРА Шах Вали приглашает к себе советского посла А.М. Пузанова и, следуя дипломатическому протоколу, уведомляет его об избрании Х. Амина генеральным секретарем ЦК НДПА и председателем Революционного совета ДРА, а также просит информировать об этом советское руководство.

В Москве, однако, не торопятся отреагировать на это историческое событие в жизни братской партии.

**18 сентября.** В Ташкенте приземляется АН-12, транспортный гигант «Аэрофлота», доставивший в столицу Узбекистана опальных афганских министров. Их нелегально вывезли из Кабула по личному указанию Л.И. Брежнева.

**19 сентября.** Старая площадь прерывает трехдневную паузу и за подписями первых лиц СССР направляет в Кабул поздравительную телеграмму в адрес Х. Амина.

В свою очередь, новый генсек, едва получив поздравления от шурави, также выдерживает трехдневную паузу и только тогда шлет в Москву телеграмму со словами благодарности и заверениями в своей непреклонности проводить в жизнь прежний курс НДПА и ДРА.

\*\*\*

Среди членов партии после пленума было распространено закрытое письмо ЦК НДПА с подробным описанием всех деталей «перестрелки» в резиденции Тараки и попытки убийства Амина. Соучастником этого террористического акта назывался советский посол Пузанов.

Несколько позже министр иностранных дел ДРА Шах Вали пригласил к себе послов социалистических стран и ознакомил их с документом «Правда о покушении на товарища Амина».

В документе, в частности, говорилось о том, что «находившийся у Тараки советский посол по телефону заверил Х. Амина, что с ним ничего не случится, если он придет к Тараки».

Отмечалось и то, что, когда охранники Тараки смертельно ранили Таруна и намеревались убить Амина, «все это время советский посол оставался с Тараки в его кабинете».

На встречу Шаха Вали с послами соцстран А.М. Пузанов, естественно, не был приглашен. Советскую дипмиссию представлял советник В. Сафрончук, который без лишних церемоний задал Шаху Вали вопрос: понимает ли он, что его голословные обвинения в адрес совпосла могут нанести непоправимый ущерб советско-афганским отношениям? Министр иностранных дел ДРА предпочел оставить этот вопрос без ответа.

А.М. Пузанов же незамедлительно послал в Центр шифровку с предложением направить в Кабул официальный протест. Москва согласилась с ним и за подписью А.А. Громыко ответила предписанием посетить Х. Амина, заявить ему протест и потребовать опровержения провокационного заявления Шаха Вали. На аудиенцию с Х. Амином А.М. Пузанов прибыл в сопровождении И.Г. Павловского, Л.Н. Горелова, Л.П. Богданова и переводчика Д. Рюрикова.

Выслушав зачитанную ему ноту протеста, Х. Амин в крайне резких тонах обвинил совпосла и его спутников в том, что они дезориентируют свое руководство относительно происходящих в Афганистане событий. При этом подчеркнул, что Шах Вали ни в чем не виноват, что он всего лишь озвучил то, что изложил ему он, Амин. И, следовательно, никаких опровержений не будет. Советским представителям было предложено самим разъяснить послам социалистических стран собственную версию инцидента с перестрелкой и покушением на Х. Амина.

На этом тема «событий 14 сентября» была закрыта. Москва не решилась на дальнейшее обострение отношений со своим единоверцем.

*Октябрь*

**2 октября.** Амин через представителя КГБ просит Москву направить в Кабул батальон советских военнослужащих для его личной охраны.

**9 октября.** За пять минут до наступления комендантского часа в афганской столице было официально объявлено, что после непродолжительной и тяжелой болезни в Кабуле скончался Нур Мухаммад Тараки.

\*\*\*

В действительности же все обстояло иначе. Вот как это описано в мемуарах В. Курилова:

«...Начальник личной охраны Амина с двумя своими подчиненными зашел в комнату Тараки.

Услышав звуки отпираемой двери, президент встал из-за стола, за которым что-то писал. Наверное, он подумал, что к нему пришел в очередной раз Амин, требуя отречения от власти. А может быть, он пришел просить прощения? Президент заранее придал своему лицу соответствующее моменту мудрое и оскорбленно-гордое выражение. За ним стоят советские друзья, которые никогда не дадут его в обиду! Его обласкал совсем недавно в Москве сам Леонид Ильич Брежнев! Был званый обед, заверения в обоюдной дружбе, поцелуи, торжественная встреча и проводы в аэропорту...

Подслеповато щурясь (в полумраке комнаты горела только стоящая на столе настольная лампа), Тараки взглядывался в лица вошедших. Амина среди них не было.

«Кто это?» — удивился президент. Какие-то офицеры, глаза бегают, у одного с лица — пот градом. Волнуется, что ли? Зачем они пришли? Что им надо?

«В чем дело, товарищи... — начал он и внезапно замолчал. Он увидел выражение их лиц, и... страшная догадка пронзила его мозг! Он понял, зачем они пришли! И он узнал одного из пришедших. Это был офицер из личной охраны Амина по имени Джандад...

Мгновенно охвативший страх парализовал волю президента. Он обильно вспотел. Колени подогнулись, чтобы не упасть, он дрожащей рукой попытался схватиться за спинку стула, но стул опрокинулся, и Тараки боком мягко завалился на толстый, с темно-красным замысловатым узором пыльный ковер. Перед самым лицом он увидел до блеска начищенные, остро пахнущие гуталином, высокие военные ботинки. Он почувствовал, как чужие, грубые руки больно схватили его и перетащили на стоявшую в углу кровать...

Двое офицеров, завалив обмякшее тело на кровать, держали его за руки и за ноги, а начальник охраны душил президента подушкой.

Когда все было кончено, труп закатали в ковер, вынесли из здания и затолкали в багажник автомашины»<sup>193</sup>.

\*\*\*

Как было установлено позже, исполнителями расправы над Тараки были начальник службы безопасности Амина капитан Абдул Вадуд, командир подразделения охраны дворца Амина старший лейтенант Мухаммад Экбаль, заместитель начальника президентской гвардии по политической части старший

---

<sup>193</sup> Подробнее см.: *Курилов В.* Мы были первыми. Альманах «Вымпел». № 3. М., 1999. С. 172—175.

лейтенант Рузи. Общее руководство осуществлял начальник президентской гвардии майор Джандад.

\*\*\*

Убийство Тараки повергло Старую площадь в шоковое состояние. С целью прояснить ситуацию в новом руководстве НДПА и государства был тотчас же задействован «прямой провод» с Кабулом: с послом А.М. Пузановым, представителем Председателя КГБ Б.С. Ивановым, Главным военным советником в ДРА Л.Н. Гореловым и заместителем министра обороны СССР генералом армии И.Г. Павловским, который с 17 августа находился в Афганистане во главе представительной делегации военачальников как раз с предписанием на месте разобраться с раскладом сил в верхушке НДПА и ДРА и внутривнутриполитической ситуацией в стране в целом.

Что же услышали в ответ на Старой площади?

И.Г. Павловский подтвердил свое мнение о Х. Амине как о «верном друге и надежном союзнике Москвы» в деле превращения Афганистана «во вторую Монголию», сославшись при этом на самого Х. Амина: «Мы принимаем все меры, чтобы высказанные нам рекомендации были реализованы, всегда будем согласованно работать с советскими советниками и специалистами. Наша дружба непоколебима»<sup>194</sup>.

Еще более безапелляционно высказался Главный военный советник в ДРА генерал-лейтенант Л.Н. Горелов: «Х. Амин является сильной личностью и должен оставаться во главе государства»<sup>195</sup>.

Наконец, генерал-майор В.П. Заплатин, советник при начальнике Главпура ВС ДРА, также отозвался о Х. Амине как

<sup>194</sup> Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 82. Д. 173. С. 120—122.

<sup>195</sup> *Ляховский А.А.* Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 186.

## Кому мы обязаны «афганом»?

о «верном и надежном друге Советского Союза и всесторонне подготовленном лидере Афганистана»<sup>196</sup>. И, видимо, для большей убедительности привел такой пример: «Амин всегда признавал всего два праздника в году: 7-е ноября и 9-е мая, то есть день Великой Октябрьской революции и День Победы над фашизмом. В эти два праздника он мог позволить себе выпить сто граммов водки, в другое время он никогда спиртное не употреблял»<sup>197</sup>.

Мнения военачальников не корреспондировались с настроениями на Старой площади. Там, по сугубо практическим соображениям, совсем по-иному воспринимали Х. Амина.

...Родное детище Старой площади — НДПА стремительно теряла всякий контроль над страной. Ей подчинялись лишь Кабул, да еще две провинции: Кундуз и Баглан, в то время как мусульманская оппозиция полностью контролировала провинции Лагман, Кунар, Пактия и Пактика. А в провинциях Тахар, Герат, Джаузджан, Бадахшан, Логар, Гур, Каписа, Газни, Заболь, Гильменд, Фарах и Бадгиз установила свою власть на девяносто процентах их территории. В общем и целом, восемьдесят процентов территории ДРА с населением примерно в десять миллионов человек находилось вне контроля НДПА. Попросту говоря, лозунг «Превратим Афганистан во вторую Монголию!» сохранился лишь на бумаге, а в жизни лопнул, как мыльный пузырь.

Этого не могли не видеть на Старой площади точно так же, как не могли открыто признать свое поражение. Значит, нужно было найти «козла отпущения», на которого могли быть списаны все грехи и ошибки. Такое не впервые случалось в истории КПСС.

---

<sup>196</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 186—187.

<sup>197</sup> Там же. С. 187.

Х. Амин, как никто другой, подходил на роль «козла отпущения». Как и его великий учитель Н. Тараки, он изо всех сил внедрял на афганской земле советскую модель строительства социализма. Правда, в отличие от своего учителя, он не пришелся ко двору Старой площади, не сумел расположить к себе Л.И. Брежнева, откровенно симпатизировавшего Н. Тараки. И этот личностный момент был крайне важен.

«...Отлично понимая важность для нас Афганистана в стратегическом плане, — пишет в своих мемуарах В. Крючков, — Брежнев, будучи по натуре человеком преданным в дружбе, добрым и даже, я бы сказал, легко ранимым, очень тяжело переживал смерть Тараки, в какой-то мере воспринимал ее как личную трагедию. У него сохранилось какое-то чувство вины за то, что именно он якобы не уберег Тараки от неминуемой гибели, не отговорив от возвращения в Кабул. «Ведь данные, что ты мне принес, я даже показывал ему, говорил, что разведка ручается за их достоверность», — не раз в разговоре с Андроповым сокрушался Леонид Ильич. Поэтому Амина после всего происшедшего он вообще не воспринимал»<sup>198</sup>.

О реакции генсека на убийство Тараки пишет в своих мемуарах и академик Е.И. Чазов, главный врачеватель Кремля и Старой площади:

«Брежнев, несмотря на снижение критического восприятия, — свидетельствует он, — бурно переживал это событие. Больше всего его возмущал тот факт, что еще 10 сентября, незадолго до этих событий, он принимал Тараки, обещал ему помощь и поддержку»<sup>199</sup>.

<sup>198</sup> Крючков В.А. Личное дело: Часть первая. М.: Олимп; АСТ, 1997. С. 201—202.

<sup>199</sup> Чазов Е. Здоровье и власть. Новости, 1992. С. 152—154.



Вместе с тем, если В. Крючков усмотрел главную причину горьких переживаний генсека в его преданности дружбе, в его доброте и ранимости, то у Е.И. Чазова присутствует несколько иная интерпретация причин генсековского горя. По словам академика, Л.И. Брежнев считал, что убийство Тараки в известной мере подрывает его международный авторитет.

«Разве можно верить слову Брежнева, — возмущался он, — если его заверения в поддержке и защите остаются словами».

Вот где собака-то зарыта!

А ведь вся вина Амина состояла в том, что он убил Тараки, который замышлял убить его. Кто-то из них должен был умереть, как это предписывал кодекс чести пуштунов «Пуштунвалла». Но Леонид Ильич об этом не знал. Просто Тараки пришелся ему по душе, а Амин — нет.

«Однажды, когда готовились документы к заседанию комиссии Политбюро ЦК КПСС по Афганистану, — свидетельствует Р. Ульяновский, — в комнату заглянул Л.И. Брежнев, узнав, чем они занимаются, сказал: «Амин — несчастный человек». Этого было достаточно, чтобы сотрудники Международного отдела ЦК КПСС восприняли реплику генсека как руководство к действию, приступив к поиску вариантов по отстранению Амина от власти в Афганистане»<sup>200</sup>.

А дальше пошло-посхало. По каналам внешней разведки КГБ на Старую площадь потекла информация о том, что Амин — тиран, развязавший в стране беспрецедентную кампанию террора и репрессий против собственного народа, что он предал цели Саурской революции, что, наконец, он — враг Советского Союза, вступивший в сговор с американцами, и исподволь ведет линию на переориентацию внешней политики

---

<sup>200</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 200—201.

с Москвы на Вашингтон, что он попросту — агент ЦРУ. И так далее, и тому подобное. Однако никто и никогда не сумел представить прямых неопровержимых улик антисоветской, предательской деятельности «первого и самого верного ученика Тараки», «предводителя Саурской революции».

\*\*\*

**14 октября.** В расквартированной в пригороде Кабула 7-й пехотной дивизии вспыхивает вооруженный мятеж сторонников Тараки. Мятеж жестоко подавлен, причем не без помощи советских военных советников.

**20 октября.** «Мы прибыли в Кабул, — вспоминает командир «Зенита» полковник А. Поляков. — На следующий день я был представлен представителю Председателя КГБ, генерал-лейтенанту Б.С. Иванову, руководителю Представительства КГБ Л.П. Богданову и офицеру безопасности т. С. Бахтурину, через которого я решал все текущие дела...

**В конце октября** в отряд прибыла еще одна группа сотрудников КГБ. Эта группа была размещена примерно в трехстах метрах от нашей виллы.

Увеличение численности отряда нас несколько озадачило, ибо конкретных задач для отряда пока никто не определил...

С нашей стороны, конечно, предпринимались необходимые меры по конспирации и прикрытию, но вместе с этим все мы чувствовали, что афганские спецслужбы знали, кто мы такие...

Несмотря на указанные обстоятельства, мы не могли сидеть сложа руки. Речь шла не только о тщательном изучении Кабула и его окрестностей, но и о выявлении и изучении объектов, представляющих интерес для разведывательно-диверсионного подразделения, каковым, по сути, являлся отряд «Зенит».

В результате плодотворной и творческой работы всего личного состава отряда к исходу ноября месяца была отработана достаточно подробная карта-план г. Кабула с нанесенными на нее политическими, военными, административно-хозяйственными объектами г. Кабула и другими объектами, представляющими оперативный интерес»<sup>201</sup>.

**25 октября.** В Прагу направляется сотрудник КГБ А.В. Петров с задачей привезти из Чехословакии в Москву Б. Кармаля, которого Старая площадь облюбовала как следующего после Амина руководителя Афганистана. Прибыв в Москву, Б. Кармаль вместе с А. Ратебзад, А. Сарвари, С.М. Гулябзоем и А.М. Ватацджаром приступили к разработке политической платформы второго этапа Саурской революции и конкретных планов по ее реализации, исходя из рекомендаций Старой площади. Но Хафизулла Амин об этом не знал. Он не терял надежды завоевать благосклонность Старой площади. Он бомбил ее телсграммами с просьбой о помощи.

### *Ноябрь*

**3 ноября.** Совпосол А.М. Пузанов информирует Х. Амина о том, что советское руководство «удовлетворено мерами, принятыми афганским руководством в сфере строительства партии и государства» и готово принять его в Москве.

Х. Амин просил об этом в беседе с В. Заплатиным и выражал готовность уйти с постов генсека НДПА и председателя Ревсовета ДРА, если Старая площадь этого пожелает.

**10 ноября.** Из Москвы в Кабул возвращается представитель Председателя КГБ в Афганистане Б.С. Иванов. Своим ближайшим коллегам — руководителю представительства КГБ в ДРА Л.П. Богданову и резиденту КГБ в Кабуле — он сообщает о при-

---

<sup>201</sup> Дроздов Ю., Курилов В. Операция «Шторм-333». Альманах «Вымпел». № 3. М., 1999. С. 15—17.

нятом на Старой площади решении об оказании практического содействия «здоровым силам Афганистана», выступающим за свержение режима Амина, и ставит задачу — приступить к проработке и проведению конкретных мероприятий в этом направлении.

**17 ноября.** По каналам КГБ в Москву из афганской столицы поступает шифровка о том, что Х. Амин напоминает о своей просьбе направить в Кабул батальон советских военнослужащих для его личной охраны.

**20 ноября.** Представитель КГБ в ДРА докладывает в Москву о том, что Х. Амин опять ставит вопрос о направлении в Кабул батальона советских военнослужащих для его личной охраны.

**21 ноября.** А.М. Пузанов покидает Кабул. Его отзывают в Москву по указанию А.А. Громыко с явно вымышленной формулировкой — «в связи с его многочисленными просьбами». В действительности же на его замене неоднократно настаивал Х. Амин, открыто заявляющий, что «советский посол поддерживает оппозицию и вредит мне».

На Старой площади работа А.М. Пузанова на посту посла в ДРА была признана «неудачной». Его отправили на пенсию.

**26 ноября.** В Кабул прибывает Фикрят Ахмедзянович Табеев, новый посол СССР в ДРА, до этого — первый секретарь Татарского обкома КПСС.

**30 ноября.** Политбюро ЦК КПСС принимает очередное Постановление по Афганистану. Его проект был представлен А.А. Громыко, Ю.В. Андроповым, Д.Ф. Устиновым и Б.Н. Пономаревым. В нем, в частности, отмечалось:

— В лице Амина нам приходится иметь дело с властолюбивым, отличающимся жестокостью и вероломством деятелем. В условиях организационной слабости НДПА и идейной незакаленности ее членов не исключена опасность того, что ради

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

сохранения личной власти Амин может пойти на изменение политической ориентации режима.

— Настораживают поступающие сигналы о налаживании Амином контактов с представителями правомусульманской оппозиции и вождями враждебных правительству племен, в ходе которых с его стороны проявляется готовность договориться с ними о прекращении ими вооруженной борьбы против нынешнего правительства на «компромиссных» условиях, фактически в ущерб прогрессивному развитию страны.

— В последнее время отмечают признаки того, что новое руководство Афганистана намерено проводить более «сбалансированную политику» в отношениях с западными державами. Известно, в частности, что представители США на основании своих контактов с афганцами приходят к выводу о возможности изменения политической линии Афганистана в благоприятном для Вашингтона направлении.

— Поведение Амина в сфере отношений с СССР все более отчетливо обнажает его неискренность и двуличие. Заявляя о готовности укреплять дружбу с СССР, на практике Амин не только не принимает мер по пресечению антисоветских настроений, но и сам фактически поощряет подобные настроения. В частности, по его инициативе распространяется версия о якобы причастности советских представителей к «попытке покушения» на него во время событий 13—16 сентября с.г.

— В Народно-демократической партии Афганистана и в афганской армии сохранились здоровые силы, выражающие серьезную озабоченность складывающейся обстановкой в стране. Однако эти силы разобщены и находятся по существу на нелегальном положении.

И далее:

«С учетом изложенного, и исходя из необходимости сделать все возможное, чтобы не допустить победы контрреволюции

в Афганистане или политической переориентации Х. Амина на Запад, представляется целесообразным придерживаться следующей линии:

— Продолжать активно работать с Амином, не давая ему поводов считать, что мы не доверяем ему и не желаем иметь с ним дело.

— При беседах с лицами, дружественно настроенными к СССР и обеспокоенными судьбой Апрельской революции, не создавать впечатления, что нами одобряется все происходящее сейчас в Афганистане, не отталкивать таких лиц.

— Военную помощь Афганистану оказывать сейчас в ограниченных масштабах. От дальнейших поставок тяжелого вооружения и военной техники пока воздержаться.

— От направления в Кабул по просьбе Амина советского воинского подразделения для личной охраны воздержаться.

— Просьбы афганской стороны о посылке дополнительных советских советников того или иного профиля тщательно взвешивать и удовлетворять только в тех случаях, когда это будет отвечать нашим интересам.

— В необходимых случаях и в соответствующей форме давать понять Амину о нашем неодобрительном отношении к его заигрыванию с Западом»<sup>202</sup>.

\*\*\*

Помимо постановления по Афганистану Политбюро ЦК КПСС утвердило указания послу СССР в ДРА. Ему предписывалось, в частности, посетить Х. Амина и передать, что:

— В Москве с пониманием относятся к высказанному им пожеланию посетить Советский Союз для бесед с товарищем Л.И. Брежневым и другими советскими руководителями.

<sup>202</sup> Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 82. Д. 173. С. 118—127.

## Кому мы обязаны «афганом»?

— Это его пожелание воспринимается нами как выражение намерения руководства НДПА и ДРА крепить и углублять дружбу и всестороннее сотрудничество между нашими партиями, странами и народами.

— Советские руководители будут готовы принять в Москве Х. Амина, чтобы по-товарищески и по-деловому обменяться мнениями по интересующим обе стороны вопросам, как только для этого представится возможность. К вопросу об определении взаимоприемлемых сроков такого визита можно будет вернуться через некоторое время, принимая во внимание ранее запланированные в СССР крупные партийно-государственные мероприятия.

Совпосол И.М. Табсев выполнил поручение Политбюро ЦК КПСС.

### *Декабрь*

**2 декабря.** Главный военный советник в ДРА генерал-полковник С.К. Магомедов направляет в Центр шифртелеграмму следующего содержания: «2 декабря 1979 г. Х. Амин пригласил главного военного советника и заявил, что в условиях, когда мятежникам в Бадахшане оказывается активная помощь со стороны Китая и Пакистана, а у нас нет возможности снять войска с других районов боевых действий, я просил бы Советское правительство направить в эту провинцию на короткое время один усиленный полк для оказания помощи нормализации обстановки.

В заключение беседы тов. Амин просил довести его просьбу до министра обороны СССР и сказал, что он готов лично обратиться по этому вопросу к Л.И. Брежневу».

**4 декабря.** В Центр летит еще одна срочная шифртелеграмма от С.К. Магомедова:

«3 декабря состоялась встреча с Амином. Во время беседы Х. Амин сказал: «Мы намерены передать часть личного состава

и вооружения 18-й и 20-й дивизий (из Мазари-Шерифа и Баглана) для формирования подразделений народной милиции. В этом случае вместо ввода в ДРА советских регулярных войск лучше прислать подразделения советской милиции, которые совместно с нашей народной милицией смогли бы обеспечить и восстановить порядок в северных районах ДРА».

**В тот же день, 4 декабря.** В Кабул командирится первый заместитель начальника внешней разведки КГБ генерал-лейтенант В.А. Кирпиченко с особыми полномочиями, касающимися подготовки операции по отстранению Х. Амина от власти.

**В тот же день, 4 декабря.** В Кабул вылетел новый состав «Зенита». «По приказу Председателя КГБ в отряд «Зенит» (точнее, уже в «Зенит-2»), — вспоминает генерал-майор Ю. Дроздов, — подбирали наиболее подготовленных сотрудников из числа командиров и заместителей командиров оперативно-боевых групп, прошедших подготовку на базе курсов усовершенствования офицерского состава. Всего набралось около шестидесяти человек»<sup>203</sup>.

«В Кабуле приземлились к вечеру, — вспоминает «зенитовец» В. Федоренко. — Старались не показываться аэродромным служащим. В ГАЗ-66 погрузились быстро. Туда же перенесли ящики с оружием и боеприпасы.

...Вскоре мы получили конкретную задачу, каждой группе был определен объект разведки. Мы с Ильей Берашвили в числе других приступили к разведке дворца Амина. Сложность состояла в том, что дворец стоял на пустыре и достаточно хорошо охранялся. Хотя охрана велась по-афгански — только на подъездных дорогах. Если пройти в стороне от дороги — никто не обратит внимания... В ходе таких «прогулок» установили,

<sup>203</sup> Журнал «Ветеран границы», № 1—2. 1999. С. 15—16.



## Кому мы обязаны «афганом»?

где и какие войска расположены, как несется служба... Большую помощь в изучении охраны внутри дворца оказали наши советники, по долгу службы посещавшие департаменты и подсоветных чиновников, обосновавшихся во дворце. Через несколько дней меня и Илью перебросили на другой объект — телеграф. Объект для разведки не столь сложный, но не менее ответственный. По замыслу наших руководителей, предполагалось исключить какую-либо возможность оповестить мировые информационные агентства о событиях, происходящих в Афганистане. Здание телеграфа расположено в центре города. Охранялось семью военнотружущими, которые там практически и жили. Под различными предложениями мы несколько раз заходили внутрь, посещали операционный зал и другие помещения. Досконально изучили подходы к зданию, наметили маршруты движения внутри него»<sup>204</sup>.

### **Из воспоминаний зенитовца А. Мазурца:**

«Так уж случилось, что, невзирая на то, что в Афганистане длительное время работали различные категории наших специалистов, карты Кабула не было. В связи с этим группе бойцов «Зенита» было поручено осуществить визуальную разведку ряда стратегических объектов и нанести их на созданную карту-схему...

Совершенно не ведая, для каких целей, нами в кратчайшие сроки была произведена визуальная разведка заданных объектов, которые были нанесены на карту Кабула. По оценкам участников событий декабря 1979 г., «зенитовская» карта оказалась незаменимым проводником на тесных улочках афганской столицы»<sup>205</sup>.

<sup>204</sup> Журнал «Ветеран границы», № 1—2. 1999. С. 16—17.

<sup>205</sup> Там же. С. 16.

**6 декабря.** Политбюро ЦК КПСС одобряет предложения КГБ и Минобороны об удовлетворении настойчивой просьбы Х. Амина направить в Кабул советский мотострелковый батальон для охраны его резиденции. Принимается решение перебросить в Кабул в первой половине декабря самолетами военно-транспортной авиации «подготовленный для этих целей отряд ГРУ Генерального штаба общей численностью около 500 человек в униформе, не раскрывающей его принадлежности к Вооруженным Силам СССР».

В решении подчеркивалось, что «возможность направления этого отряда в ДРА была предусмотрена решением Политбюро ЦК КПСС от 29.6.1979 г. № П 156/ИХ».

**7 декабря.** В Афганистан на личном самолете Андропова Ту-134 вылетают Б. Кармаль и А. Ратебзад. Одеты они в длинные шинели, подпоясанные брезентовыми ремнями, в кирзовых сапогах и солдатских шапках-ушанках. В таком «камуфляже» они заметно выделялись среди охранявших их сотрудников «Альфы» во главе с майором Ю.А. Изотовым.

Первая остановка в Ташкенте. Передышка на даче первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Ш.Р. Рашидова. На следующий день они — на родной земле, в Баграме. Там уже обживаются их соратники — А. Ватанджар, С. Гулябзой, Н. Нур и А. Сарвари.

**8 декабря.** В Ореховой комнате, что за кабинетом заседаний Политбюро, проходит совещание с участием Ю. Андропова, М. Сулова, А. Громыко и Д. Устинова, пригласивших «на ковер» начальника Генштаба маршала Н. Огаркова. Обсуждается вопрос об Афганистане. Взвешиваются все «за» и «против» ввода советских войск. В течение часа маршал тщетно пытается убедить «четверку» в пагубности самой идеи ввода войск в ДРА. У «четверки» иное мнение. Отпустив восвояси несговорчивого маршала, «четверка» склоняется к тому, чтобы проработать два

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

варианта: руками КГБ устранить Амина и привести к власти Кармаля; если КГБ не сумеет выполнить эту задачу, то переложить ее на плечи армии.

**9 декабря.** Предсовмина СССР А.Н. Косыгин по телефону информирует Н. Огаркова о том, что на Старой площади готовится решение о вводе советских войск в Афганистан. Предлагает маршалу убедить своего министра выступить против этой акции.

После нелегкого разговора с Д. Устиновым начальник Генштаба сообщает А.Н. Косыгину, а затем и первому заместителю министра иностранных дел СССР Г. Корниенко о том, что не смог переубедить Дмитрия Федоровича.

**В тот же день, 9 декабря.** Маршалу тт. Н. Огаркову сообщают о срочном вызове к Генсеку ЦК КПСС. На заседании «малого Политбюро» в составе: Л.И. Брежнев, М.А. Сулов, Ю.А. Андропов, А.А. Громыко, Д.Ф. Устинов, А. Кириленко и К.У. Черненко — маршал настойчиво повторяет свои доводы против ввода советских войск в ДРА, предлагая решать проблему политическим путем. Но его никто не слышит. Более того, его одергивают.

«Вас пригласили не для того, чтобы выслушивать Ваше мнение, — бросает реплику Ю.В. Андропов, — а чтобы Вы записывали указания Политбюро и организовывали их выполнение». Точку ставит сам генсек: «Следует поддержать Юрия Владимировича».

**В тот же день, 9 декабря.** Из воспоминаний командира «Зенита» А. Полякова: «В отряд прибыло еще тридцать разведчиков-диверсантов. К этому времени мне было объявлено о подготовке к задействованию отряда «Зенит» в спецмероприятиях по захвату или, в зависимости от складывающейся обстановки, ликвидации ряда важных государственных, политических, специальных и военных объектов в г. Кабуле, а

также выводу из строя магистрали междугородной и городской связи».

**9—10 декабря.** По решению Политбюро ЦК КПСС самолетами Ан-12 и Ан-22 военно-транспортной авиации ВС СССР перебрасываются на авиабазу Баграм, близ Кабула, личный состав (520 штыков) и боевая техника «мусульманского батальона».

Совпосол Ф.А. Табеев информирует Х. Амина о том, что его просьба выполняется.

**10 декабря.** Д.Ф. Устинов проводит коллегию Министерства обороны, на которой объявляет, что в ближайшие дни ожидается решение Политбюро ЦК КПСС о применении советских войск в ДРА, и что в этой связи начальнику Генштаба МО СССР надлежит приступить к формированию новой общевойсковой армии. Однако руководство Генштаба пытается убедить своего министра в нецелесообразности подобных действий.

**Из воспоминаний генерала армии В.И. Варенникова, в то время первого заместителя начальника Генштаба — начальника Главного оперативного управления армии:**

«Чувствуя, что руководство страны уже у порога изменения своего решения по вводу наших войск в Афганистан, начальник Генерального штаба Н.В. Огарков предпринял последнее усилие — уговорить министра обороны Д.Ф. Устинова не делать этого. В связи с этим он пригласил С.Ф. Ахромеева и меня к себе и сообщил, что хотел бы в нашем присутствии высказать министру мнение о нецелесообразности такой акции и обосновать это. А при необходимости мы должны были его поддержать. Когда мы пришли к Устинову, в его кабинете находился начальник Главного политического управления А.А. Епишев. Николай Васильевич докладывал долго, пытаясь обосновать нецелесообразность такого шага и убедить в этом Устинова.

По окончании доклада Огаркова министр никак не прокомментировал его доклад, спросил только Епишева: «Алексей Алексеевич, у тебя вопросы есть?» Начальник ГлавПУРа ответил: «Да нет у меня вопросов. У Генерального штаба всегда свое особое мнение». На что Устинов заметил: «Это верно. Но я учту мнение Генерального штаба». Я поддержал Огаркова: «Товарищ министр обороны, мы чувствуем, что это последний шанс». Ахромеев промолчал.

Когда мы уходили, Огарков еще раз обратился к Устинову: «Дмитрий Федорович, мы очень надеемся на Вас».

**11 декабря.** Как свидетельствует В. Федоренко, «Зенит» вылетел в Баграм. Это в шестидесяти километрах от Кабула. Там находился аэродром, куда из Союза перебрасывался так называемый «мусульманский батальон». В его состав входили десантники-выходцы из Средней Азии. Это был тот самый батальон, который якобы предназначался для охраны резиденции Амина. Там же в палатках жили доставленные из Союза Бабрак Кармаль и его правительство.

**12 декабря.** Срочно прилетевший из Кабула генерал-майор В.П. Заплатин, советник начальника Главного политуправления ВС Афганистана, вызван на «ковер» к Д.Ф. Устинову. В кабинете министра присутствуют начальник Генштаба Н.В. Огарков и начальник Главпура ВС и ВМФ А.А. Епишев. Заплатин энергично доказывает, что от ввода войск в Афганистан следует воздержаться, а также то, что Х. Амин — искренний друг Советского Союза.

Молча выслушав пространные рассуждения генерал-майора и не задав ему ни одного вопроса, Д.Ф. Устинов сообщает присутствующим, что вынужден отлучиться на какое-то время по очень важному делу, но просит продолжить обсуждение афганской темы без его участия, а главное — дожидаться его возвращения...

Через несколько часов он возвращается и интересуется у Н.В. Огаркова, обо всем ли удалось переговорить, все ли аспекты прояснили до малейших деталей. «Да, — рапортует начальник Генштаба, — по всем вопросам переговорили, но товарищ Заплатин остается на своих позициях». Министр недоуменно смотрит на генерал-майора и спрашивает: «Как же так? Помните, что вы говорили мне прошлый раз — что ни один волос не упадет с головы Тараки. А что произошло? Где Тараки?» Нисколько не смутившись, Заплатин отвечает: «Тараки нет. Его задушили. Это роковая ошибка Амина, это он лишил Тараки жизни». Министр достает из своей папки шифртелеграмму представителя КГБ в Кабуле и, протягивая ее Заплатину, раздраженно произносит: «Вот посмотрите. Вы говорите одно, а разведка КГБ совсем другое — она оценивает положение в Афганистане — как близкое к критической точке». Прочитав шифртелеграмму, Заплатин выражает принципиальное несогласие с содержащимися в ней оценками. Это еще более раздражает министра. «Почему у Вас такие взаимоотношения? — перебивает он Заплатина. — Вы там не можете договориться, а нам здесь решение надо принимать». И переведя дыхание, добавляет: «Вы обстановку в Афганистане оцениваете мимоходом, а они головой за это отвечают».

Затем, выдержав паузу, объявляет, что совещание закончено. И вновь следует пауза. Внимательный взгляд на присутствующих. И загадочная реплика: «Поздно обсуждать». И больше ни единого слова. Никаких разъяснений и комментариев.

**13 декабря.** По указанию Д.Ф. Устинова формируется оперативная группа Министерства обороны (ОГ) во главе с заместителем начальника Генштаба С.Ф. Ахромеевым. В нее вошли представители всех видов и родов ВС СССР. Группа дислоцировалась в Термезе, на советско-афганской границе,

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

и сразу же приступила в работе по координации действий, касающихся ввода войск в Афганистан.

**В тот же день, 13 декабря.** Сотруднику нелегальной разведки КГБ «Мише», внедренному в резиденцию Х. Амина под видом повара, удастся перехитрить афганских диетологов, контролировавших всю еду и напитки, предназначавшиеся генсеку НДПА, и использовать спецсредство, чтобы отравить его. Сигналом об успешном проведении операции должны были послужить телефонные звонки из резиденции Х. Амина в совпосольство с просьбой о незамедлительной помощи отравленному генсеку НДПА. Однако таких звонков не последовало. Чтобы прояснить ситуацию, из представительства КГБ в Кабуле была направлена молнией шифровка на Лубянку с предложением также молнией прислать шифровку с требованием незамедлительно ознакомить с нею Х. Амина. В полночь представитель КГБ прибыл для срочной встречи в резиденцию Х. Амина, который вышел к нему улыбающийся и в добром здравии. Это означало, что операция провалилась. Спецсредство не сработало. Нетрудно представить, как это воспринял В. Крючков. Однако операцию он не отменил, а приказал повторить.

**14 декабря.** Будущий лидер ДРА Б. Кармаль и его соратники перебазируются из Баграма в Ташкент.

«Мне позвонил Председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов, — вспоминает армейский генерал Н. Гуськов, — и спросил: есть ли у меня самолеты, чтобы срочно отправить Кармаля в Ташкент? Я сказал, что самолеты есть. Тут же перезвонил министр обороны Дмитрий Федорович Устинов и поставил ту же задачу. Я срочно организовал отправку двух самолетов Ан-12, и они через сорок минут вылетели из Баграма в Ташкент».

**16 декабря.** Министр обороны СССР отдает приказ об от мобилизации полевого управления 40-й армии. Командующим армией назначается первый заместитель командующего войсками ТуркВО генерал-лейтенант Ю.В. Тухаринов.

**17 декабря.** Вспоминает «зенитовец» Я. Семенов: «17 декабря вместе с «мусульманским батальоном» мы передислоцировались в окрестности дворца. Вторым кольцом. Конечно, для его «охраны». В первом — стояли афганцы. Практически каждый день мне приходилось выезжать в советское посольство, где штатские и военные руководители, задавая одни и те же бестолковые вопросы, пытались выяснить, насколько мы готовы к штурму дворца... Я давал адекватные ответы, а сам по вечерам до головной боли пытался представить себе будущие боевые ситуации и наши возможные действия. Каждый день мы старались узнать что-либо новое по объекту «Дуб» — так для конспирации нарекли дворец Амина. Беседовали с афганскими офицерами, объезжали дворец на «газике», анализировали полученную информацию»<sup>206</sup>.

**В тот же день, 17 декабря.** По каналам КГБ в Центр поступает срочная шифртелеграмма следующего содержания:

«12 и 17 декабря представитель КГБ встречался с Х. Амином. Из высказываний Амина заслуживают внимания следующие. Амин настойчиво проводил мысль о необходимости непосредственного участия Советского Союза в сдерживании боевых действий бандформирований в северных районах ДРА. Его рассуждения сводились к следующему:

— нынешнее афганское руководство будет приветствовать присутствие советских Вооруженных Сил в ряде стратегически важных пунктов в северных провинциях ДРА...

<sup>206</sup> Журнал «Ветеран границы», № 1—2. 1999. С. 17.



## Кому мы обязаны «афганом»?

Амин сказал, что формы и методы оказания военной помощи должны определяться советской стороной:

— СССР может иметь воинские гарнизоны в тех местах, в которых сам пожелает;

— СССР может взять под охрану все объекты афганско-советского сотрудничества;

— советские войска могли бы взять на себя охрану коммуникаций ДРА».

**В тот же день, 17 декабря.** Ю.В. Андропов принимает в своем кабинете на Лубянке начальника внешней разведки КГБ В.А. Крючкова и Ю.И. Дроздова, утвержденного всего месяц назад в должности начальника Управления «С» — нелегальной разведки, не сумевшей с первой попытки ликвидировать Х. Амина с помощью спецсредств. Ю.И. Дроздову, естественно, предлагается срочно вылететь в Кабул и, как он сам выразился, «посмотреть, чем занимаются сотрудники Управления, прибывшие туда в ноябре месяце». 20 декабря Ю.И. Дроздов уже в Кабуле.

**22 декабря.** Совпосол Ф.А. Табеев информирует Х. Амина о том, что Москва в полной мере выполняет его просьбу о вводе советских войск в Афганистан. При этом замечает, что практически ввод войск может начаться 25 декабря.

Х. Амин соглашается с предложенными сроками ввода войск, просит передать искреннюю благодарность советскому руководству и тут же отдает приказ Генштабу ВС ДРА оказывать всяческое содействие вводимым в страну советским войскам.

**24 декабря.** Д.Ф. Устинов проводит совещание руководящего состава Министерства обороны СССР, на котором сообщает о решении Политбюро ЦК КПСС ввести советские войска в Афганистан. Во исполнение этого решения он отдает приказ ввести в ДРА воздушно-десантную дивизию и отдельный парашютно-десантный полк ВДВ, мотострелковую дивизию

ТуркВО и отдельный мотострелковый полк Среднеазиатского Военного Округа.

Конкретные задачи на ввод и дислокацию советских войск на афганской территории определялись в Директиве № 212/12/01, подписанной Д.Ф. Устиновым и начальником Генштаба Н.В. Огарковым.

**25 декабря.** В 12.00 в войска поступает приказ министра обороны: 25 декабря в 15.00 (время московское) начать переход и перелет государственной границы ДРА войсками 40-й армии и авиацией ВВС.

**В тот же день, 25 декабря.** «Мы с колонной батальона, — пишет в своих мемуарах В. Федоренко, — на БМД двинулись к Кабулу. Задача «мусульманского батальона» состояла в том, чтобы завязать бой на подступах к дворцу. Захват дворца и других объектов предполагалось осуществить силами «Зенита» и «Грома» («Группа «А»). Два напряженных дня просидели на Кабульском аэродроме»<sup>207</sup>.

**В тот же день, 25 декабря.** Планируется выступление Х. Амина, по афганскому радио и телевидению с заявлением о начале ввода советских войск в Афганистан по просьбе правительства ДРА. Однако текст заявления задерживается на Старой площади, где он проходит согласование. Выступление Х. Амина перед афганским народом отменяется.

**26 декабря.** В пограничном афганском городке Пули-Хумри советских воинов встречают митингом «боевого сотрудничества», организованным командованием 10-го пехотного полка 20-й пехотной дивизии ВС ДРА. Афганцы благодарят шурави за интернациональную помощь, выступают за укрепление дружбы и сотрудничества.

<sup>207</sup> Журнал «Ветеран границы», № 1—2. 1999. С. 17.

**В тот же день, 26 декабря.** На перевале Саланг крупное вооруженное формирование исламской оппозиции яростно атакует десантно-штурмовой батальон капитана Л. Хабарова. В ответной атаке погибает лейтенант Н. Кротов.

На пути из Хорога в Файзабад мотострелковый полк под командованием подполковника В. Кудлая подвергается атакам со стороны мелких групп моджахедов.

**В тот же день, 26 декабря.** На виллу спецназа КГБ в Кабуле под охраной сотрудников «Альфы» прибывают Б. Кармаль и А. Ратебзад.

**27 декабря.** «С утра началась непосредственная подготовка к штурму дворца Х. Амина. Личному составу «мусульманского батальона» и спецподразделений КГБ разъяснили, что Х. Амин повинен в массовых репрессиях, по его приказу убивают тысячи ни в чем не повинных людей, он предал дело Апрельской революции, вступил в сговор с ЦРУ США и т.д. Правда, эту версию мало кто из солдат и офицеров воспринимал. «Тогда зачем Амин пригласил наши войска, а не американцев?» — резонно спрашивали они. Но приказ есть приказ, его надо выполнять. И спецназовцы готовились к бою»<sup>208</sup>, — свидетельствует Ю.И. Дроздов.

**В тот же день, 27 декабря.** «На совещании у Ю. Дроздова, — вспоминает Я. Семенов, — получили приказ на боевые действия. Моей подгруппе и подгруппе «Гром», которой руководил Михаил Романов, предстояло с двух направлений атаковать дворец и за 45 минут захватить его целиком»<sup>209</sup>.

После совещания Ю. Дроздов направился к Представителю КГБ в Кабуле Б.С. Иванову и доложил о полной готовности к

<sup>208</sup> Журнал «Ветеран границы», № 1—2. 1999. С. 18.

<sup>209</sup> Дроздов Ю., Курилов В. Операция «Шторм-333». Альманах «Вымпел». М., 1999. С. 37.

проведению операции по устранению Х. Амина. Тот, в свою очередь, рапортует об этом по радиотелефону лично Ю.В. Андропову. Все идет по плану.

Однако вернувшемуся в расположение спецназовцев Ю. Дроздову сообщают пренеприятную новость — охрана дворца Амина всполошилась, укрепляет внешние посты по всему периметру дворца, проявляет повышенный интерес к тому, чем заняты шурави. Налицо признаки утечки секретной информации о запланированной акции против Амина. Об этом Ю. Дроздов незамедлительно информирует Б.С. Иванова, а тот — Лубянку, откуда следует приказ начать штурм дворца в 15.00.

В тот же день, 27 декабря. Х. Амин устраивает торжественный обед в своей резиденции, на который приглашены все члены Политбюро и Секретари ЦК НДПА, министры, высшие армейские чины, руководители специальных служб и другие «уважаемые люди». Все с супругами. Присутствуют также многочисленные близкие и дальние родственники Х. Амина. Повод для торжества беспрецедентный.

Х. Амин сообщает собравшимся, что сумел добиться от шурави полного согласия на ввод советских войск в Афганистан. Эту долгожданную весть привез ему из Москвы секретарь ЦК НДПА Панджшири, его давний проверенный друг, заявивший, что переговоры с советскими руководителями укрепили авторитет Х. Амина и те твердо обещали предоставить Кабулу широкомасштабную военную помощь, включая ввод войск в Афганистан.

Х. Амин подтверждает сказанное Панджшири тем, что советские дивизии уже «на пути к нам», что его отношения с шурави как никогда прекрасны. «Я регулярно разговариваю по телефону с товарищем Громыко, — с гордостью заявляет он. — И мы сообща обсуждаем, как лучше преподнести мировой

общественности информацию о вводе в Афганистан советских войск и оказании нам всесторонней военной помощи».

Он обращается к начальнику Генерального штаба ВС ДРА Махаммаду Якубу и приказным тоном произносит: «Необходимо как можно теснее и продуктивнее наладить взаимодействие с командованием советских войск».

М. Якуб незамедлительно рапортует: «На сегодня в 19.30 уже назначено экстренное совещание с советскими военными советниками. Оно состоится в моем рабочем кабинете и будет посвящено как раз налаживанию более тесного взаимодействия в связи с предстоящим вводом советских воинских подразделений».

Одобрительно кивнув начальнику генштаба, Х. Амин сообщает своим гостям о том, что завтра здесь же, во дворце, он выступит по национальному телевидению и разъяснит афганскому народу причины, побудившие его пригласить на афганскую землю чужеземные войска. Такого ведь в многовековой истории страны еще не бывало.

...Торжественный обед был в самом разгаре, когда вдруг хозяин почувствовал себя плохо и потерял сознание. Возникла суматоха, переросшая в панику. Гости, один за другим, так же начали полностью отключаться.

Самообладание не покинуло лишь супругу Амина, которая приказала командиру президентской гвардии майору Джандаду и начальнику Главного политического управления М.З. Вазирри срочно связаться с советским посольством и доставить во дворец советских врачей.

В советском посольстве с нетерпением ждали этого звонка — сигнала о том, что операция по устранению Амина руками нелегала «Миши» увенчалась успехом. Однако радость тех, кто замыслил эту спецоперацию, оказалась преждевременной. Они допустили промашку — не учли того,

что помимо посольства советские врачи работали еще и в Центральном военном госпитале афганской армии. Именно оттуда, по настоянию М.Э. Вазири и начальника политического отдела Главного военного советника в ДРА генерал-майора С.П. Тутушкина, во дворец срочно прибыли руководитель хирургического отделения госпиталя полковник Анатолий Владимирович Алексеев и врач-терапевт полковник Виктор Петрович Кузнеченков. Они-то невольно и сорвали замысел сверхконspirаторов, вытащив с того света Хафизулла Амина, руководителя, как они были уверены, дружественного Советскому Союзу Афганистана.

**В тот же день, 27 декабря.** «В 15.00 из посольства передали, что время начала штурма (время «Ч») установлено — 22.00, потом перенесли на 21.00. Позже она периодически уточнялось и в конечном итоге остановились на 19.30. Видимо, руководители операции рассчитывали, что сработает план устранения Х. Амина путем его отравления и тогда, возможно, отпадет необходимость штурмовать Тадж-Бек. Но ввиду строгой секретности этого плана советские врачи не были к нему допущены и по незнанию сорвали его выполнение»<sup>210</sup>, — свидетельствует Ю. Дроздов.

**В тот же день, 27 декабря.** Около шести часов вечера Главный военный советник в ДРА генерал-полковник С.К. Магомедов вызвал на связь полковника В.В. Колесника, назначенного Министерством обороны СССР руководителем операции по захвату Тадж-Бека, и отдал приказ: «В связи с непредвиденными обстоятельствами время штурма перенесено, начинать надо как можно скорее».

---

<sup>210</sup> Дроздов Ю. Курилов В. Операция «Штурм-333». Альманах «Вымпел». М., 1999. С. 40.

## Кому мы обязаны «афганом»?

Спустя 15—20 минут группа захвата во главе с капитаном Сатаровым выехала на машине ГАЗ-66 в направлении высоты, где были закопаны охранявшие дворец танки.

«27 декабря в 18.30 на двух ГАЗ-66 наша группа из двенадцати человек двинулась к телеграфу... В пути, как и было намечено, мы услышали оглушительный взрыв. Подгруппа Б.А. Плешкунова произвела подрыв колодца кабельных линий связи в центре города — это был сигнал всем группам на штурм объектов, — вспоминает В. Федоренко. — ... Подбежали к черному входу, дернули дверь, а изнутри она стянута толстой цепью. Недолго думая, Илья несколько раз выстрелил. Повезло — перебил... На захват объекта нам отвели 45 минут. Дискутировать некогда. Разделились на подгруппы по два человека. Бежим по коридорам, заглядываем в комнаты. Чтобы не перестрелять друг друга, используем старый презренный способ — орем матом... В одной из комнат нашли служащих. В свете фонарика лес поднятых рук. Женщины сбились в кучу, на лицах страх. В туалете один из солдат-афганцев, сидя на унитазе, молится... Зажегся свет. Улеглась пыль. Служащих собрали в кабинете начальника. Успокоили. Солдат держали отдельно. Женщины довольно быстро пришли в себя. Во-первых, никто не пострадал, во-вторых, смена режима ими даже приветствовалась, так как не было семьи в Афганистанс, которая не пострадала бы от репрессий Амина»<sup>211</sup>.

«В 18.45, за полчаса до сигнала о штурме для всех подгрупп, работавших по другим объектам, наша колонна из трех БТР двинулась ко дворцу. Четвертый БТР отстал по непонятным причинам, — вспоминает «зенитовец» Я. Семенов. — Когда по броне застучали пули от ДШК, стало ясно: игры кончились, началась война. Я шел на первой машине. Мы успели

<sup>211</sup> Журнал «Ветеран границы», № 1—2. 1999. С. 18—19.

проскочить. Второй БТР подожгли. Борис Суворов погиб, почти все ребята получили ранения. Выскочив из БТР, мы вынуждены были залечь. Ад стоял кромешный! Наша «Шилка» бьет по дворцу, снаряды отскакивают от стен, как резиновые. На наши, кстати, головы. Из окон поливают... Трудно сказать, сколько пролежали, прижавшись к земле, может быть, всего несколько секунд, а показалось — вечность. Наконец, «Шилка» подавила афганский пулемет, и мы бросились к входу в здание. Там встретились с подгруппой Миши Романова. Вместе с ними буквально проскочили ошеломленных охранников и ворвались внутрь здания. Не задерживаясь на первом этаже, кинулись на второй. Из пятидесяти двух человек, начавших штурм, на второй этаж поднялись только шестеро: Виктор Анисимов, Сергей Белов, Виктор Карпухин, Эвальд Козлов, Саша Плюснин и я. Затем подключились Саша Карелин и Нурик Курбанов. Атака продолжалась. Бросок гранаты прямо по коридору, автоматная очередь, перебежка, и снова: граната, очередь, перебежка... Из одной комнаты неожиданно раздался женский крик: «Амин! Амин!» Все стало ясно... Я доложил по радио руководству: «Главный — конец. Имеем потери. Что делать?» В ответ поступила команда: «Отходить!» С начала штурма прошло 45 минут»<sup>212</sup>.

«...Переворот в Афганистане, — с гордостью заявляет Ю. Дроздов, один из его организаторов, — был совершен по всем законам вооруженного захвата власти, разработанным В.И. Лениным. Об этом можно судить хотя бы по подбору объектов воздействия. Их список далеко не исчерпывается дворцом Амина, о котором в основном принято говорить. 27 декабря 1979 г. отряд «Зенит» действовал в составе девяти групп во главе с наиболее опытными боевыми офицерами: дворец

<sup>212</sup> Журнал «Ветеран границы», № 1—2. 1999. С. 18.



Амина — Я. Семенов, Царандой (полиция) — Ю. Мельник, Генштаб — В. Розин, КАМ (военная контрразведка) — Р. Шафигулин, тюрьма — Ф. Коробейников, телеграф — В. Овсянников, «колодец» — Б. Плешкунов, почта — А. Пунтус, телецентр — А. Рябинин»<sup>213</sup>.

**В тот же день, 27 декабря.** На заседании Политбюро ЦК КПСС утверждались проекты указаний советским послам и советскому представителю в ООН в связи с развитием обстановки в ДРА, а также проект официального сообщения ТАСС и проект «О пропагандистском обеспечении нашей акции в отношении Афганистана». Кроме того, отдельным пунктом утверждение текста приветственной телеграммы Председателю Революционного Совета, Генеральному секретарю ЦК Народно-демократической партии Афганистана, премьер-министру Демократической Республики Афганистан т. Кармалю Бабраку.

**В тот же день, 27 декабря.** Ю.В. Андропов звонит по телефону в Баграм и поздравляет Б. Кармаля с назначением на должность Председателя Ревсовета ДРА и началом второго этапа Апрельской революции.

После звонка Б. Кармаль дает распоряжение доставить его в Кабул.

**28 декабря.** В два часа ночи по кабульскому радио передается записанное на пленку «Обращение Б. Кармаля к народу Афганистана». В нем, в частности, говорится:

«Сегодня сломана машина пыток Амина и его приспешников, диких палачей, узурпаторов и убийц десятков тысяч наших соотечественников — отцов, матерей, сестер, братьев, сыновей дочерей, детей и стариков».

---

<sup>213</sup> Журнал «Ветеран границы», № 1—2. 1999. С. 20.

**В тот же день, 28 декабря.** В кабульских средствах массовой информации публикуется «Заявление правительства ДРА». В нем разъясняется, что «правительство ДРА, принимая во внимание продолжавшееся и расширяющееся вмешательство и провокации внешних врагов Афганистана, и с целью защиты Апрельской революции, территориальной целостности, национальной независимости... обратилось к СССР с настоятельной просьбой об оказании срочной политической, моральной, экономической помощи, включая военную... Правительство Советского Союза удовлетворило просьбу афганской стороны».

**В тот же день, 28 декабря.** Пленум ЦК НДПА единогласно избирает Б. Кармаля Генеральным секретарем ЦК НДПА.

**29 декабря.** Спецназовцы передают охрану дворца Тадж-Бек десантникам 40-й армии ВС СССР.

**30 декабря.** Из Центра поступает указание В.А. Кирпиченко и Ю.И. Дроздову вылететь из Кабула, в Москву для доклада руководству о проведенной операции.

**31 декабря. Из воспоминаний В.А. Кирпиченко:**

«Уже после окончания рабочего дня мы предстали перед Ю.В. Андроповым и отчитались за свою работу».

**Из воспоминаний Ю.И. Дроздова:**

«По возвращении из Кабула в Москву 31 декабря 1979 г. нас принял Ю.В. Андропов.

— Трудно было? — спросил он.

— Да, через 35 лет вспоминать молодость трудно...

— Понимаю. Пробовали разрубить узел иначе, а пришлось вот как...»<sup>214</sup>.

---

<sup>214</sup> Кирпиченко В.А. Разведка: лица и личности. М.: Гея, 1998. С. 358.

Предельно сжато вспоминают В.А. Кирпиченко и Ю.И. Дроздов о своем отчете у Председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова. Телеграфно скупо. Ни слова о провале операции по отравлению Х. Амина. Ни слова о подарке своему шефу — личной винтовке Х. Амина «Ремингтон» с комплектом снайперских прицелов. Ни слова о наградах — высокой оценке их ратного подвига.

В тот же день, 31 декабря. Политбюро ЦК КПСС принимает постановление «К событиям в Афганистане 27—28 декабря». Проект документа — записку в ЦК КПСС — готовили Ю. Андропов, А. Громыко, Д. Устинов и Б. Пономарев.

В постановлении давалась оценка действиям Х. Амина внутри страны и во внешней политике до «событий 27—28 декабря». Приводилась реакция на эти действия со стороны Советского Союза, а также «здоровых сил» в НДПА и армии ДРА, обосновывалось решение о вводе советских войск в Афганистан и, наконец, излагались программные заявления нового лидера НДПА и ДРА.

В документе подчеркивалось, что «широкие народные массы с нескрываемой радостью встретили сообщение о свержении Х. Амина и выражают свою готовность поддержать объявленную программу нового правительства»<sup>215</sup>.

\*\*\*

Афганцы и впрямь искренне радовались своему избавлению от Хафизуллы Амина. Для них он был исчадием ада, предателем, виновником всех бед и потрясений, постигших афганский народ с приходом к власти НДПА. У Н.Г. Егорычева на этот счет нет никаких сомнений.

«С НДПА, — убежден он, — многие афганцы связывали все самое плохое в своей жизни».

---

<sup>215</sup> См. приложение 9.

Не случайно афганские старики обращались к советским офицерам со словами: «Спасибо, **шурави!** Вы сделали большое дело — освободили нас от кровопийцы Хафизуллы Амина. Мы запомним это на века». И непременно добавляли: «А теперь уведите своих храбрых воинов назад, домой. Кончится праздник, если вы не уйдете. Мы начнем бороться против вас. Не хватит винтовок — мы возьмем палки, и так хоть тысячу лет».

Старая площадь не увела своих воинов назад, домой.

В ответ афганцы, как предупреждали мудрые старики, взяли за оружие. И начался десятилетний «афган».

\*\*\*

**Из воспоминаний генерал-полковника Ю.В. Тухаринова, первого командующего 40-й армией:**

«Первое время мы брали воду из тех же источников, что и местные жители, это позже стали бурить собственные скважины. Так вот, набирали наши солдаты воду, а рядом то же самое делали афганцы. Вдруг один из них из-под халата достал топор и неожиданно нанес **шурави** сокрушительный удар. Солдаты в упор расстреляли нападавшего афганца»<sup>216</sup>.

---

<sup>216</sup> См. *Ляховский А.А.* Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 354.

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ

### Шило в мешке не утаишь

Реконструкция событий 1979 г. позволяет не просто проследить от начала до конца весь процесс «вызревания» окончательного решения о вводе в Афганистан «Ограниченного контингента советских войск», но и понаблюдать за тем, как вела себя при этом Старая площадь, верховная, ни перед кем не подотчетная инстанция власти в Советском Союзе.

Решение о вводе войск, как свидетельствуют факты хроники, принималось не за один присест. Впервые эта тема обсуждалась на Старой площади 17 марта, сразу после подавления восстаний в Герате и Джелалабаде. И затем в режиме «сов. секретно» стала кочевать по повесткам дня различных заседаний и совещаний, проходивших одни — в узком составе, другие — в расширенном. Но что примечательно — ни разу никто и нигде не высказался «за». Все были «против» ввода войск.

Старая площадь устами своего генсека Л.И. Брежнева решительно говорила «против».

Советское правительство в лице его председателя А.Н. Косыгина убеждало всех, в том числе генсека НДПА Н.М. Тараки, что этого делать ни в коем случае нельзя.

Председатель КГБ Ю.В. Андропов на дух не воспринимал так называемую Апрельскую революцию 1978 г., рассматривая ее лишь как рядовую внутриафганскую междоусобицу, в которую советским войскам негоже ввязываться.

МИД СССР устами своего руководителя А.А. Громыко полностью солидаризировался с Ю.В. Андроповым.

Наконец, Генеральный штаб ВС СССР, во главе с маршалом Н.В. Огарковым, что называется, отбивался до последнего патрона «против».

Все «против», никто «за». А в итоге 27 декабря 1979 г. советские войска оказались на суверенной территории Афганистана. Как такое могло случиться?

Начало было неприметным. Сразу же после мятежей в Герате и Джелалабаде в Кабул были срочно направлены спецназовцы — двенадцать душ из элитного подразделения КГБ «Альфа», как им было объявлено, для «охраны советского посла и старших военных советников».

Как свидетельствует хроника 1979 г., именно так был запущен механизм скрытой инфильтрации советских воинских подразделений на территорию нашего южного соседа.

Возникла парадоксальная ситуация: когда в Москве на разных уровнях продолжали мусолить тему ввода войск в Афганистан, эти самые войска, правда, ограниченными группами и под благовидными предложениями, уже вводились туда.

...В июне в Кабул под видом «обслуживающего персонала советского посольства» прибыли два отряда КГБ: «Альфа» (она же «Гром») и «Зенит» — общей численностью 150 человек. И занялись они не «обслуживанием советского посольства», а работой по своему основному профилю — разведывательно-диверсионной деятельностью. Они принялись с соблюдением необходимых мер конспирации изучать вдоль и поперек инфраструктуру Кабула: где расположены государственные,

## Кому мы обязаны «афганом»?

правительственные и армейские здания, каковы подступы к ним, как они охраняются, как вывести из строя каналы связи, которыми они пользуются, и т.д. и т.п. И, конечно же, особое внимание уделялось афганским спецслужбам.

Не меньшая активность проявлялась и советской армией. И это тоже отражено в хронике 1979 г.

...В мае в Ташкенте из представителей среднеазиатских народов Советского Союза в условиях секретности формируется специальный батальон численностью пятьсот с лишним бойцов.

...В начале июля 368 офицеров и солдат воздушно-десантных войск, переодетых в афганскую униформу младшего авиационно-технического персонала, перебрасываются самолетами Ил-76 на авиабазу в Баграм. Это были первые советские десантники на афганской земле. Им предстояло обеспечить должный прием основных сил «Ограниченного контингента советских войск», когда те начнут вторгаться в Афганистан.

Кто же инициировал эту «двойную игру»? Кто руководил ею? Откуда поступали приказы о проведении тех или иных спецмероприятий?

Приказы, естественно, поступали из КГБ и Минобороны, руководители которых хотя и выступали «против», но обязаны были безукоснительно следовать духу и букве постановлений Старой площади. Выбора у них не было. В соответствии с так называемой «цэкистской дисциплиной», введенной еще в 1921 г. X съездом партии, оппозиционное меньшинство обязано голосовать за все проекты и предложения, которые исходят от большинства в две трети голосов. С тех пор все постановления ЦК КПСС принимались только «единогласно».

Инициатором и руководителем «двойной игры», несомненно, являлась Старая площадь. Именно она, что называется,

«заказывала музыку», а остальные были лишь исполнителями ее воли.

«Двойная игра» породила жесткое табу на обнародование в советских СМИ любой информации об Афганистане. Исключением были лишь краткие официальные сообщения, прошедшие цензуру.

«Двойная игра» безоговорочно «закрыла на замок» рты тем, кто так или иначе был причастен к афганской эпопее. Потому-то и весь Афганистан 1979 г. как бы выпал из советского календаря, стал для советской общественности территорией «terra инкогнита».

Режим строжайшей конспирации был введен и на самой Старой площади, включая ее высший эшелон.

Наглядным свидетельством тому может служить отмеченный в хронике 1979 г. факт загадочного поведения Д.Ф. Устинова, который 12 декабря созвал у себя, в Минобороны, узкое совещание по афганскому вопросу. В разгар совещания неожиданно отлучился по «очень важному делу». Затем возвратился и, опарашив ожидавших его сослуживцев словами «Поздно обсуждать», объявил об окончании совещания.

Эта загадка была разгадана лишь в начале девяностых годов, когда доктору исторических наук, профессору Ю. Ганковскому, знатоку Афганистана, удалось, как он выразился, «добраться» на Старой площади до сверхсекретной, особой папки с многоговорящей надписью: «О положении в Афганистане». В ней он обнаружил документ, датированный 12-м декабря, т.е. именно тем днем, когда Д.Ф. Устинов повел себя так неадекватно.

Профессор Ю. Ганковский опубликовал «добытый» документ. Причем сохранил его стиль и орфографию.

«О положении в Афганистане

Постановление ЦК КПСС № 176/125 ОП от 12 декабря 1979 г. (подлинник) представленный Ю.В. Андроповым.



## Кому мы обязаны «афганом»?

А.А. Громыко, Д.Ф. Устиновым (рукописный), № 997-ОП (1 лист)»

В папке, свидетельствует Ю. Ганковский, лежал «всего один лист бумаги, размером 21 x 28 сантиметров. Постановление написано рукой К.У. Черненко. В нем двадцать строк». И далее он приводит полный текст документа, сопровождая его краткими пояснениями:

«Постановление ЦК КПСС

К положению в «А»

1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные тт. Андроповым Ю.В., Устиновым Д.Ф., Громыко А.А.

Разрешить в ходе осуществления этих мероприятий им вносить коррективы непринципиального характера.

Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро.

Осуществление всех этих мероприятий возложить на тт. Андропова Ю.В., Устинова Д.Ф., Громыко А.А.

2. Поручить тт. Андропову Ю.В. Устинову Д.Ф., Громыко А.А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий. № 997-ОП (1 лист)

Секретарь ЦК Л.И. Брежнев

П 176/125 ОП от 12.XII.79».

В верхнем правом углу гриф:

«Сов. Секретно. Особая папка».

Ниже грифа рукой К.У. Черненко написано:

«Председательствовал тов. Л.И. Брежнев.

Присутствовали: Суслов М.А., Гришин В.В., Кириленко А.П., Пельше А.Я., Устинов Д.Ф., Черненко К.У., Андропов Ю.В., Громыко А.А., Тихонов Н.А. Пономарев Б.Н.».

Всего одиннадцать человек.

Поперек текста постановления — девять подписей членов Политбюро: «за — Андропов»; «за — Д. Устинов»;

«за — А. Громыко»; «за — А. Пельше»; «за — М. Суслов»; «за — Гришин»; «за — А. Кириленко»; «за — К. Черпенко»; «за — Н. Тихонов».

(Присутствовавший на заседании Б.Н. Пономарев был кандидатом в члены Политбюро и текст постановления не подписывал.)

Еще три члена Политбюро подписали постановление задним числом — 25 и 26 декабря 1979 г. Последним свою подпись (26 декабря 1979 г.) поставил В.В. Щербицкий<sup>217</sup>.

\*\*\*

Итак, из текста документа следовало, что 12 декабря 1979 г. состоялось секретное совещание по афганскому вопросу, на котором было принято «Постановление ЦК КПСС. К положению в «А». Председательствовал на совещании Л.И. Брежнев, а главными действующими лицами были Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов и А.А. Громыко. Они изложили свои «соображения и мероприятия».

Им же было поручено претворить в жизнь эти «соображения и мероприятия». Что это были за «соображения и мероприятия», в документе ни единого слова. Опять тайна за семью печатями, которая стала явью после того, как Старая площадь рухнула, словно карточный домик. Тогда-то ее бывшие обитатели разговорились.

Первым прорвало Б.Н. Пономарева, поспешившего заявить, что 12 декабря 1979 г. никакого заседания Политбюро, ни тем более пленума ЦК КПСС не проводилось. Была лишь кулуарная встреча в крайне узком составе.

«Громыко, — подчеркивал он, — впоследствии признал, что решение на ввод войск было принято кулуарно. Как обо-

---

<sup>217</sup> Подробнее см.: «Азия и Африка сегодня», № 5. 1994. С. 2—4.

шлись при этом без меня, руководившего международной деятельностью ЦК?

Ну, по части международных вопросов там был министр иностранных дел, которому Брежнев доверял всецело. Со мной никто по этому поводу не советовался. О принятом решении мне никто не сообщил, ни официально, ни полуофициально. Андропов там играл большую роль. Его люди нашли в Чехословакии Бабрака Кармаля, подготовили его на роль нового лидера. Брежнев очень доверял Андропову»<sup>218</sup>.

О кулуарной встрече охотно рассказал и М.В. Зимянин, в то время Секретарь ЦК КПСС:

«Была созвана четверка: Брежнев, Устинов, Андропов, Громыко (пятым участником был М. Суслов. — А.Ж.) при секретаре Черненко. Там было принято решение о вводе войск в Афганистан. Использовались материалы Юрия Владимировича Андропова. Как обсуждение проходило? Не могу сказать. Кроме протокола, который был написан от руки Черненко, ничего... Это впервые в истории Политбюро — решение не печаталось на машинке, а писалось от руки.

Было названо так — к вопросу об «А». В кавычках буква А. Там было четыре пункта, один из них — о вводе войск. Ну, там как формула — для осуществления интернациональной помощи, ограниченный контингент и так далее. Заверения Устинова были, что это временный ввод войск, максимум на три-четыре месяца, потом мы их выведем...

...Была записка Андропова, очень подробная, поскольку в Афганистане находилась группа Комитета госбезопасности во главе с Борисом Семеновичем Ивановым, специальным советником и консультантом Андропова. Его телеграмма была, так сказать, одним из первых звонков — нужны другие методы

---

<sup>218</sup> Гай Д., Снегирев В. Вторжение. СП «ИКПА», 1991. С. 217.

решения афганской проблемы. Ведь в его записке было сказано: если мы не поддержим сейчас Тараки с применением силы, то можем потерять Афганистан, то есть теория Бжезинского — создать «зеленое подбрюшье» под нашими среднеазиатскими республиками — воплотится в жизнь»<sup>219</sup>.

О том, что решение о вводе войск принималось келейно, признал даже В. Крючков. «Трудно в деталях воспроизвести ход обсуждения афганской проблемы в высших эшелонах власти Советского Союза и рассказать, как конкретно принималось решение о нашем военном вмешательстве, — пишет он в своих мемуарах. — Эти обсуждения носили закрытый характер и проходили в узком составе»<sup>220</sup>.

Не стал молчать и непосредственный участник кулуарной встречи А.А. Громыко, который, правда, настаивал на том, что «решение о вводе войск было принято коллективно, всем Политбюро, и я принимал в этом участие. Я и сейчас не считаю его ошибкой... Прежде всего мы опасались возникновения в Кабуле режима, враждебного СССР. Мы также считали своим долгом оказать помощь Народно-демократической партии Афганистана в защите завоеваний Апрельской революции. Руководители НДПА обращались к нам с просьбой о вводе войск пятнадцать раз».

Вот она, верность цэкистской дисциплине! И все же он не сдержался, нарушил ее.

«После того, как это решение было принято на Политбюро, я зашел в кабинет Брежнева и сказал:

---

<sup>219</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 217.

<sup>220</sup> Крючков В.А. Личное дело: Часть первая. М.: Олимп; АСТ, 1997. С. 199.

## Кому мы обязаны «афганом»?

— Не стоит ли решение о вводе наших войск оформить как-то по государственной линии?

Брежнев не стал отвечать сразу. Он взял телефонную трубку:

— Михаил Андреевич, не зайдешь ли ко мне? Есть потребность посоветоваться.

Появился Суслов...

Брежнев проинформировал его о нашем разговоре. От себя добавил:

— В сложившейся обстановке, видимо, нужно принимать решение срочно: либо игнорировать обращение Афганистана с просьбой о помощи, либо спасти народную власть и действовать в соответствии с советско-афганским договором.

Суслов сказал:

— У нас с Афганистаном имеется договор, и надо обязательства по нему выполнять быстро, раз уж мы так решили. А на ЦК обсудим позднее.

Состоявшийся затем в июне 1980 г. пленум ЦК КПСС полностью и единодушно одобрил решение Политбюро»<sup>221</sup>.

Относительно июньского пленума ЦК Андрей Андреевич Громыко лукавил.

Принятое «пятеркой» 12 декабря 1979 г. «Постановление ЦК КПСС к положению в «А» никогда и нигде не обсуждалось. О нем ни разу не было упомянуто ни в одном из документов Старой площади. Оно держалось в строжайшем секрете.

Не касались его и на июньском 1980 г. пленуме ЦК КПСС. Пленум обсуждал один-единственный вопрос «О международном положении и внешней политике Советского Союза». Выступившие на пленуме с пространными докладами Л.И. Брежнев и А.А. Громыко ни единым словом не обмолвились о кулуарной

<sup>221</sup> «Афганистан в нашей судьбе». Сборник. М.: АПН, 1989. С. 97.

встрече и принятом на ней решении. И в итоговом документе пленума говорилось лишь о том, что «Пленум ЦК полностью одобряет принятые меры по оказанию всесторонней помощи Афганистану в деле отражения вооруженных нападений и вмешательства извне, цель которых — задушить афганскую революцию и создать проимпериалистический плацдарм военной агрессии на южных границах СССР»<sup>222</sup>.

Как бы то ни было, а рассекреченные документы ЦК КПСС и признательные воспоминания бывших обитателей Старой площади не оставляют ни малейших сомнений в том, что решение о вводе советских войск в Афганистан было принято 12 декабря 1979 г. на секретном заседании специальной комиссии ПБ ЦК КПСС по Афганистану в составе: председателя комиссии А.А. Громыко и ее трех членов — Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова и Д.Ф. Устинова. Помимо членов комиссии в заседании с правом решающего голоса участвовал главный идеолог КПСС М.А. Суслов. Заседание проходило под председательством Генерального Секретаря партии Л.И. Брежнева. Решение о вводе войск было принято единогласно.

\*\*\*

Скрытая инфильтрация в Афганистан советских воинских подразделений не ускользала от внимания американцев.

Уже 9 мая 1979 г. шифртелеграммой за № 3626/1 и 2 временный поверенный в делах США в ДРА Б. Амстутц докладывал в госдеп:

«За последние несколько недель советское присутствие в Афганистане заметно усилилось, но оно еще не достигло

---

<sup>222</sup> Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 120. Д. 44.

## Кому мы обязаны «афганом»?

того преувеличенного уровня, о котором часто сообщается в прессе...

Наиболее важный вопрос заключается в следующем: можем ли мы ожидать, что советские боевые части примут участие в афганском конфликте? Мы можем только сказать, что такую возможность нельзя исключить... Халькисты в разговорах с иностранными дипломатами и журналистами говорят, что их «заверили» в том, что Советский Союз поможет справиться с «вмешательством»<sup>223</sup>.

А 17 декабря директор ЦРУ адмирал Стенсфилд Тернер, выступая на заседании Специального координационного комитета СНБ в Вашингтоне, приводил уже конкретные данные американской разведки и высказывался достаточно однозначно:

«С июля до последнего времени советские войска оставались на местах, но сейчас имеются свидетельства об их перемещениях. Севернее афганской границы были развернуты два новых командных пункта, наблюдается наращивание сил ВВС, а также сосредоточение до двух дивизий.

В настоящее время в Афганистане находится около 5300 человек военного персонала и около двух тысяч гражданских специалистов... ЦРУ рассматривает такое положение... как последовательное и планомерное наращивание сил, связанное, вероятно, с тем, что СССР видит ухудшение ситуации... Мы считаем, что Советы приняли политическое решение сохранить у власти... режим и, если это необходимо, применить военную силу.

Видимо, они придают этому большее значение, чем успешному завершению переговоров по ОСВ, либо считают, что эти

---

<sup>223</sup> Специальный бюллетень ИВАН СССР, № 5. М.: Наука, 1986. С. 33—37.

события к ОСВ не относятся. Они готовы сбросить Амина, но еще не нашли ему подходящей замены»<sup>224</sup>.

### «Так все-таки зачем мы влезли в Афганистан?»

В хронике 1979 г. на этот вопрос нет четкого, вразумительного ответа. Да и быть не могло. Свои истинные цели в Афганистане, так сказать, подошлеку «афгана» Старая площадь скрывала, как только могла. Даже «пятерка», принимая 12 декабря 1979 г. решение о вводе войск, не осмелилась дать этому историческому акту однозначное объяснение, честно сказать, хотя бы друг другу, во имя чего советская армия вторгается на территорию дружественного нам государства.

Л.И. Брежнев и главный идеолог партии М. Сулов не придумали ничего лучше, как заявить, что войска вводятся ради спасения народной власти. Им и в голову не пришло, насколько смехотворна эта версия. Как можно спасти народную власть, если сам народ люто ненавидит ее и жаждет поскорее свергнуть?! Об этом, кстати, просигналили из Кабула генералы В.И. Варенников и С.Ф. Ахромеев, которым как раз и было поручено спасти народную власть.

«Поймите, — зывали они к Старой площади, — ведь советская армия воюет с народом, и никакой победы в Афганистане быть не может»<sup>225</sup>.

Ю. Андропов и А. Громыко изложили на кулуарной встрече иное видение причин, обусловивших ввод наших войск в Афганистан. Если сейчас не влезть в Афганистан, убеждали

---

<sup>224</sup> Архив национальной безопасности США. Гельман Либрери, 2130-х-стрит НУИ. Сайт 701. Вашингтон. Д. К. 20037.

<sup>225</sup> *Кирпиченко В.А.* Разведка: лица и личности. М.: Гея, 1998. С. 349.



## Кому мы обязаны «афганом»?

---

они своих коллег, «не поддержать кабульский режим с применением силы», то можно потерять его, и тогда американцы создадут «зеленое подбрюшье» под нашими среднеазиатскими республиками и будут угрожать территориальной целостности Советского Союза.

И эта версия выглядит неубедительной и даже надуманной. Ведь в течение долгих-долгих лет афганский нейтралитет надежно защищал территориальную целостность Советского Союза, не позволяя никому возводить на афганской земле «зеленое» или какое-нибудь другое «подбрюшье». Так что «страшилки», озвученные Ю. Андроповым и поддержанные А. Громыко, выглядели попыткой выдать желаемое за действительное. А подняли они руки «за» только потому, что прекрасно понимали, что голосование будет «заданным», предрешенным. Не случайно на принятом «пятеркой» рукописном постановлении появились, неизвестно как, подписи членов Политбюро, которые не присутствовали на кулуарной встрече, но покорно подписавшись «за», обеспечили генсеку и главному идеологу необходимые две трети голосов.

Что касается пятого участника кулуарной встречи Д. Устинова, он особо не напрягал себя, будучи уверенным в том, что через три-четыре месяца советские войска, успешно решив поставленные им задачи в Афганистане, под фанфары вернутся на родину.

Как заметил академик Е. Чазов, главный врачеватель партийных иерархов: «Единственной ошибкой Устинова, которую он, как мне кажется, до конца не осознал, была афганская война. Плохой политик и дипломат, он как представитель старой сталинской «гвардии», считал, что все вопросы можно решить с позиции силы. Если я видел, как метался в связи с афганской войной Андропов, понявший, в конце концов, свою ошибку, то

Устинов всегда оставался невозмутимым и, видимо, убежденным в своей правоте»<sup>226</sup>.

Стремление Старой площади понадежнее «спрятать» от всех и вся подоплеку своей политики в отношении южного соседа превалировало во всем, что затрагивало афганскую тему. Это отчетливо просматривалось как в совсекретных указаниях Политбюро ЦК КПСС, так и в официальных контактах с внешним миром, в том числе на высшем уровне.

«Совершенно секретно

Особая папка

Выписка из протокола № 177 заседания Политбюро ЦК КПСС от 27 декабря 1979 г.

При освещении в нашей пропагандистской работе — в печати, по телевидению, по радио — предпринятой Советским Союзом по просьбе руководства Демократической Республики Афганистан акции помощи в отношении внешней агрессии руководствоваться следующим.

...2. В качестве главного тезиса выделять, что осуществленное по просьбе афганского руководства направление в Афганистан ограниченных советских воинских контингентов служит одной цели — оказанию народу и правительству Афганистана помощи и содействия в борьбе против внешней агрессии. Никаких других целей эта советская акция не преследует.

3. Подчеркивать, что в результате актов внешней агрессии, нарастающего вмешательства извне во внутренние афганские дела возникла угроза для завоеваний Апрельской революции, для суверенитета и независимости нового Афганистана.

...5. При освещении изменений в руководстве Афганистана подчеркивать, что это является внутренним делом афганского

---

<sup>226</sup> Чазов Е. Здоровье и власть. М., Новости, 1992. С. 205, 307, 308.

народа, исходить из заявлений, опубликованных Революционным советом Афганистана, из выступлений председателя Революционного совета Афганистана Кармаля Бабрака.

6. Давать твердый и аргументированный отпор любым возможным инсинуациям насчет имеющегося якобы советского вмешательства во внутренние афганские дела... Задача Советского Союза в связи с событиями в Афганистане и вокруг него сводится к оказанию помощи и содействия в ограждении суверенитета и независимости дружественного Афганистана перед лицом внешней агрессии.

Как только эта агрессия прекратится, угроза суверенитету и независимости афганского государства отпадет, советские воинские контингенты будут незамедлительно и полностью выведены с территории Афганистана»<sup>227</sup>.

...29 декабря 1979 г. президент США Д. Картер направил по прямой связи послание Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу по поводу ситуации в Афганистане.

В послании, в частности, подчеркивалось:

«Ввод советских войск в Афганистан — очевидная угроза миру и может ознаменовать фундаментальные и длительные перемены в наших отношениях»<sup>228</sup>.

В тот же день, также по прямой связи, было передано в Вашингтон ответное послание Л.И. Брежнева, выдержки из которого приводятся ниже:

«Совершенно секретно

Уважаемый господин Президент!

В ответ на Ваше послание от 29 декабря считаю необходимым сообщить следующее. Никак нельзя согласиться с Вашей

---

<sup>227</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 307—308.

<sup>228</sup> Там же. С. 319.

оценкой того, что сейчас происходит в Демократической Республике Афганистан.

...Странно выглядит предпринятая в Вашем послании попытка поставить под сомнение сам факт просьбы правительства Афганистана о посылке наших войск в эту страну.

...Правительство Афганистана на протяжении почти двух лет неоднократно обращалось к нам с такой просьбой. Кстати сказать, одна из таких просьб была направлена нам 26 декабря с.г.

...Хочу еще раз подчеркнуть, что направление ограниченных советских контингентов в Афганистан служит одной цели — оказание помощи и содействия в отражении актов внешней агрессии, которое имеет место длительное время и сейчас приняло еще более широкие масштабы.

...Разумеется, нет никаких оснований для Вашего утверждения о том, будто наши действия в Афганистане представляют угрозу миру.

...Я повторяю снова, что, как только отпадут причины, вызвавшие просьбу Афганистана к Советскому Союзу, мы намерены полностью вывести советские воинские контингенты с территории Афганистана.

...По нашему убеждению, то, как складываются отношения между СССР и США, — это дело взаимное. Мы считаем, что они не должны подвергаться колебаниям под воздействием каких-то привходящих факторов или событий.

29 декабря 1979 г.

Л. Брежнев»<sup>229</sup>.

Выше уже говорилось о том, что еще задолго до ввода советских войск текущая жизнь нашего южного соседа не освещалась,

---

<sup>229</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 319—321.

не анализировалась и не комментировалась в отечественных СМИ. Советские люди довольствовались лишь скудными официальными сообщениями ТАСС, отфильтрованными цензурой. Иногда, правда, делались намеки на «важные стратегические интересы Советского Союза». Но, как замечает в своих мемуарах В. Кирпиченко, «в чем они заключались, как правило, не объяснялось». И далее продолжает: «Вообще словосочетание «важные стратегические интересы» всегда было покрыто тайной. Раз «стратегические», значит, это не всем дано понять и не всем положено знать и нечего лезть с вопросами»<sup>230</sup>.

И никто не лез. Никто не возмущался. Никто не протестовал. Наоборот, все, в той или иной мере, соглашались с вводом войск, одобряли его.

«Многие, в том числе и я, — признается доктор исторических наук, профессор Г. Мирский, — предполагали, что против советских войск моджахеддинам не устоять, что какое-то время они еще смогут продержаться, но потом их разгромят. И кабульское правительство, хотя оно и потеряет часть своего авторитета, поскольку пригласило иностранные войска для своего спасения, все же удержится.

После этого пройдет какое-то время, подрастет новое поколение, все забудется, и Афганистан будет идти в общем-то тем курсом, который начертан Апрельской революцией. То есть «история нас оправдает»<sup>231</sup>.

А вот как вспоминает об этом академик Е. Примаков. «Нужно сказать, — пишет он в своей книге «Годы в большой политике», — что журналисты, ученые (к их числу принадлежал и

---

<sup>230</sup> Кирпиченко В.А. Разведка: лица и личности. М.: Гя, 1998. С. 363.

<sup>231</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 336.

автор этих строк), поставленные перед фактом ввода войск, не выступали публично против этого. Руководствовались главным образом устоявшейся привычкой безоговорочно поддерживать все принятые наверху решения. Сказывался и привычный для того времени образ мышления, сформировавшийся в условиях жесткой конфронтации с Соединенными Штатами, с осложнением отношений с Китаем.

Это все было характерно для реакции на ввод войск. И я не знаю исключений, несмотря на ретроспективные «пассажи» некоторых авторов, утверждавших, что с самого начала боролись против направления наших ребят в Афганистан. Такую борьбу — это нужно признать — вели те, кто порвал с советской системой, а не те, кто ощущал себя ее частью»<sup>232</sup>.

Совершенно по-иному смотрело на афганские события международное сообщество и, в частности, американцы.

У Вашингтона было достаточно четкое представление о том, чего добивается и чего опасается Москва в Афганистане.

Так, еще в августе 1979 г., то есть практически за полгода до ввода войск, временный поверенный в делах США в Кабуле Б. Амстутц телеграфировал в госдепартамент:

«Падение радикального левого режима, поддерживаемого Советами, могло бы иметь положительные последствия для США во всем «третьем мире», поскольку оно показало бы, что утверждения наших противников о «неизбежности» развития истории в определенном направлении не является обязательным»<sup>233</sup>.

---

<sup>232</sup> *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. М.: Совершенно секретно, 1999. С. 50—51.

<sup>233</sup> Специальный бюллетень ИВАН СССР, № 5. М.: Наука, 1986. С. 99—105.

Аналогичной точки зрения придерживался и сам госдепартамент. В одном из августовских документов госдепа прямо утверждалось: «Свержение ДРА покажет остальному миру, особенно «третьему миру», что советское представление о социалистическом пути истории как неизбежном неверно»<sup>234</sup>.

А в январе 1980 г. ЦРУ дало однозначное объяснение вторжению советских войск в Афганистан: «Ключевой побудительной причиной, толкнувшей Москву на этот шаг, было то, чтобы сделать свои долговременные цели более близкими к достижению»<sup>235</sup>.

\*\*\*

«Некоторые соображения о внешнеполитических итогах семидесятых годов (тезисы)».

Так была озаглавлена аналитическая записка, подготовленная коллективом ученых-аналитиков Института экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР. За подписью директора института академика О. Богомолова и с грифом «секретно» она была направлена 20 января 1980 г. на Старую площадь и в КГБ СССР.

В «записке» рассматривались две диаметрально противоположные линии, присутствовавшие в советской внешней политике послевоенного периода. Обе достаточно убедительно проявили себя в семидесятые годы, вследствие чего и был обозначен для анализа этот временной отрезок. Первая линия — это, выражаясь словами Ллойд Джорджа, «движение на путях мирового развития», на которых Советский Союз «станет одним из величайших факторов, определяющих судьбы народных масс во всех странах».

---

<sup>234</sup> Department of State cable 06251. August. 1979.

<sup>235</sup> *Ляховский А.А.* Трагедия и гордость Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 336.

«Если посмотреть под этим углом зрения на наши достижения во внешней сфере в минувшее десятилетие, — говорится в «записке», — то, несомненно, можно констатировать крупные успехи внешнеполитической деятельности советского государства»<sup>236</sup>.

И далее: «Главными итогами этой деятельности являются обеспечение мирных условий развития Советского Союза и других стран социалистического содружества и поворот к разрядке напряженности в отношениях с капиталистическими государствами, достижение первых успехов в ограничении гонки вооружений»<sup>237</sup>.

Вторая линия в советской внешней политике обозначилась в какой-то мере спонтанно, в обстановке крушения мировой колониальной системы и появления на политической карте мира более семидесяти новых независимых государств, которым предстояло выбрать путь своего дальнейшего развития. Многие из них тяготели к социализму. В этих обстоятельствах Старая площадь вспомнила о канувшем в Лету Коминтерне, штабе мировой пролетарской революции, и соблазнилась примерить на себя эту роль, решила, что ей под силу сделать то, что не удалось предшественнику. «Мы похороним вас!» — эти слова Н. Хрущева, адресованные лидерам капиталистического мира, прозвучали сигналом к глобальному противоборству двух сверхдержав, к принудительному насаждению в «третьей мире» советской модели социализма.

Обо всем этом достаточно подробно рассказывалось выше. Краткое напоминание же потребовалось лишь потому, что семидесятые годы выявили непригодность попыток Старой площади

---

<sup>236</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 337—338.

<sup>237</sup> Там же. С. 338.



стать вторым, более удачливым Коминтерном. Это как раз и доводили до сведения Старой площади авторы «записки».

«Эскалация противоборства между СССР и западными державами, а также Китаем в «третьем мире», — рапортовали они, — поставила к концу семидесятых годов под угрозу важнейшие завоевания политики разрядки. На дальнейшее наращивание нашего военно-политического наступления в «третьем мире» Запад будет отвечать все большим сползанием в «холодную» или «полугорячую» войну и резким усилением давления на Советский Союз по всем линиям — политической, экономической, военно-стратегической и пропагандистско-психологической»<sup>238</sup>.

Последним, предгрозовым звонком об этом стало, по убеждению авторов «записки», советское вторжение в Афганистан.

«Введением войск в Афганистан наша политика, очевидно, перешла допустимые границы конфронтации в «третьем мире», — пишут они. — Выгоды от этой акции оказались незначительными по сравнению с ущербом, который был нанесен нашим интересам:

1. Для нас возник третий опасный очаг военно-политической напряженности на южном фланге СССР, в невыгодных географических и социально-политических условиях, где нам придется иметь дело с объединенными ресурсами США и других стран НАТО, Китая, мусульманских государств и повстанческой армии феодально-клерикальных кругов, обладающих сильнейшим влиянием на афганский народ. Впервые после Второй мировой войны мы оказались перед возможной перспективой локального конфликта, в котором, в отличие

---

<sup>238</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 339.

от корейского, вьетнамского и других, нам придется воевать собственными войсками...

2. Произошли значительное расширение и консолидация антисоветского фронта государств, опоясывающего СССР с запада до востока.

3. Значительно пострадало влияние СССР на движение неприсоединения, особенно на мусульманский мир.

4. Заблокирована разрядка и ликвидированы политические предпосылки для ограничения гонки вооружений.

5. Резко возрос экономический и технологический нажим на Советский Союз...

9. Усилилось недоверие к советской политике и дистанцирование от нее со стороны СФРЮ, Румынии и КНДР. Даже в печати Венгрии и Польши впервые открыто обнаружилось признаки сдержанности в связи с акциями Советского Союза в Афганистане.

10. Усилилась дифференцированная политика западных держав, перешедших к новой тактике активного вторжения в сферу отношений между Советским Союзом и другими социалистическими странами и открытой игре на противоречиях и несовпадении интересов между ними.

11. На Советский Союз легло бремя экономической помощи Афганистану»<sup>239</sup>.

Авторы «записки» не ограничивались одной лишь критикой, но и предлагали, на их взгляд, оптимальные меры по выходу из кризисного положения.

---

<sup>239</sup> По словам Н.Г. Егорычева, «помощь Афганистану нам стоила ежегодно 10 млрд инвалютных рублей. В долларах это еще больше — 15—16 млрд». См. еженедельник «Власть», № 46. 25 ноября — 1 декабря 2002.

«Постепенному возвращению к политике разрядки, — пишут они, — могло бы способствовать свертывание нашей военной активности в «третьем мире»... Принятие подобного курса предполагает значительное расширение экономических, научно-технических и культурных отношений с развивающимися странами, т.е. перенос центра тяжести на использование мирных средств повышения влияния социализма в «третьем мире» и поддержки молодых развивающихся стран»<sup>240</sup>.

Но при этом авторы «записки» вновь подчеркивают, что «в усложнившейся ситуации дальнейшее развитие процесса разрядки представляется маловероятным без разрешения афганского вопроса на компромиссной основе»<sup>241</sup>.

И далее:

«Сейчас особое значение приобретает фактор времени. До весенней распутицы в Афганистане мы еще располагаем свободой политического маневра. С началом лета и активных действий афганских повстанцев, если наши войска будут втянуты в серьезные бои, такая возможность исчезнет»<sup>242</sup>.

Несомненно, что главная, хоть и завуалированная, мишень авторов «записки» — партийный догматизм Старой площади, ее железобетонная страсть навязать народам мира и, в первую очередь, народам «третьего мира» коммунистическую идеологию в ее советском варианте как единственно правильный вектор политического, социально-экономического и культурного развития, как некую религию для всех времен и народов, не подлежащую ни малейшей адаптации.

---

<sup>240</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 339.

<sup>241</sup> Там же.

<sup>242</sup> Там же.

Красной нитью через всю записку проходит желание се авторов максимально приблизить Старую площадь к реальному пониманию действительной, а не догматически книжной обстановки в мире, в корне отличающейся от времен Октябрьской революции.

**Из мемуаров директора Института экономики мировой социалистической системы академика О. Богомолова:**

«Мы прореагировали на ввод советских войск в Афганистан довольно быстро, хотя, собственно, эти события подтолкнули нас представить свои соображения в Центральный Комитет партии скорее, чем мы намеревались это сделать. Мы сразу же выступили против этой акции советского руководства, считая ее абсолютно неперспективной и даже губительной для нашей страны, причем мы исходили не из каких-то соображений военно-тактического характера и даже не из анализа расстановки политических сил в Афганистане. Мы руководствовались более общими концептуальными соображениями. Дело в том, что в «холодной» войне и в той напряженности, которые существовали в ту пору, во многом, по нашему мнению, был повинен Советский Союз с его политикой мессианства, то есть насаждения социалистической модели развития в странах третьего мира. Мы даже называли эти страны странами социалистической ориентации, это Ангола, Мозамбик, Никарагуа, Эфиопия... И естественно, такая мессианская линия расширения сферы влияния и сферы социалистических порядков вызывала резкое недовольство и сопротивление со стороны Запада. Это, по существу, была политика известного передела сфер влияния, она подогревала «холодную» войну, что влекло за собой гонку вооружений, а она была губительной для Советского Союза. Вторжение в Афганистан могло довести эту конфронтацию до крайней

## Кому мы обязаны «афганом»?

степени напряжения, что еще более бы ослабило наши возможности, поскольку нам противостоял весь западный мир. Противодействие этому советскому экспансионизму и, более того, вторжению в Афганистан спланивало и арабские страны в противостоянии этой экспансии, то есть мы оказывались один на один со всем миром, что было абсолютно бесперспективно...

Наш доклад был направлен секретарям Центрального Комитета партии, это было сделано в ту пору под грифом «секретно», тогда мы не могли высказаться публично в газетах, тем не менее, это было довольно ответственно для нас, и мы ждали реакции, но никакой реакции не последовало»<sup>243</sup>.

Академик О. Богомолов и его единомышленники, действительно, не дождались от Старой площади той реакции, на которую они, видимо, надеялись. Но была другая реакция. По указанию разгневанного главного идеолога партии М. Суслова Старая площадь оборвала все контакты с Институтом экономики мировой социалистической системы АН СССР, а академика О. Богомолова и его единомышленников — предала анафеме.

...Через неделю, 27 января 1980 г., Ю.В. Андропов тайно вылетел из Москвы в Кабул. Следует ли это рассматривать как своеобразную реакцию на «записку», с которой он, надо полагать, ознакомился? Однозначного ответа на этот вопрос, к сожалению, нет.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что, расположившись на территории совпосольства, Председатель КГБ провел с глазу на глаз обстоятельные беседы практически со всеми руководителями ДРА, включая Бабрака Кармалю.

---

<sup>243</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 340—341.

**Из воспоминаний командира подгруппы «Гром» С. Голлова:**

«После проведения 27 декабря операции в Кабуле ребята наши улетели в Москву, а мы с Н. Швачко остались. Нам сказали, что принято решение оставить нас в Афганистане на три года. В конце января — начале февраля 1980 г. в Кабул инкогнито прилетал Ю.В. Андропов. Нас, тогда уже выздоравливающих, привлекли для его охраны. Мы стояли на посту непосредственно у дверей кабинета, где он работал. За это меня и Швачко от имени посла Табесва наградили часами...

По возвращении (в Москву. — А.Ж.) доложили начальнику 7-го управления генералу А.Д. Бесчастному о выполнении задания. Он сказал: то, что наградили часами, — хорошо, спасибо за службу, но об этом никому не надо говорить... Было приказано все забыть и молчать»<sup>244</sup>.

...О результатах своей тайной поездки в Кабул Ю.В. Андропов отчитался 7 февраля 1980 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС. Он признал тщетность усилий афганского руководства по наведению порядка в стране. Внутриполитическую ситуацию оценил как крайне напряженную. В этом контексте обозначил проблему вывода войск из Афганистана, воздержавшись от каких-либо конкретных предложений на этот счет. После его сообщения состоялось обсуждение афганского вопроса.

Ниже приводятся выдержки из протокола этого заседания.

«Совершенно секретно

Экз. единственный

(Рабочая запись)

Заседание Политбюро ЦК КПСС

7 февраля 1980 г.

---

<sup>244</sup> Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 356.

Председательствовал тов. Брежнев Л.И.

Присутствовали т.т. Андропов Ю.В., Гришин В.В., Громыко А.А., Кириленко А.П., Суслов М.А., Тихонов Н.А., Устинов Д.Ф., Горбачев М.С., Демичев П.Н., Кузнецов В.В., Пономарев Б.Н., Капитонов И.В., Долгих В.И., Зимянин М.В., Русаков К.В.

**Устинов:** Очень обстоятельное сообщение сделал Юрий Владимирович о поездке в Афганистан. Но я хочу сказать, что нам надо очень осторожно говорить относительно вывода войск из Афганистана. Я думаю, понадобится год, а то и полтора, пока стабилизируется обстановка в Афганистане, а до этого мы не можем и думать о выводе войск, иначе можем нажать много неприятностей.

**Брежнев:** Я думаю, что нам нужно даже несколько увеличить контингент войск в Афганистане.

**Громыко:** Мне представляется, что нам нужно немножко заглянуть вперед. Через какое-то время, безусловно, войска будут выведены из Афганистана, поскольку они сейчас введены по просьбе афганского руководства и в соответствии с договором. Допустим, прекратится враждебная пропаганда со стороны Китая, Пакистана и т.д.

Можем ли мы в таком случае говорить о полном выводе войск, не делая ничего взамен? Мне кажется, нам следовало бы подумать о том, какие договорные обязательства установить между сторонами после того, когда случится такое, что можно будет вывести войска. У нас не будет полной гарантии, я думаю, что никакие враждебные силы больше не нападут на Афганистан. Поэтому нам надо обеспечить полную безопасность Афганистана»<sup>245</sup>.

---

<sup>245</sup> Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 82. Д. 148.

Результаты обсуждения: все, о чем говорил Ю.В. Андропов, ушло в песок, не поколебав внутреннего настроения Старой площади на монопольное право руководить мировыми процессами, исходя лишь из собственных, густо замешанных на догматизме, представлений о роли и месте в них «второй Монголии», равно как и первой, а также всех других стран мира.

Аргументы для своего руководства виделись ей в силе политической, военной и экономической; метод применения силы: устрашение, диктат; способ реализации: выход на позиции военно-стратегического, геополитического превосходства над противником.

Догмы командовали здравым смыслом.

19 февраля 1980 г. Совет Министров СССР принял Постановление № 152—45 о финансовом обеспечении дислоцированного в Демократической Республике Афганистан «Ограниченного контингента советских войск», о выплате личному составу денежного вознаграждения и различных надбавок, а также положенных льгот. Это означало, что подразделениям советской армии в Афганистане предписывается надолго и всерьез обживать на земле дружественного соседа.



## **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

### **М.А. Некрасов: «Бывали хуже времена, но не было подлей...»**

13 июля 1981 г. состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС. Верховодил на нем М.А. Суслов, по настоянию которого оно и было созвано.

Ниже приводятся выдержки из протокола этого неординарного заседания:

«Совершенно секретно

Особая папка

(рабочая запись)

Заседание Политбюро ЦК КПСС 13 июля 1981 г.

... Суслов: Хотелось бы посоветоваться. Товарищ Тихонов представил записку в ЦК КПСС относительно увековечения памяти воинов, погибших в Афганистане. Причем предлагается выделять каждой семье по тысяче рублей для установления надгробий на могилах. Дело, конечно, не в деньгах, а в том, что если сейчас мы будем увековечивать память, будем об этом писать на надгробиях, а на некоторых кладбищах таких могил будет несколько, то с политической точки зрения это не совсем правильно.

**Андропов:** Конечно, хоронить воинов нужно с почестями, но увековечивать их память пока еще рановато.

**Кирилленко:** Нецелесообразно устанавливать сейчас надгробные плиты.

**Тихонов:** Вообще, конечно, хоронить нужно, другое дело, следует ли делать надписи.

**Суслов:** Следовало бы подумать и об ответах родителям, дети которых погибли в Афганистане. Здесь не должно быть вольностей. Ответы должны быть лаконичными и более стандартными»<sup>246</sup>.

\*\*\*

История человечества — это еще и история войн. Для одних — революционных и освободительных, для других — захватнических и грабительских. Но жизнь распорядилась так, что павшим в бою воинам как с одной стороны, так и с другой никогда не отказывали в праве быть по-людски, достойно похороненными с воинскими почестями и благочестивыми надписями на надгробиях. Ведь воин — всегда воин. Он всего лишь выполняет приказ, будучи повязан присягой и клятвой верности Родине. И не он в ответе за войну, а те, кто ее развязал, кто рулил страной и армией.

«...И я, и другие офицеры-оперработники, став бойцами отряда специального назначения «Зенит», прекрасно понимали свою роль, — свидетельствует В. Курилов. — Мы тогда были просто солдатами. Мы осознавали, что к нам будет поступать только та информация, и в том объеме, который необходим для выполнения конкретного задания, приказа. Каким бы фантастическим или абсурдным этот приказ ни казался, мы были готовы выполнить его точно и в срок!

<sup>246</sup> Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 82. Д. 148

...В те времена мы были простодушны и доверчивы. Мы полагали, что нашей могучей державой руководят мудрые и толковые головы, которые, на основе единственно правильной и верной марксистско-ленинской теории, все просчитывают и учитывают. Мы верили, что временные трудности и перебои с продовольствием рано или поздно пройдут, рассосутся как-нибудь; что впереди у нас — светлое, блистательное и спокойное для всего нашего народа будущее, которое обязательно, в конце концов, наступит и все остальное человечество. Только вот несколько раздражал престарелый верный ленинец Леонид Ильич, который лез на глаза во всех газетах, по телевизору, по радио и неутомимо награждал себя все новыми и новыми наградами.

Все это было чудно: и смех и грех! А вообще-то это воспринималось, как невинное чудачество старого, постепенно выживавшего из ума человека, за спиной которого, однако, стоят мудрые и верные, не дремлющие и не знающие сомнений. Уж они-то маху не дадут, они-то твердо знают, куда и зачем нам всем надо идти!

...И мы были готовы во имя великих целей и светлых идеалов не жалеть ни себя, ни... других.

...Кабул лета 1979 г. даже и не подозревал, что по его улицам уже едут те, кому всего через несколько месяцев будет суждено первыми вступить в ту бестолковую, наверное, никому ненужную (а может быть, и нужную — черт их разберет!) войну. Эта война с нашим участием продлится десять долгих лет, исковеркает жизни не одному поколению людей.

...Эта война повлечет за собой столько трагических последствий, что и подумать страшно.

...Не мы тому виной. Мы были пешки, которые по прихоти парящего на недостигаемой высоте хозяина были запущены в игру. Мы выполняли приказ».

\*\*\*

«...Утром 28 декабря прозвучали последние выстрелы операции по ликвидации аминского режима, в ходе которой спецназ, впервые появившийся в Афганистане, сказал свое веское и решительное слово, — вспоминает офицер «мусульманского батальона» А.Б. Безымянный. — Никто из батальона не подозревал, что отгремевший ночной бой был лишь дебютом, после которого предстоит участие в сотнях операций, еще более кровопролитных, чем та, и что последний солдат спецназа покинет афганскую землю лишь в феврале восемьдесят девятого года.

...В ту ночь произошел не просто очередной государственный переворот в Кабуле, при котором власть из рук «халькистов» перешла к «парчамистам», поддержанным советской стороной, а было положено начало резкой активизации гражданской войны в Афганистане, была открыта трагическая страница как в афганской истории, так и в истории Советского Союза. Солдаты и офицеры — участники декабрьских событий искренне верили в справедливость своей миссии, в то, что они помогают избавиться афганскому народу от тирании Х. Амина и, выполнив свой интернациональный долг, вернуться к себе домой. Они не были политологами и историками, учеными и социологами, которые должны были бы предсказать дальнейший ход событий и дать им оценку. Они были солдатами, выполнявшими приказ»<sup>247</sup>.

\*\*\*

...То, что творилось 13 июля 1981 г. на Политбюро ЦК КПСС, не назовешь иначе, как кощунство, как глумление над памятью павших в Афганистане советских воинов и издевательство над их семьями, родителями и близкими. И все по-

---

<sup>247</sup> Дроздов Ю., Курилов В. Операция «Шторм-333». Альманах «Вымпел». № 3. 1999. С. 52.

тому, что главный идеолог партии опасался, как бы надгробные надписи и тексты похоронок семьям погибших не высветили истинных целей вторжения советских войск в Афганистан, тщательно скрывавшихся от народа.

\*\*\*

**Михаил Андреевич Сулов** — несомненно одна из знаковых фигур послесталинского периода нашей истории. Правда, в отличие от других фигура замкнутая, ничем не приметная, не компанейская, старавшаяся держаться в сторонке. Никто не мог похвастаться тем, что видел Сулова улыбающимся, рассказывавшим какую-нибудь забавную историю или остроумный анекдот. Даже в родном Политбюро, как отмечает в своих мемуарах В. Крючков, он «стоял особняком и ни с кем не был тесно связан ни личными, ни деловыми отношениями».

Главный идеолог партии не мелькал на телеэкранах, не афишировал себя с трибун партийных, профсоюзных, комсомольских и прочих судьбоносных форумов. Он слыл отшельником. А его кельей считался рабочий кабинет на Старой площади. Там на столе всегда лежал раскрытый томик К. Маркса или Ф. Энгельса, а чаще всего — Ильича, вождя мирового пролетариата. Рядом с томиком непременно был остро отточенный карандаш и листки бумаги для закладок или заметок. Время от времени томики менялись, но всегда были раскрытыми, а рядом — карандаш и бумага.

Основными заповедями для хозяина кабинета были вырванные из контекста «на потребу» своим личным интересам цитаты отцов-основателей научного коммунизма, такие как:

«...сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех

господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев»<sup>248</sup>.

«...сократить, упростить и концентрировать кровожадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества может только одно средство — революционный терроризм»<sup>249</sup>.

Подобные сентенции классиков марксизма-ленинизма воспринимались главным идеологом как оселок, на котором подлежало проверке все происходившее в партии, в стране и за ее пределами.

Как заметил польский философ Адам Шафф, для М. Суслова было «не так важно, что люди мыслят, а важно то, что они должны мыслить»<sup>250</sup>.

И еще: «Только партия пролетариата знает, что люди должны мыслить, только она знает истины марксизма»<sup>251</sup>.

Главный идеолог был уверен, что время не властно над марксистско-ленинскими догмами. Он, выражаясь словами писателя С. Залыгина, «не замечал, как наша практика опровергала наши же теории»<sup>252</sup>.

К тому же у Суслова нашлись единомышленники и в партии, и в среде ученых, которые талдычили то же самое.

«Стараниями многих теоретиков партии марксизм, научный характер которого бесспорен, — утверждает в своих мемуарах академик Е. Примаков, — был превращен в своеобразную религию,

<sup>248</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 6. С. 261.

<sup>249</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. С. 422.

<sup>250</sup> Ципко А. Хороши ли наши принципы? «Новый мир», № 4. 1990. С. 181.

<sup>251</sup> Там же.

<sup>252</sup> Там же.

заявлен как единственно правильное научное направление — все другие относились к «ереси». Утверждалось, что он универсален, сохраняя без всякой адаптации к меняющейся действительности правоту всех своих выводов, — попытки оспорить провозглашались отступничеством. Наконец, «классики» марксизма обожествлялись, превращались, по сути, в иконы»<sup>253</sup>.

Перед такими иконами, заполнявшими его рабочий кабинет, главный идеолог КПСС и коротал большую часть своей жизни.

**Леонид Ильич Брежнев** в отличие от Михаила Андреевича был человеком публичным. Как метко заметил В. Курилов, он «лез на глаза во всех газетах, по телевизору, по радио и неутомимо награждал себя все новыми и новыми наградами». Но главная разница между ним и «серым кардиналом» заключалась в другом.

Если тот всю жизнь корпел над трудами классиков марксизма-ленинизма, то Леонид Ильич, поднимаясь со ступеньки на ступеньку по длинной лестнице своей партийной карьеры и став, в конечном итоге, генеральным секретарем ЦК КПСС, ни разу не заглянул хотя бы в один томик К. Маркса, Ф. Энгельса или В. Ленина. Об этом он доверительно поведал однажды своему главному спичрайтеру А. Бовину, когда тот наспиговал текст очередного выступления хозяина цитатами из трудов основоположников научного коммунизма. Леонид Ильич потребовал убрать все цитаты и добавил: «Нуужели ты думаешь, что кто-нибудь поверит, что Ленья Брежнев читал Маркса и Энгельса?»<sup>254</sup>

---

<sup>253</sup> *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. М.: Совершенно секретно, 1999. С. 24.

<sup>254</sup> А. Бовин заявил об этом в двухсерийном фильме «Дорогой Леонид Ильич!», который был показан 6—7 июня 2004 года по государственному телеканалу «Россия».

Тем не менее, на съездах и прочих форумах КПСС, на международных совещаниях компартий разных стран, в первичных парторганизациях, на плакатах демонстрантов и экранах ТВ, на страницах газет и журналов ... везде и всюду его прославляли как «верного марксиста-ленинца», как «неутомимого борца за идеалы коммунизма» и т.п. И он не протестовал. Наоборот, ему это нравилось. Его переполняло непомерное тщеславие и громадное честолюбие. Его распирало чувство гордости от одного лишь сознания, что именно за ним Политбюро ЦК КПСС признает право последнего слова при принятии решений по любым, более или менее значимым, вопросам в жизни партии и государства.

Естественно, что при этом он отдавал отчет в том, что таким его будут воспринимать до тех пор, пока у него под боком находится Михаил Андреевич. Только в связке с начетчиком и догматиком Ленья Брежнев мог чувствовать себя уверенно и смело заявлять, что руководимая им КПСС, равно как и весь Советский Союз, последовательно продвигаются по пути коммунизма и борьбы за светлое будущее всего человечества.

Эти двое очень нуждались друг в друге. И их взаимоотношения вылились в симбиоз, основанный на обоюдной непреодолимой тяге к власти. Первый видел в этом возможность в полной мере удовлетворить свое честолюбие и тщеславие. Второй — реализовать себя в роли «серого кардинала». И нужно признать, что они достаточно быстро и умело достигли своих эгоистических целей.

«Мы, к беде нашей, не разглядели вовремя, как ловко он (Брежнев. — А.Ж.) расставляет свои кадры, окружая себя холуями и подхалимами, — сетовал в одном из своих интервью В. Семичастный, предшественник Ю. Андропова на посту председателя КГБ СССР. — Одного взял, второго, третьего, а потом они ему своих начали навязывать... До абсурда до-



шло, беспомощные люди стали занимать в государстве самые важные посты. И в Совете министров, и в партии — везде и всюду»<sup>255</sup>.

В Политбюро ЦК объявились дотоле не бывшие на слуху М.А. Тихонов, А.П. Кириленко, В.В. Гришин, К.У. Черненко, которые, как свидетельствует В. Крючков, «однозначно стояли на позициях личной преданности Брежневу, однако сколько-нибудь заметной роли в государственных делах они не играли»<sup>256</sup>.

Эти и прочие выдвигенцы Брежнева, тщательно оберегая авторитет и полномочия своего хозяина, не забывали трепетно заботиться и о его привычках, о его слабостях. Как подметил известный политолог, доктор исторических наук, профессор А.Я. Гуревич, «эти люди подыгрывали Л. Брежневу как могли, устроив вокруг него самую настоящую оперетту. Мы вам дадим что угодно: погоны маршала, звезды, ордена, золотое оружие, только останьтесь, ради Бога, в своем кресле»<sup>257</sup>.

То же самое, но по-своему, высказал и В. Семичастный: «Последние лет пять, а может, и больше, это окружение готово было ему подпорки поставить, передвигать за него ноги, лишь бы он существовал. Потому что это давало возможность существовать им»<sup>258</sup>.

---

<sup>255</sup> Интервью В. Семичастного газете «Согласие», опубликованное 19 июля 1990 года под заголовком «Обошлись бы и без плюрализма».

<sup>256</sup> Крючков В.А. Личное дело: Часть первая. М.: Олимп; АСТ, 1997. С. 99.

<sup>257</sup> Караулов А. Сборник «Вокруг Кремля». М.: Новости, 1990. С. 416.

<sup>258</sup> Интервью В. Семичастного газете «Согласие», опубликованное 19 июля 1990 года под заголовком «Обошлись бы и без плюрализма».

Что же касается М. Суслова, то он тоже достиг того, о чем только мог мечтать.

...В начале шестидесятых годов руководство КГБ обратилось на Старую площадь с ходатайством о предоставлении нелегалам Морису и Леонтине Коэнам-Крогерам советского гражданства. Вопрос возник в связи с тем, что чета выдающихся советских разведчиков, работая в Лондоне, оказалась в сложной ситуации, грозившей арестом. Предоставление им гражданства СССР рассматривалось в качестве одной из мер их правовой защиты. «Серый кардинал» начертал на представлении: «Вопрос о Крогерах поставлен преждевременно. Они еще могут нас предать. Вот когда вернутся в Советский Союз, тогда и будем рассматривать их ходатайство». Ю.В. Андропов смиренно согласился.

«...Во времена Хрущева, — вспоминает известный скульптор Э. Неизвестный, — возникла развилка: вдруг выяснилось, что интеллектуальная жизнь — особенно поэзия, балет и художники — имеет прямое отношение к международной политике. В итоге Международный отдел ЦК КПСС (откидывая отдельных людей) стал моим другом. У них были свои задачи, и я им был очень нужен. А внутренний отдел по-прежнему оставался моим врагом, он и в 1976 г. так же, как и четырнадцать лет назад, не хотел, чтобы я ездил за границу. Андропов вроде бы что-то обещал, но потом мне говорят: нет, не получилось, против Суслов, он вообще тебя сгноить хочет»<sup>259</sup>.

**Из мемуаров М.С. Капицы, видного дипломата, ученого, общественного деятеля:**

«Молотов, как участник группы, пытавшейся сбросить Никиту, был освобожден с высоких постов и направлен в

---

<sup>259</sup> Караулов А. Сборник «Вокруг Кремля». М.: Новости, 1990. С. 399.

## Кому мы обязаны «афганом»?

1957 г. послом в МНР. Я был и. о. заведующего Дальневосточным отделом МИД СССР, и Молотов стал вроде бы моим подопечным. Тогда я убедился, насколько строг к себе и дисциплинирован этот уже немолодой человек (ему было 68 лет). Иногда он звонил по телефону ВЧ-связи, рассказывал о деле и просил позвонить Сулову. Я отвечал, что вопрос ясен, пусть действует. Он настаивал на том, чтобы получить указание Сулова. Я звонил Сулову, хотя страшно не любил контактов с этим человеком»<sup>260</sup>.

\*\*\*

Хотим мы того или не хотим, но проходит время, и то, что вчера или позавчера считалось великой государственной тайной, перестает ею быть в силу крутых жизненных поворотов. Тайна становится общим достоянием и помогает понять логику и героических, и трагических событий в истории нашей Родины.

Выясняется, например, что в мотивах того или иного решения тех, кто рулил страной, подчас переплетаются личные амбиции с громкими лозунгами борьбы за мировые революционные перемены. И в итоге страдают и государственные интересы и ни в чем неповинный народ, втянутый в эти нечистоплотные, эгоистичные комбинации. Так случилось с «афганом».

Известный на Западе эксперт по проблемам геополитики К. Хитченс в этой связи саркастически, причем в самый разгар «афгана», заметил: «Советский Союз сполна платит сейчас за преступную деятельность Брежнева и Сулова, которые доказали людям, что надо учиться на уроках, преподанных историей»<sup>261</sup>.

---

<sup>260</sup> Капица М.С. На разных параллелях. М.: Книга и бизнес, 1996. С. 470—471.

<sup>261</sup> Хитченс К. Вниз по темному переулку. «New Statesman and Society. 20.12.88». Частично перепечатано в «Курантах», № 30, 15 февраля 1991 года.

\*\*\*

У истоков советско-афганских отношений, увенчавшихся «афганом», стоял, как известно, В.И. Ленин.

«Что вы думаете о Ленине?» — спросили историка М. Гефтера. Ответ был таким: «Это человек, к которому я возвращаюсь многие годы своей жизни. У меня есть кое-какие наброски, отрывки, фрагменты о Ленине, ими забиты мои ящики и папки, но именно потому, что я думаю о нем постоянно, я никак не могу привести все это в какой-то порядок. Мне кажется — а это профессиональное право историка, тут нет никакой мании величия, — что я знаю сейчас о нем больше, чем он сам о себе знал. Мне кажется, что Ленин является самой трагической фигурой человеческой истории. Редко кто добивался такого результата, как он, и не многие из людей, добившихся такого результата, хорошо понимали в преддверии своего ухода из жизни, что этот результат не только ускользает из-под контроля и власти, но ведет к гибели дело, которому была посвящена вся его жизнь»<sup>262</sup>.

---

<sup>262</sup> Караулов А. Сборник «Вокруг Кремля». М.: Новости, 1990. С. 447.

## ПРИЛОЖЕНИЯ

### *Приложение 1*

**Информация Комитета Верховного Совета СССР  
по международным делам о политической оценке  
решения о вводе советских войск в Афганистан  
«Уважаемые народные депутаты!**

В соответствии с поручением первого Съезда народных депутатов выработать политическую оценку решения о вводе советских войск в Афганистан Комитет Верховного Совета СССР по международным делам считает необходимым доложить вам следующее.

Члены комитета ознакомились с относящимися к вводу войск документами Советского правительства и ЦК КПСС, материалами Министерства иностранных дел СССР, Министерства обороны и Комитета государственной безопасности. Состоялись беседы со многими лицами, занимавшими в конце семидесятых годов ответственные посты в партийных и государственных органах, военачальниками, дипломатами, руководителями различных ведомств, связанных с развитием советско-афганских отношений. Этот вопрос неоднократно обсуждался, порой в очень острой дискуссионной форме, на заседаниях комитета. В них приняли участие народные депутаты СССР, представители других комитетов Верхов-

ного Совета, войны, прошедшие Афганистан, и целый ряд экспертов.

В итоге обстоятельного анализа имеющихся данных комитет пришел к выводу, что решение о вводе советских войск в Афганистан заслуживает морального и политического осуждения. Общая международная обстановка, в которой принималось решение, была, несомненно, сложной, характеризовалась острой политической конфронтацией. В той ситуации существовали представления о намерении определенных кругов Соединенных Штатов Америки взять в Афганистане реванш за утрату позиций после падения шахского режима в Иране. Факты указывали на возможность такого развития событий.

В последовавших за вводом войск официальных заявлениях одним из мотивов предпринятой акции было названо стремление укрепить безопасность Советского Союза на подступах к южным границам и тем самым оградить его позиции в регионе в связи с напряженностью, которая к тому времени сложилась в Афганистане. Нарастали элементы вооруженного вмешательства извне. Были обращения афганского правительства к советскому руководству за помощью. Документально установлено, что афганское правительство, начиная с марта 1979 года, более десяти раз высказывало просьбу направить в страну советские воинские части. В ответ советская сторона отклоняла такую форму оказания помощи, заявляя, что афганская революция должна сама защищать себя. Однако в дальнейшем эта позиция претерпела, прямо скажем, драматические изменения.

На принятие решения в декабре 1979 года, безусловно, повлияла чрезмерная идеологизация советской внешнеполитической деятельности, складывавшейся на протяжении ряда лет под непосредственным воздействием доминировавших тогда идеологических установок. В этом свете, в известной мере, формировалось и наше отношение к Апрельской ре-

волюции. Соответствующая этим воззрениям аргументация была положена в основу обращения советского руководства к главам зарубежных государств в связи с объявлением о вводе контингента наших войск в Афганистан. В нем указывалось, что речь идет об ограниченной задаче — содействии в охране коммуникаций и отдельных объектов. Однако все эти обстоятельства не могут оправдать решение о вводе войск.

Всем известно, как в действительности развивались события дальше. Произошло ужесточение и расширение столкновений. Советский воинский контингент оказался вовлеченным в эскалацию крупномасштабных военных действий. Обострились международная напряженность, недоверие, военно-политическое соперничество между Востоком и Западом.

Применение силовых методов нанесло урон авторитету советской политике среди значительной части международной общественности. Этой акцией мы противопоставили себя большинству мирового сообщества, нормам поведения, которые должны быть приняты и соблюдаться в международном общении. Многочисленные нарушения этих норм другими государствами, имевшие место и тогда, и, к сожалению, в последнее время, не могут служить поводом к оправданию подобных действий со стороны нашего государства.

Комитет констатирует, что решение о вводе войск было принято в нарушение Конституции СССР (положение статьи 73, пункт 8), согласно которой, я цитирую, «вопросы мира и войны, защита суверенитета, охрана государственных границ и территории СССР, организация обороны, руководство Вооруженными силами СССР» подлежат ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов государственной власти и управления.

В этом контексте сообщаем, что Верховный Совет СССР и его Президиум вопрос о вводе войск в Афганистан не рас-

сма тривали. Решение было принято узким кругом лиц. Как установил Комитет по международным делам, Политбюро даже не собиралось в полном составе для обсуждения этого вопроса и принятия по нему решения. Давая политическую и моральную оценку ввода войск в Афганистан, необходимо, это наша обязанность, назвать имена тех, кто, занимаясь проработкой важнейших внешнеполитических вопросов с середины 70-х годов, принял решение о вводе советских войск в Афганистан. Это Леонид Ильич Брежнев, занимавший в то время посты Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета нашей страны, Председателя Совета Обороны и Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР; это бывший Министр обороны СССР Устинов, Председатель Комитета государственной безопасности Андропов, Министр иностранных дел СССР Громыко.

Вместе с тем было бы недостаточным сводить дело только к личной ответственности отдельных политических деятелей. Осуществление столь значительных, поистине драматических акций в обход высших органов государственной власти страны, без участия народа стало возможным в результате серьезных изъянов в системе определения практической политики и механизма принятия решений. Надо заметить, что в соответствии со сложившейся к тому времени практикой указанное решение, будь оно вынесено на обсуждение любого из форумов, политического или государственного, скорее всего было бы одобрено. Партия, народ, наши зарубежные друзья были, по существу, поставлены перед свершившимся фактом.

Политика, основанная на новом мышлении, предполагает исключить возможность повторения чего-либо подобного акции 1979 года. Определяющей гарантией должно быть установление реального контроля в высших органах власти за процессом формирования и осуществления внешнеполитического



## Кому мы обязаны «афганом»?

---

курса Советского государства. Внешняя политика должна быть всегда под контролем народа.

Особенно важен, как нам представляется, надежный и неукоснительный контроль за выработкой и принятием решений, связанных с применением Вооруженных Сил СССР. На этот счет должны существовать ясные и четкие конституционные нормы. Внешняя политика Советского Союза, которая сделала возможным заключение Женевских соглашений по Афганистану и вывод советских войск из этой страны, отвечает духу и задачам перестройки, является его органической частью. Время, прошедшее после возвращения советских войск из Афганистана, показывает, что правительство Афганистана и его национальные силы способны самостоятельно определять судьбу своей страны, дают отпор (а в последнее время поступает на этот счет много сообщений) попыткам вооруженной оппозиции навязать военные решения. Следует отметить, что президент Афганистана Наджибулла с пониманием воспринял и активно поддержал советский подход к вопросу о выводе советского военного контингента. Набирает силу политическая, дипломатическая деятельность в Республике Афганистан. С учетом всех обстоятельств представляется обоснованным в продолжение политической и моральной поддержки соседнему афганскому народу дальнейшее оказание содействия Республике Афганистан, развитие сотрудничества с этой страной в соответствии с двусторонними государственными соглашениями.

Уважаемые народные депутаты! Политически и морально осуждая решение о вводе советских войск, комитет считает необходимым заявить, что это ни в коей мере не бросает тень на солдат и офицеров, направлявшихся в Афганистан. Верные присяге, убежденные в том, что защищают интересы Родины и оказывают дружественную помощь соседнему народу, они лишь выполняли свой воинский долг. Советский народ поте-

рял в Афганистане тысячи своих сынов. Наша святая обязанность — хранить память о них как о верных сынах Отчизны. Прошу почтить память наших погибших товарищей минутой молчания. (Минута молчания.)

Прошу садиться. Мы обязаны воздать должное мужеству тех, кто прошел через тяжкие испытания, проявлять о них заботу, содействовать реализации их жизненных планов, оказывать всемерную помощь и поддержку инвалидам и семьям погибших.

Политическую оценку решения о вводе советских войск в Афганистан Комитет Верховного Совета по международным делам считает нужным дополнить некоторыми практическими предложениями. В Конституции СССР, законодательных актах до настоящего времени не определен механизм принятия решений об использовании Вооруженных Сил за пределами нашей страны. Конституция содержит лишь общие положения, согласно которым Верховный Совет принимает решение об использовании контингента Вооруженных Сил СССР в случае необходимости выполнения международных договорных обязательств по поддержанию мира и безопасности.

Требуется, очевидно, конкретизировать порядок использования Вооруженных Сил в специальном законодательном акте. Более того, основательно соотнести с конституционными нормами положение о Совете обороны СССР. Эту актуальную задачу можно было бы реализовать в контексте работы над будущей новой Конституцией нашей страны.

По мнению комитета, целесообразно также рассмотреть возможность создания в рамках Верховного Совета СССР Комиссии по делам бывших военнослужащих контингента советских войск в Афганистане. Аналогичные меры, как нам представляется, следовало бы принять и по линии Совета

## Кому мы обязаны «афганом»?

Министров СССР. Полагаем необходимым информировать второй Съезд о предложении многих народных депутатов и представителей общественности нашей страны, чтобы день завершения вывода войск из Афганистана, а именно 15 февраля, сделать Днем памяти.

Итак, уважаемые народные депутаты, комитет, основываясь на мандате, данном ему первым Съездом народных депутатов, стремился высветить лишь политическую оценку самого факта ввода войск в Афганистан. Имеющиеся материалы, как было сказано, дают, с нашей точки зрения, достаточные основания для предложенного вам комитетом основного вывода.

Завершая сообщение, отмечу, что в исторической ретроспективе война в Афганистане — это пока живая, сегодняшняя история, участниками которой, кроме Советского Союза, являются многие политические и социальные силы. Предстоит большая и многогранная работа политиков, дипломатов, ученых для всесторонних оценок этого, полного драматизма, исторического события».

Информацию Комитета Верховного Совета СССР по международным делам огласил Дзасохов А.С.

Опубликовано в «Известиях», № 360 от 6 декабря 1989 года. С. 4—5.

### *Приложение 2*

#### **Из стенограммы беседы И.В. Сталина с премьер-министром МНР П. Генденом 15 ноября 1934 года**

(В беседе участвовали с советской стороны — И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов, А.А. Жданов, С. Сокольников, Л.М. Каганович, Ш. Элиава; с монгольской — П. Генден, Х. Чойбалсан, Р. Менд, О. Дашчиров.)

«...Молотов. Какие вопросы вы хотели бы обсудить?

**Генден.** Я хотел бы обменяться мнениями по двум основным вопросам с целью сделать более определенной нашу внутреннюю политику. Чего они касаются? Вы все знаете, что благодаря вашей огромной помощи, советам товарища Сталина и других советских руководящих товарищей мы смогли приступить к проведению нового курса. Он встречен с большим одобрением народными массами нашего государства, которые на его основе готовы сплотиться вокруг партии и правительства. Вся деятельность партии и правительства, развертываемая на базе нового курса, получила одобрение IX съезда партии...

Теперь перехожу к основным вопросам. Первый — вопрос о ламах по той причине, что они открыто борются против партии и правительства.

**Сталин.** Твердо ли вы знаете, что ламы открыто выступают против вас и какими конкретными фактами это подтверждается?

**Генден.** В настоящее время дело пока не дошло до открытого выступления против партии и правительства, но ламы всеми возможными способами оказывают сопротивление нашим мерам, искажают их суть или стараются их саботировать.

**Ворошилов.** Ламы оказывают сопротивление в одиночку или совместными усилиями всего монастырского общества?

**Генден.** Ламы низших сословий нас поддерживают, а священнослужители высших сословий оказывают открытое сопротивление. Если народные массы одобряют и поддерживают новый курс, то ламы высших сословий распространяют о нем всякие слухи... Они утверждают, что власти боятся восстания и агрессии со стороны Японии, потому выдумали новый курс. Мы приняли ряд мер, направленных на ослабление влияния лам, в частности, издали закон, запрещающий брать в монастырь несовершеннолетних детей.

## Кому мы обязаны «афганом»?

**Сталин.** Когда вышел такой закон и как его приняли народные массы?

**Генден.** Он действует с начала 1933 года. Народ воспринял его как акт, направленный на полное уничтожение религии. Так растолковали закон ламы.

**Сталин.** Какую агитационную и пропагандистскую работу вы вели против такого толкования?

**Генден.** В печати мы разъясняли, что он не направлен на уничтожение религии, что несовершеннолетние на самом деле не могут разумно и сознательно выбирать свой жизненный путь. Это они могут сделать лишь по достижении совершеннолетия. А вообще мы не имеем особой антирелигиозной печати.

**Сталин.** Есть ли у лам своя газета и на каком языке они пишут?

**Генден.** Газет у них нет. Только в монастырях имеется важность печатать на деревянных клише. Ламы пишут на тибетском языке.

**Сталин.** Все ли ламы владеют тибетским языком? Знают ли его кто-либо из аратов?

**Генден.** Основная масса лам знает «учение» на тибетском языке, но не все им владеют. Не знают его и араты.

**Сталин.** Какие у вас выходят газеты и на каком языке? Каков их тираж?

**Генден.** У нас три газеты. Издаются они соответственно ЦК МНРП, правительством и военными на монгольском языке по пять тысяч экземпляров каждая.

**Сталин.** Какие имеются школы в МНР, на каком языке ведутся занятия и каков процент грамотных в стране?

**Генден.** Действуют начальные школы. Из-за нехватки средств и учителей мы не можем создать большого количества школ. Занятия ведутся на монгольском. Общее число грамотных составляет около восьми процентов.

**Ворошилов.** Есть ли среди учителей бывшие ламы?

**Генден.** Есть.

**Сталин.** Надо непременно занять побольше учителей. Они должны быть проводниками политики власти и партии, к тому же непременно стать «новыми ламами». Кстати, что преподают в монастырях?

**Генден.** В основном предметы, связанные с религией. Но изучают также медицину и астрологию. В последнее время начали изучать монгольское письмо. Мы тоже его изучаем, поэтому в этом деле ламам не препятствуем.

**Ворошилов.** Насколько проявляют ламы усердие в овладении монгольской грамотой и есть ли среди них лояльные властям?

**Генден.** Бедные ламы хорошо относятся к мерам, проводимым властями. Мы делаем для них налоговые скидки, а с лам высшего сословия взимаем большой налог. Среди бедного ламства наблюдается всяческое в овладении монгольской грамотой. Все больше вовлекаются они в производственную деятельность, перевозку грузов и ручные ремесла. Правительство послало своих представителей в четыре крупных монастыря, и это дало свои положительные результаты. Можно отметить другие меры правительства, касающиеся лам. В диалогах с ними приводятся факты нарушения высшими ламами внутреннего распорядка монастырей, занятия торговлей и делами, несовместимыми с верой.

**Сталин.** На какие средства живут обитающие в монастырях ламы?

**Генден.** На пожертвования аратов в монастырскую казну.

**Сталин.** Как собираются пожертвования — принудительно или добровольно?

**Генден.** Добровольно.

**Сталин.** В чем состоит цель пожертвований?

**Генден.** Они делаются для исполнения молитв во имя нынешней и последующей жизни всех живущих.

**Сталин.** Имеют ли право ламы, в том числе и мелкие, вести личное хозяйство в монастыре и пользоваться по своему усмотрению средствами из казны?

**Генден.** Личные средства имеются у каждого ламы.

**Сталин.** Из чего они состоят?

**Генден.** В основном из скота и денег. Могут быть некоторые вещи. Мелкие ламы также имеют личные средства. Монастырской же казной распоряжаются ламы высшего сословия.

**Сталин.** Какой существует в Монголии порядок в использовании колодцев? Есть ли особая плата за воду? Владеют ли колодцами монастыри? Создавались ли они распоряжением правительства?

**Генден.** Колодезной водой пользуются все — и араты, и ламы. Плата за воду не взимается. Нет выгоды рыть дорогие благоустроенные колодцы за счет государственных средств. Например, в Южной Гоби вырыли два новых колодца с ветряной вытяжкой, и каждый обошелся в 54 тысячи тугриков. Зимой они замерзают, поэтому не работают, а летом дают воду только в ветреную погоду. Кроме трудоемкости возведения и дороговизны малополезность колодцев связана еще с тем, что араты не живут на одном месте, постоянно кочуют. Эти колодцы видел Элиава, когда был в Южной Гоби.

**Сталин.** Очень ли нужна колодезная вода монгольским животноводам, используется ли она ими?

**Генден.** Очень нужна и используется широко.

**Сталин.** Тогда почему же не занимается этим делом правительство? Разве не важно на деле показать, что действительно стараетесь помочь аратам, дать им воочию убедиться, что создание колодцев глубоко связано с ведением ими хозяйства? Может, не обязательно строить крупные и дорогие колодцы, о

которых вы говорили. Можно же рыть самые обыкновенные колодцы и пользоваться ими.

**Генден.** Мы начали тщательно изучать этот вопрос. Например, Союз революционной молодежи заключил договор с министерством животноводства и полеводства, по которому обязуется увеличить количество колодцев. В наших условиях можно создавать самые обыкновенные колодцы, как вы говорили.

**Чойбалсан.** Союз революционной молодежи решил вырыть 60 колодцев, из них 50 уже готовы.

**Генден.** Чтобы повысить качество питьевой воды, правительство вырыло колодец в Улан-Баторе и передало его ламам монастыря Гандан. Возле того монастыря накопилось много нечистот, которые могли стать источником какой-либо эпидемии. Вырыли колодец для ее предотвращения. Очень одобрительно отнеслось к этому бедное ламство.

**Сталин.** Это очень правильно. Необходимо создавать колодцы и для водопоя скота. Они очень нужны животноводам.

**Генден.** Это верно. Будем стараться в дальнейшем это делать. Но я хочу опять вернуться к вопросу о ламах. Дело в том, что когда товарищ Сокольников был в Монголии, он ставил вопрос о целесообразности перевода религиозных книг с тибетского на монгольский. Вопрос этот мы обсуждали, но не вынесли решения. Некоторые товарищи, например, товарищ Амар, не одобряют эту меру. По моему мнению, представляется возможным в виде эксперимента попробовать это сделать в некоторых монастырях. Поскольку это чрезвычайно тонкий вопрос, я хотел бы вашего совета. Некоторые советские руководящие товарищи, посещавшие Монголию, предлагали послать наших хороших партийцев, имеющих особую подготовку, работать среди лам в монастырях. Там они должны выглядеть, как истинно верующие ламы, но на самом деле вы-



## Кому мы обязаны «афганом»?

---

полнять особую работу. И это было бы полезно для нас, говорят они. Лично я думаю, что в данный момент это невозможно и неосуществимо.

**Сталин.** Почему это дело представляется таким трудным?

**Генден.** У нас нет людей с соответствующей подготовкой.

**Сталин.** Тогда ничего не остается, как только ждать.

**Генден.** Поскольку вопрос о ламах чрезвычайно трудный и тонкий, хотел бы непременно получить у вас совет: бороться против них, только издав соответствующий закон о методах борьбы с ними, или нужно еще подключать пропаганду.

**Ворошилов.** Кто имеет большее влияние среди народных масс — партия и правительство или ламы?

**Генден.** Должно быть, ламы.

**Ворошилов.** По-вашему получается, что перед народом, собравшимся на религиозный молебен, нельзя делать агитационно-пропагандистский доклад?

**Генден.** Если такой доклад будет делать служебное лицо, являвшееся работником партии и властей, то араты могут понять его так, что они пропагандируют идею уничтожения религии. Если будет говорить обыкновенный гражданин, так не будут воспринимать, но его никто не будет слушать или будут принимать за полоумного.

**Сталин.** Вы готовы расписаться в своем бессилии перед ламами.

**Генден.** Конечно, мы воздействуем на лам, только они имеют большее, чем мы, влияние среди аратов. Но, с другой стороны, факты последнего времени свидетельствуют, что начался новый поворот в жизни аратов. К примеру, на последнем надоме, являвшемся национальным праздником, собралось очень много народу. Это видел своими глазами во время пре-

бывания в Монголии товарищ Карахан, и этот факт следует отметить.

**Сталин.** Были ли в последнее время случаи привлечения к суду крупных лам или их ареста, по обвинению, связанному с каким-нибудь уголовным делом?

**Генден.** Два случая ареста были. В Ховдакмаке по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре и связи с японской разведкой арестовали одного крупного ламу. Другой случай был в сомоне Цэцерлэг. Тоже по делу о связи с одной разведслужбой арестовали одного 75-летнего крупного ламу, известного как лама из монастыря Зуу. Год его содержали в тюрьме, потом освободили, поскольку среди аратов и лам стало распространяться недовольство фактом его ареста. Следует отметить, что крупные ламы пользуются большой популярностью среди аратов. Есть факты, подтверждающие связь некоторых других крупных лам с контрреволюционными кругами, но их мы до сих пор не трогали. Я просил бы у вас совета, как поступать в дальнейшем с подобными элементами?

**Сталин.** У вас все? Можно теперь отвечать?

**Генден.** У меня все. Готов выслушать ваше мнение и ваши советы.

**Сталин.** Если судить по вышеназванным фактам, то в вашем государстве образовалось другое государство. Одна власть — власть Гендена, другая исходит от лам. К тому же последняя сильнее. Вообще в любом сражении если нельзя атаковать врага в лоб, то можно прибегнуть к его окружению. Так же в данном случае. Раз уж ламы действительно представляют такую значительную силу, их надо взять методом постепенного окружения. Меры в отношении лам, о которых говорил товарищ Генден, действительно полезны. Они направлены на их постепенное окружение.

## Кому мы обязаны «афганом»?

В первую очередь надо ускорить дело создания школ, побольше иметь своих учителей, чтобы взять молодежь под контроль. Если хоть один учитель попадет под влияние лам, это будет всегда потеря. Нужно, чтобы учителя и Союз революционной молодежи активно проводили в жизнь вашу политику. Необходимо усилить работу партии и Союза революционной молодежи. Товарищ Генден сам непременно должен быть очень активным и оперативно вмешиваться в работу партии. Побольше стройте колодцы за счет государства, чтобы араты видели, что новые власти стараются удовлетворить их важные хозяйственные потребности.

Ваша главная задача состоит в том, чтобы проводился новый курс. Ламы не одобряют его. Они хотят все вернуть в прежнее положение, вызвать недовольство народных масс действиями партии и правительства, организовать контрреволюционное восстание. Поэтому непреклонно проводите в жизнь новый политический курс. Что касается крупных лам, то надо, чтобы они совершили какие-нибудь политические преступления, и в соответствии с духом времени применять по отношению к ним меры наказания. Судить их надо только как изменников родины. Нельзя допускать, чтобы они обвинялись огульно, как сплошь контрреволюционеры. Это надо сделать правилом для судебных органов. При разборе подобных дел суд должен быть открытым, чтобы аратские массы увидели их и убедились, что они работали на пользу внешнего врага, изменили своей родине. Все вышеназванные акции можно назвать мерами постепенного окружения.

С другой стороны, я знаю, что у вас некоторые рабочие не одобряют новый курс. Ваша задача — беспощадно бороться с такими людьми. Если говорить о мнении, высказанном товарищем Сокольниковым относительно перевода религиозных книг с тибетского на монгольский язык, в основе своей верно.

Вообще в самостоятельном государстве все должно вестись на своем языке, в том числе и религиозные книги издаваться на нем. Возьмем, например, Турцию. Там вся религиозная литература переведена с арабского на турецкий. В России религиозные книги в свое время были переведены с греческого на славянский. Такая же ситуация в Японии. Если у вас имеются трудности с переводом, то можно на время отложить это дело, подождать, пока подрастет своя молодежь и достигнет более высокого уровня общая культура народных масс. Мне сказали, что и товарищ Демид считает, что с переводами возникнет много трудностей. Поэтому пока можно повременить. По поводу того, что в последующем религиозные книги надо издавать на национальном монгольском языке, товарищ Ворошилов правильно заметил, что бог должен знать все языки.

Я знаю, что ламы занимаются также лечебной практикой. Поэтому вы должны усиленно готовить фельдшеров и врачей, приглашать наших врачей и постепенно отобрать лечение у лам. Надо неотступно проводить работу по повышению культурного и образовательного уровня народных масс. Также необходимо иметь сильную армию. Ни один воин не должен вернуться со службы неграмотным. Поголовно все волны должны быть не только грамотными, но и иметь соответствующую политическую подготовку. Вообще без сильной армии не бывает сильного государства.

Можно так подытожить сказанное выше.

**Первое.** Непременно, как мы здесь говорили, надо продолжать осуществлять законодательные меры в отношении лам. К их числу, к примеру, может быть отнесена налоговая политика. Ее нужно проводить дифференцированно в отношении мелких и крупных лам.

**Второе.** Важно взять в свои руки строительство колодцев. С богатых лам следует взимать наибольший налог за пользо-

вание колодцами. Людям надо разьяснять, что государство по-разному относится к мелким и крупным ламам.

**Третье.** Необходимо расширять строительство школ, готовить своих учителей, врачей, ветеринаров, усилить работу революционной молодежи, партии. Партия должна направлять свою деятельность на повышение уровня общественного сознания населения. Надо также усилить армию, повышать культурный и образовательный уровень воинов-аратов, обучать их грамоте. Если все это сумеете выполнить, ваша власть будет сильной, будет сильнее лам. Уместно будет преобразовать управление внутренней безопасности и создать на его основе министерство внутренних дел.

**Генден.** Надо отдельно создавать министерства здравоохранения и народного просвещения, а министерство юстиции и суда оставить в прежнем виде. Мне думается, что преобразование управления внутренней безопасности в министерство внутренних дел пока неуместно».

*Приложение 3*

**Из стенограммы беседы И.В. Сталина с премьер-министром МНР П. Генденом в 1935 году**

(В беседе участвовали с советской стороны — И.В. Сталин, КЕ. Ворошилов, В.М. Молотов; с монгольской — П. Генден, Г. Демид, Д. Намсрай.)

«...Сталин. Ламы, живущие в вашем государстве, стали врагами вашей государственной независимости и суверенитета, они готовы оказать помощь японским захватчикам. Ваше правительство не только не борется против них, а, наоборот, поощряет и поддерживает. Понятно, что их становится больше, они укрепляются и подминают вас. В обстановке всеобщего поощрения лам нет никакой пользы от созданных вами не-

многочисленных войск. Ламы способны разрушить хорошую армию и ее тыл, поэтому вы должны создать специальные войска по защите государства и вести суровую борьбу против своих контрреволюционных лам. Ваше управление внутренней безопасности во главе с Намсраем ничего не делает для борьбы с внутренней контрреволюцией. Наша страна наряду с борьбой против внешних захватчиков жестоко боролась с внутренними врагами революции, ослабила их силы. Такова наша история. Начальник управления внутренней безопасности Намсрай, вместо того чтобы вести борьбу с реакционными ламами, являющимися внутренними врагами, открыто поощряет их.

**Молотов.** Наш разговор не судебное заседание. Мы не обвиняем вас, Гендена, а говорим от искреннего сердца, желая укрепить ваш государственный суверенитет. Мы конкретно знаем, что вы, Генден, когда были пьяны, многократно высказывались против политики нашего государства. Кроме того, вы старались отстранить от себя маньчжурское дело<sup>263</sup> и в тревожное для Монголии время, когда на всех ложилось бремя тяжелой работы, под видом отпуска уклонились от нее. Если бы вам была дорога независимость вашей родины, в такое трудное время не уклонились бы от нее. Товарищ Сталин верно сказал, что если вы не будете бороться с ламами, то нет смысла помогать вам. Потому что власть лам сильнее правительства, возглавляемого Генденом.

**Ворошилов.** Если вы не будете бороться против внешних захватчиков, вроде Японии, и внутри страны против лам и врагов революции, помощью со стороны нашего государства могут воспользоваться ламы и японские войска.

---

<sup>263</sup> Под «маньчжурским делом» подразумеваются переговоры, которые шли между МНР и созданным японцами на северо-востоке Китая марионеточным государством Маньчжоу-Го по территориально-пограничным спорам.

**Молотов.** Я очень удивляюсь. Работу по борьбе с ламами — внутренними врагами революции — Намсрай хорошо знает, но сидит молча, будто боится выронить слово из уст. Борьба против лам, внутренней контрреволюции непосредственно связана с независимостью и суверенитетом Монголии, и совсем не годится ослаблять ее. К примеру, освобождение главаря реакционных, контрреволюционных лам Жамъяндива<sup>264</sup> — это не что иное, как капитуляция ваших властей перед врагами революции.

Все же сколько реакционных лам, врагов революции, было привлечено к ответственности вашим управлением внутренней безопасности? Нам очень интересно услышать об этом из уст Намсрая. Недавно контрреволюционеры подожгли комбинат — одно из важных промышленных предприятий вашей страны. Намсрай не принял строгих мер в отношении задержанных диверсантов, не сумел привлечь их к суровой ответственности. Очень странно, что Намсрай не обращает внимания на это дело и сидит молча.

**Сталин.** Это есть помощь определенного элемента другому элементу, руководившему поджогом комбината. А тот должен был привлекаться к ответственности.

**Генден.** В прошлом году в связи с одним контрреволюционным делом было привлечено к ответственности более 200 лам, среди которых половина — реакционные ламы-главари. Освобождение же Жамъяндива связано с трудным положением в восточном крае страны.

**Намсрай.** Я думал, что лучше выронить серебро и поднять золото. При освобождении Жамъяндива я советовался с

---

<sup>264</sup> Лама Жамъяндив из монастыря Святого Дечина в Восточном аймаке, арестованный по обвинению в «контрреволюционном заговоре», был в 1935 году освобожден, но в следующем, 1936 году вновь арестован и казнен.

руководителями партии и правительства. Вообще я работаю под руководством руководителей партии и правительства. Жамъяндива освободили потому, что в то время создалось трудное положение в восточном крае. С другой стороны, недавно передал в центральный комитет предложения по вопросу о ламах. Если их одобрят, то в отношении лам будут приниматься самые разные меры. Вообще в нашей стране, решая вопрос о борьбе с ламством, приходится быть крайне осторожным. Дело в том, что не только простые члены партии, но и некоторые ответственные работники веруют в бога, поэтому очень трудно решать вопрос о борьбе с ламством.

**Сталин.** Это так и должно быть, когда премьер-министр Генден, начальник управления внутренней безопасности Намсрай не только не проводят работу по борьбе с ламством, но даже поощряют и вдохновляют их.

**Ворошилов.** То, что Генден и Намсрай решительно не боролись с организаторами поджога комбината и плюс к этому не осудили, а освободили Жамъяндива, нанесло ущерб суверенитету Монголии и явилось капитуляцией перед вражескими элементами.

**Сталин.** Генден и все вы в условиях обострения внешней обстановки капитулировали перед внешними врагами своего суверенного государства. Примером может служить освобождение Жамъяндива. Вообще говоря, Генден в деле борьбы с ламством потерял главную линию революции. Не дав отпора внешним захватчикам и феодалам, он поддался правому уклону. Правый уклон наносит делу больший вред, чем левый. Чтобы принять пищу, нужно захотеть. Так же, чтобы бороться с врагами независимости Монголии и ламами, нужно желание. В деле защиты суверенитета и независимости своей родины невозможно не наносить обиды внутренним врагам революции, ламам. Создается впечатление, что товарищи



Генден и Намсрай не имеют никакого желания и стремления бороться против лам, являющихся врагами революции. Что вам нужно? Вам нужно бороться за укрепление независимости и суверенитета своей страны, это важнее всего, и ваши враги — ламы.

Во времена Чингисхана лам не было. Раз уж число лам в Монголии умножается, значит, умножаются силы, которые должны уничтожить народную власть. Уничтожение этой власти становится неизбежным. Вообще ваша власть и ламы не могут одновременно сосуществовать. Кто-нибудь из них победит. Стало быть, совместной с ламами власти не может быть. Отсюда следует, что против лам надо бороться и уничтожать их».

*Приложение 4*

**Запись телефонного разговора между А.Н. Косыгиным  
и Н.М. Тараки 18 марта 1979 года**

**А.Н. Косыгин:** Скажите т. Тараки, что я хочу передать ему большой привет от Леонида Ильича и от всех членов Политбюро.

**Н.М. Тараки:** Большое спасибо.

**А.Н. Косыгин:** Как здоровье т. Тараки, не очень он устает?

**Н.М. Тараки:** Не устаю. Сегодня было заседание Революционного совета.

**А.Н. Косыгин:** Это хорошо. Я очень рад. Попросите т. Тараки, может быть, он охарактеризует обстановку в Афганистане.

**Н.М. Тараки:** Обстановка нехорошая, ухудшается. В течение полутора последних месяцев с иранской стороны было заброшено около 4 тыс. военнослужащих в гражданской одежде, которые проникли в город Герат и в воинские части. Сейчас

вся 17-я пехотная дивизия находится в их руках, включая артиллерийский полк и зенитный дивизион, который ведет огонь по нашим самолетам. В городе продолжаются бои.

**А.Н. Косыгин:** Сколько в дивизии людей?

**Н.М. Тараки:** До 5 тыс. человек. Все боеприпасы и склады в их руках. Из Кандагара самолетами возим продукты питания и боеприпасы нашим товарищам, которые сейчас ведут с ними бои.

**А.Н. Косыгин:** А сколько там людей осталось у вас?

**Н.М. Тараки:** 500 человек. Они находятся на гератском аэродроме во главе с командиром дивизии. В подкрепление мы им послали туда из Кабула на самолетах оперативную группу. Она находится с утра на аэродроме Герата.

**А.Н. Косыгин:** А офицерский состав дивизии тоже изменил, или часть находится с командиром дивизии на аэродроме?

**Н.М. Тараки:** Небольшая часть на нашей стороне, остальные находятся у противника.

**А.Н. Косыгин:** Среди рабочих, среди городских мещан и служащих в Герате вы имеете поддержку? Есть еще на вашей стороне кто-то?

**Н.М. Тараки:** Активной поддержки со стороны населения нет. Оно почти целиком находится под влиянием шиитских лозунгов. «Не верьте безбожникам, а идите за нами» — пропаганда на этом построена.

**А.Н. Косыгин:** Сколько населения в Герате?

**Н.М. Тараки:** 200—250 тысяч человек. Они ведут себя в зависимости от обстановки. Куда их поведут, туда они и пойдут. Сейчас они на стороне противника.

**А.Н. Косыгин:** А рабочих там много?

**Н.М. Тараки:** Мало очень, всего 1—2 тысячи человек.

**А.Н. Косыгин:** Какие перспективы, по вашему мнению, в Герате?

**Н.М. Тараки:** Мы считаем, что сегодня вечером или завтра утром Герат падет и будет полностью в руках противника.

**А.К. Косыгин:** Какие же дальше перспективы?

**Н.М. Тараки:** Мы уверены, что противник будет формировать новые части и пойдет дальше в наступление.

**А.К. Косыгин:** У вас нет сил нанести им поражение?

**Н.М. Тараки:** Если бы были...

**А.К. Косыгин:** Какие же ваши предложения по этому вопросу?

**Н.М. Тараки:** Мы просим, чтобы вы оказали практическую и техническую помощь людьми и вооружением.

**А.Н. Косыгин:** Это вопрос очень сложный.

**Н.М. Тараки:** В противном случае мятежники пойдут в сторону Кандагара и дальше в сторону Кабула. Они приведут половину Ирана в Афганистан под флагом гератской дивизии. Вернутся афганцы, которые убежали в Пакистан. Иран и Пакистан работают по одному плану против нас. И поэтому, если вы нанесете сейчас по-настоящему удар по Герату, то можно будет спасти революцию.

**А.Н. Косыгин:** Об этом сразу узнает весь мир. У мятежников есть рации, они сразу же сообщат.

**Н.М. Тараки:** Я прошу, чтобы вы оказали помощь.

**А.Н. Косыгин:** Мы должны по этому вопросу посоветоваться.

**Н.М. Тараки:** Пока вы будете советоваться, Герат падет, и будут еще большие трудности и для Советского Союза, и для Афганистана.

**А.Н. Косыгин:** Теперь, может быть, вы мне скажете, какие вы дадите прогнозы по Пакистану и потом отдельно по Ирану?! У вас нет связи с передовыми людьми Ирана? Вы не можете им сказать, что у вас главный враг сейчас — Соединенные Штаты?

Иранцы очень озлоблены против Соединенных Штатов, и в пропагандистском плане это, очевидно, можно использовать.

**Н.М. Тараки:** Мы сегодня сделали заявление иранскому правительству, передали его по радио, указав, что Иран вмешивается во внутренние дела в районе Герата.

**А.К. Косыгин:** А Пакистану вы не считаете нужным сделать какое-либо заявление?

**Н.М. Тараки:** Завтра или послезавтра сделаем такое же заявление по Пакистану.

**А.Н. Косыгин:** Вы надеетесь на свою армию? Какова ее надежность? Вы не можете собрать войска, чтобы ударить по Герату?

**Н.М. Тараки:** Мы считаем, что армия надежна. Но снять войска из других городов, чтобы направить их в Герат, мы не можем, так как это ослабит наши позиции в других городах.

**А.Н. Косыгин:** А если мы быстро дадим вам дополнительно самолеты и оружие, вы не сможете сформировать новые части?

**Н.М. Тараки:** Это потребует много времени, и Герат падет.

**А.Н. Косыгин:** Вы считаете, что если Герат падет, Пакистан предпримет такие же действия со своей границы?

**Н.М. Тараки:** Вероятность этого очень велика. Моральный дух пакистанцев после этого поднимется. Американцы оказывают им соответствующую помощь. После падения Герата также направят в гражданской одежде солдат, которые начнут захватывать города, и иранцы будут активно вмешиваться. Успех в Герате — это ключ ко всем остальным вопросам, связанным с борьбой.

**А.Н. Косыгин:** Какие бы вы хотели иметь с нашей стороны внешнеполитические акции, заявления? У вас есть какие-либо соображения по этому вопросу в пропагандистском плане?

**Н.М. Тараки:** Надо сочетать и пропагандистскую, и практическую помощь. Я предлагаю, чтобы вы на своих танках и самолетах поставили афганские знаки, и никто ничего не узнает. Ваши войска могли бы идти со стороны Кушки и со стороны Кабула.

**А.Н. Косыгин:** До Кабула надо еще дойти.

**Н.М. Тараки:** От Кушки очень близко до Герата. А в Кабул можно доставить войска и на самолетах. Если вы пришлете войска в Кабул, и они пойдут из Кабула в Герат, то никто ничего не узнает, по нашему мнению. Будут думать, что это правительственные войска.

**А.Н. Косыгин:** Я не хочу вас огорчать, но скрыть это не удастся. Это будет известно всему миру через два часа. Все начнут кричать, что началась интервенция в Афганистане со стороны Советского Союза. Скажите, Тараки, если на самолетах мы поставим вам оружие в Кабул, включая танки, то вы найдете танкистов или не найдете?

**Н.М. Тараки:** Очень небольшое количество.

**А.Н. Косыгин:** А сколько?

**Н.М. Тараки:** Точных данных не имею.

**А.Н. Косыгин:** А если на самолетах быстро прислать вам танки, необходимые боеприпасы, дать минометы, то вы найдете специалистов, которые могут использовать это оружие?

**Н.М. Тараки:** На этот вопрос ответа я не могу дать. На него могут ответить советские советники.

**А.Н. Косыгин:** Значит, можно понять так, что в Афганистане хорошо подготовленных военных кадров нет или их очень мало. В Советском Союзе прошли подготовку сотни афганских офицеров. Куда же все они делись?

**Н.М. Тараки:** Большая часть их — мусульмане-реакционеры, эхванисты, или, как они еще называются, «Братья мусульмане». На них положиться не можем, не уверены в них.

**А.Н. Косыгин:** В Кабуле сейчас сколько населения?

**Н.М. Тараки:** Около 1 млн человек.

**А.Н. Косыгин:** Вы не можете еще 50 тыс. солдат набрать, если дать вам оружие быстро по воздуху? Сколько вы можете набрать людей?

**Н.М. Тараки:** Мы можем набрать некоторое количество людей, прежде всего из молодежи, но потребуется большое время, чтобы их обучить.

**А.Н. Косыгин:** А студентов нельзя набрать?

**Н.М. Тараки:** Можно говорить о студентах и учащих 11—12 классов лицеев.

**А.Н. Косыгин:** А из рабочего класса нельзя набрать?

**Н.М. Тараки:** Рабочего класса в Афганистане очень мало.

**А.Н. Косыгин:** А беднейшее крестьянство?

**Н.М. Тараки:** База может быть только из лицейстов старших классов, студентов и немного из рабочих. Но научить их — долгая история. Но когда нужно будет, пойдем на любые меры.

**А.Н. Косыгин:** Мы приняли решение срочно поставить вам военное имущество, принять в ремонт самолеты и вертолеты — все это бесплатно. Приняли также решение поставить вам 100 тыс. тонн зерна, повысить цену на газ с 21 долл. за 1 тыс. куб. м. до 37, 82 долл.

**Н.М. Тараки:** Это хорошо, но давайте поговорим о Герате.

**А.Н. Косыгин:** Давайте. Не можете ли вы сейчас сформировать несколько дивизий в Кабуле из передовых людей, на которых вы можете положиться, и не только в Кабуле, но и в других местах? Мы дали бы соответствующее вооружение.

**Н.М. Тараки:** Нет офицерских кадров. Иран посылает в Афганистан военных в гражданской одежде. Пакистан посылает

## Кому мы обязаны «афганом»?

ет также в афганской одежде своих людей и офицеров. Почему Советский Союз не может послать узбеков, таджиков, туркмен в гражданской одежде? Никто их не узнает.

**А.Н. Косыгин:** Что вы можете еще сказать по Герату?

**Н.М. Тараки:** Хотим, чтобы к нам послали таджиков, узбеков, туркмен для того, чтобы они могли водить танки, так как все эти народности имеются в Афганистане. Пусть наденут афганскую одежду, афганские значки, и никто их не узнает. Это очень легкая работа, по нашему мнению. По опыту Ирана и Пакистана видно, что эту работу легко делать. Они дают образец.

**А.Н. Косыгин:** Конечно, вы упрощаете вопрос. Это сложный политический, международный вопрос. Но, независимо от этого, мы еще раз посоветуемся и дадим вам ответ. Мне кажется, что вам нужно было бы попытаться создавать новые части. Ведь нельзя рассчитывать только на силу людей, которые придут со стороны. Вы видите по опыту иранской революции, как народ выбросил всех американцев оттуда и всех других, которые пытались изображать из себя защитников Ирана.

Условимся с вами так: мы посоветуемся и дадим вам ответ. А вы, со своей стороны, посоветуйтесь со своими военными, нашими советниками. Есть же силы в Афганистане, которые будут вас поддерживать с риском для жизни и будут бороться за вас. Эти силы надо сейчас вооружать.

**Н.М. Тараки:** Посылайте боевые машины пехоты самолетами.

**А.Н. Косыгин:** А у вас есть кому водить эти машины?

**Н.М. Тараки:** На 30—35 машин есть водители.

**А.Н. Косыгин:** Они надежны? Не уйдут к противнику вместе с машинами? Ведь наши водители языка не знают.

**Н.М. Тараки:** А вы пришлите машины вместе с водителями, которые знают наш язык, — таджиками, узбеками.

**А.Н. Косыгин:** Я и ожидал такого ответа от вас. Мы товарищи с вами и ведем совместную борьбу, поэтому стесняться друг друга нечего. Этому надо и все подчинить. Мы вам еще позвоним и скажем наше мнение.

**Н.М. Тараки:** Передайте наше уважение и наилучшие пожелания товарищу Брежневу, членам Политбюро.

**А.Н. Косыгин:** Спасибо. Передайте привет всем своим товарищам. А вам желаю твердости в решении вопросов, уверенности и благополучия. До свидания.

*Приложение 5*

**Выписка из протокола 149 заседания Политбюро  
ЦК КПСС от 12 апреля 1979 года: «О нашей линии в  
связи с положением в Афганистане»**

Согласиться с соображениями по данному вопросу, изложенными в записке т.т. Громыко, Андропова, Устинова, Пономарева от 1 апреля 1979 г. (прилагается).

Секретарь ЦК КПСС

Л. БРЕЖНЕВ

Документ

К пункту XIV прот. № 149

Сов. Секретно

Особая папка

ЦК КПСС

В соответствии с поручением от 18 марта с. г. (№ П 147/П) докладываем анализ причин возникшего в последнее время обострения обстановки в Демократической Республике Афганистан и соображения о наших возможных дальнейших шагах по оказанию помощи руководству ДРА в деле укрепления его позиций и стабилизации положения в стране.



Свершившаяся в апреле прошлого года, в Афганистане революция произошла в экономически отсталой феодальной стране с крайне примитивными формами хозяйства и ограниченными внутренними ресурсами. Прежний режим оставил после себя целый ряд острых социально-экономических и политических проблем.

В условиях развернувшейся острой классовой борьбы на одном полюсе оказалась Народно-демократическая партия Афганистана, выражающая интересы трудового народа, а на другом — силы, представляющие интерес помещичье-феодальных кругов, компрадорской буржуазии, наиболее реакционной части духовенства.

Силы афганской реакции умело используют практически сплошную неграмотность населения, сложные межнациональные и племенные противоречия, религиозный фанатизм и крайний национализм.

Подрывные действия, саботаж и сопротивление со стороны свергнутых эксплуататорских классов усугубляют экономические трудности, ведут к сокращению промышленного и сельскохозяйственного производства, падению деловой активности, росту цен, уменьшению поступлений в госбюджет.

Действия реакционных сил, которые на данном этапе возглавляются мусульманскими лидерами, опирающимися на организацию «Братьев мусульман», смыкаются на базе общего враждебного отношения к новому строю с активной контрреволюционной деятельностью сепаратистских и националистических группировок, а также промаоистской организации «Шоалее Джавид».

Преодолев растерянность, связанную с быстрой и довольно неожиданной для них победой Апрельской революции, реакционные силы в последнее время в значительной мере консолидировались. Они начали менять и сами формы

борьбы — переходить от скрытых подрывных к открытым вооруженным действиям, сумели не только перегруппироваться внутри страны, но и наладить широкие связи с внешними империалистическими и клериканскими кругами, от которых получают активную пропагандистскую поддержку, а также помощь оружием и деньгами. Тактика врагов революции состоит в том, чтобы расширить фронт борьбы, заставить правительство распылить свои ударные силы, рассредоточить их по разным районам страны.

Реакция выступает под лозунгом крайнего антикоммунизма и антисоветизма, ставит своей политической целью свержение революционно-демократического строя, создание в Афганистане «свободной исламской республики».

Программа Народно-демократической партии Афганистана предусматривает осуществление широких политических и социально-экономических преобразований в интересах трудящихся масс, но эта программа еще только начинает проводиться в жизнь, и основная масса населения пока не ощутила преимуществ нового строя, не оценила его прогрессивного характера. Преодоление вековой отсталости страны, устранение трудностей и решение проблем, с которыми с самого начала столкнулась новая власть, требуют времени, поэтапного планомерного и хорошо продуманного подхода. Руководителям демократического Афганистана приходится по существу заново создавать государственный аппарат, реорганизовывать и укреплять вооруженные силы страны, накапливать практический опыт партийного и государственного строительства.

Слабой стороной народной власти является то, что она не создала еще для себя настоящей опоры в лице провинциальных, городских и сельских административно-политических органов,

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

через которые в управление делами государства как в центре, так и особенно на местах вовлекались бы трудящиеся.

Серьезные трудности для новой власти представляют собой проблемы ее взаимоотношений с духовенством и вождями оппозиционных племен — двумя влиятельнейшими в условиях Афганистана силами. Решения данных проблем, требующих осмотрительного, взвешенного подхода, пока не найдено, и обе эти силы продолжают оставаться опасными противниками нынешнего режима. Именно они играют наиболее активную роль в контрреволюционных выступлениях. Толчком к активизации антиправительственных выступлений духовенства в Афганистане послужили события в Иране, сопровождавшиеся вспышкой религиозного фанатизма на всем мусульманском Востоке.

Трудности, испытываемые руководством ДРА, осложняются тем, что НДПА еще не превратилась в массовую политическую организацию. Передовые рабочие и беднейшие крестьяне в ее состав вовлекаются медленно. Партии пока не удалось охватить своим влиянием те круги афганского общества, которые можно было бы привлечь на сторону революции: интеллигенцию, служащих, мелкую буржуазию, низшие слои духовенства.

Сама партия после Апрельской революции претерпела раскол, что существенно ослабило ее позиции, влияние и авторитет. НДПА продолжает оставаться не только малочисленной, но и серьезно ослабленной в результате внутрипартийной борьбы между группировками «Хальк» и «Парчам». Наиболее видные руководители группировки «Парчам» были либо уничтожены физически, либо отстранены от партийной работы, изгнаны из армии и госаппарата, а некоторые из них оказались за границей на положении политэмигрантов. Создавшееся положение отрицательно действует и на ту часть парчамовцев, которая все

еще остается в партии. Эти люди проявляют боязнь, подозрительность и недоверие к руководству НДПА. Дело усугубляется и частой сменой руководителей важных административных единиц как в центре, так и на периферии, постоянным перемещением офицерских кадров.

Враги революции действуют как внутри страны, так и извне, прежде всего с территории Пакистана и Ирана, куда бежало немало противников нового строя в Афганистане. По имеющимся данным, к организации антиправительственных выступлений в стране причастны также западные спецслужбы, в первую очередь, американские, и китайская агентура. Они пользуются, в частности, тем, что границы Афганистана с Пакистаном и Ираном практически остаются открытыми. Через эти границы осуществляется засылка не только диверсионных и террористических групп, но и крупных вооруженных банд.

Внутренняя и внешняя контрреволюция стремится использовать не только объективные трудности нового строя, но также просчеты и существенные ошибки афганского руководства. Известно, что после победы Апрельской революции при решении как внутрипартийных, так и государственных вопросов часто допускались перегибы, неоправданные репрессии, имело место сведение личных счетов, в ходе расследований дел арестованных допускалось насилие.

Недовольство необоснованными репрессиями затронуло и армию, которая была и остается главной опорой режима, и это также в значительной мере облегчило задачи контрреволюции по дискредитации нового строя не только внутри страны, но и за границей. Многие командиры, видя, что их коллеги арестовываются и исчезают, испытывают чувство неуверенности, опасаются арестов. Это подтвердили и события в Герате, где не только значительная часть населения, но и отдельные армей-

ские подразделения по инициативе их командиров оказались на стороне мятежников.

События в Герате показали также слабость политико-массовой, агитационно-пропагандистской работы НДПА среди народа. Подрывная работа, проводимая всякого рода врагами нового строя, в том числе реакционным духовенством, гораздо активнее и масштабнее той политической работы, которая велась представителями партии на местах.

Советское руководство неоднократно давало руководителям ДРА, в том числе и на самом высоком уровне, соответствующие рекомендации и советы, обращало внимание на их ошибки и перегибы. Однако афганские руководители, проявляя недостаточную политическую гибкость и отсутствие опыта, далеко не всегда и не во всем учитывали эти советы.

Недостаточный политический опыт руководителей ДРА проявился и в разгар событий в Герате, когда выявилось непонимание ими тех далеко идущих политических последствий, с которыми был бы сопряжен ввод в страну советских войск, если бы Советская Сторона пошла на удовлетворение соответствующей просьбы афганского руководства.

Между тем ясно, что ввиду преимущественно внутреннего характера антиправительственных выступлений в Афганистане участие советских войск в их подавлении, с одной стороны, нанесло бы серьезный ущерб международному авторитету СССР и отбросило бы далеко назад процесс разрядки, а с другой — обнаружило бы слабость позиций правительства Тараки и могло бы еще больше поощрить контрреволюционные силы внутри и вне Афганистана к расширению масштабов антиправительственных выступлений. Тот же факт, что афганское правительство сумело подавить мятеж в Герате своими силами, должен оказать сдерживающее влияние на

контрреволюцию, продемонстрировав относительную прочность нового строя.

Таким образом, наше решение воздержаться от удовлетворения просьбы руководства ДРА о переброске в Герат советских воинских частей было совершенно правильным. Этой линии следует придерживаться и в случае новых антиправительственных выступлений в Афганистане, исключать возможность которых не приходится.

При этом, разумеется, с нашей стороны должно и впредь делаться все от нас зависящее для того, чтобы помочь правительству Демократической Республики Афганистан дать отпор контрреволюционным силам, стабилизировать положение в стране, укрепить свое влияние и повести за собой народные массы по пути социалистических преобразований.

С первых дней победы Апрельской революции в Афганистане Советский Союз оказывает новой власти активную политическую поддержку в международном плане, осуществляет широкую помощь в экономической области, в укреплении вооруженных сил страны, в подготовке квалифицированных кадров. По просьбам правительства ДРА в Афганистан направлено по многим линиям большое число советников и специалистов, которые оказывают существенную помощь в решении проблем, стоящих перед руководством ДРА.

В порядке продолжения этой работы с учётом принятых за последнее время дополнительных решений по Афганистану представляется необходимым:

1. Продолжать оказывать содействие руководству ДРА в повышении боеспособности и политико-морального состояния афганской армии, в обеспечении верности и преданности ее народной революционной власти, в укреплении и повышения эффективности органов безопасности, включая пограничную службу.

Имся в виду, что в связи с последними событиями в Афганистане уже поставлены и подлежат поставке в ближайшее время значительные дополнительные количества вооружений и военной техники, расширена подготовка военных специалистов для вооруженных сил как в самом Афганистане, так и в военных учебных заведениях Советского Союза, следует особый акцент делать на необходимости своевременного и эффективного освоения поставляемого оружия и техники. Это же относится и к помощи, оказываемой по линии органов безопасности.

2. Оперативно рассматривать и решать в пределах наших возможностей вопросы оказания экономической помощи Афганистану, особенно такой, которая содействовала бы быстрейшему укреплению политических позиций революционно-демократического режима в стране. Нацеливать афганских руководителей на развитие в первую очередь тех отраслей экономики, которые укрепляли бы производительные силы страны, содействовали бы решению социальных проблем, обеспечению занятости населения.

3. При контактах с руководством ДРА по всем линиям подчеркивать особую важность задачи расширения политической базы, на которую опираются партия и правительство.

В частности следует внушать руководителям ДРА мысль о важности последовательного осуществления намеченных социально-экономических преобразований, в том числе земельной реформы, действуя здесь продуманно, без забегания вперед и перегибов, и уделяя необходимое внимание политико-идеологической стороне осуществляемых реформ. До сознания крестьян, например, должно быть доведено, что они получают землю именно благодаря Апрельской революции и что они ее потеряют, если не защитят народно-революционную власть.

Такая же разъяснительная работа должна проводиться и в связи с другими социально-экономическими реформами.

В интересах расширения политической базы НДПА следует подготовить афганское руководство к мысли о необходимости постепенного перехода к созданию выборных органов при безусловном, конечно, сохранении и укреплении руководящей роли партии в государственной и политической структуре страны, а также к мысли о целесообразности разработки и последующего принятия конституции, закрепляющей демократические права народа и регламентирующей действия государственных органов.

4. В контактах с афганскими руководителями продолжать разъяснять им, насколько исключительно важным является обеспечение единства руководства и сплоченности рядов партии наряду с ее численным ростом. Напоминать им также о целесообразности коллегиального принятия важнейших решений по партийной и государственной линиям. Осуществлять практическую помощь Народно-демократической партии Афганистана и руководству ДРА в постановке организационно-партийной, массово — разъяснительной работы и подготовке партийных и государственных кадров.

5. Продолжать обращать внимание афганского руководства на необходимость проведения надлежащей работы среди мусульманского духовенства страны, добиваясь его расслоения и подрыва влияния реакционных мусульманских лидеров в массах. Достичь этого можно показом на конкретных фактах свободы религии в стране и того, что новая власть не преследует духовенство как таковое, а карает только тех, кто на деле действует против революционного строя.

6. Следует продолжать убеждать руководителей ДРА в необходимости введения и строгого соблюдения определенного



## Кому мы обязаны «афганом»?

---

правопорядка, основанного на революционной законности, в необходимости более взвешенного подхода к применению репрессивных мер. Это не означает, конечно, что не должны применяться репрессии в отношении тех, против кого действительно есть серьезные улики в неверности и тем более в активном противодействии революции. Речь идет о том, что нельзя решать судьбу людей, в том числе партийных и военных кадров, на основе каких-то случайных и непроверенных сведений, причем решать по приговору «двоек» и «троек», без настоящего следствия и суда.

7. Имея в виду важность личного общения в плане доведения до сведения руководства ДРА наших взглядов и соображений по соответствующим вопросам, по мере нормализации обстановки в Афганистане следует практиковать на более регулярной основе обмен визитами на различных уровнях.

8. По дипломатическим, а также по специальным каналам продолжать принимать меры против вмешательства других стран, в частности, соседних с Афганистаном, в его внутренние дела.

9. Оказывать афганским друзьям практическую помощь в налаживании политико-массовой работы, в том числе радиопропаганды, которая в условиях Афганистана, учитывая высокий процент неграмотности, имеет особенно важное значение.

В нашей пропаганде, рассчитанной на Афганистан, акцентировать внимание на традициях добрососедства и широкого взаимовыгодного сотрудничества, прочно утвердившихся в отношениях между нашими странами и получивших сейчас свое дальнейшее и существенное развитие; широко и в доходчивых формах рассказывать о достижениях в социально-экономическом развитии среднеазиатских республик за годы

советской власти; показывать на примере этих и других советских республик обосновательность измышлений насчет подавления свободы вероисповедания, в том числе мусульманского.

10. Периодически информировать братские социалистические страны о предпринимаемых нами шагах по оказанию помощи руководству ДРА в деле стабилизации положения в стране, имея в виду ориентировать и их на оказание соответствующей политической поддержки и материальной помощи Афганистану.

Конкретные предложения по всем перечисленным, а также по возможным другим направлениям будут вноситься по мере необходимости.

Просим рассмотреть.

*А. Громыко, Ю. Андропов, Д. Устинов, Е. Пономарев.*

*1 апреля 1979 года*

*№ 279/гс*

*Приложение 6*

Документ № П 150/93

Совершенно секретно

ОСОБАЯ ПАПКА

Т.т. Брежневу, Косыгину, Андропову, Громыко, Сулову, Устинову, Пономареву, Смиртюкову.

**Выписка из протокола № 150 заседания Политбюро  
ЦК КПСС от 21 апреля 1979 года**

О возможности участия советских экипажей боевых вертолетов в подавлении контрреволюционных выступлений в Демократической Республике Афганистан.

1. Согласиться с предложением по этому вопросу, изложенным в записке Министерства обороны от 18 апреля 1979 г. № 318(3) 0430.

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

2. Утвердить проект указаний главному военному советнику в Демократической Республике Афганистан (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Л. БРЕЖНЕВ

Документ

К пункту 93 прот. № 150

КАБУЛ

ГЛАВНОМУ ВОЕННОМУ СОВЕТНИКУ

Совершенно секретно

ОСОБАЯ ПАПКА

Сообщите премьер-министру Демократической Республики Афганистан Х. Амину, что просьба о направлении 15—20 боевых вертолетов с советскими экипажами доложена Советскому правительству.

Скажите, что афганскому руководству уже давались разъяснения о нецелесообразности непосредственного участия советских подразделений в мероприятиях по подавлению контрреволюционных выступлений в ДРА, так как подобные акции будут использованы врагами афганской революции и внешними враждебными силами в целях фальсификации советской интернациональной помощи Афганистану и проведения антиправительственной и антисоветской пропаганды среди афганского населения.

Подчеркните, что в течение марта-апреля с. г. ДРА уже поставлены 25 боевых вертолетов, которые обеспечены 5—10 боекомплектами боеприпасов.

Убедите Х. Амина, что имеющиеся боевые вертолеты с афганскими экипажами способны совместно с подразделениями сухопутных войск и боевой авиацией решать задачи по подавлению контрреволюционных выступлений.

Разработайте для афганского командования необходимые рекомендации по этому вопросу.

### Из записки ЦК КПСС

Совершенно секретно  
ОСОБАЯ ПАПКА

#### ЦК КПСС

...Трудности становления ДРА имеют во многом объективный характер. Они связаны с экономической отсталостью, малочисленностью рабочего класса, слабостью Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Эти трудности усугубляются, однако, и субъективными причинами: в партии и государстве отсутствует коллегиальное руководство, вся власть фактически сосредоточена в руках Н.М. Тараки и Х. Амина, которые нередко допускают ошибки и нарушения законности...

Основной опорой афганского правительства в борьбе с контрреволюцией продолжает оставаться армия. За последнее время более активное участие в этой борьбе стали принимать силы безопасности, пограничные войска и создаваемые силы самообороны. Однако широкие слои населения к борьбе с реакцией привлекаются недостаточно, вследствие чего предпринимаемые правительством ДРА меры по стабилизации обстановки оказываются малоэффективными...

В связи с изложенным МИД СССР, КГБ СССР, Министерство обороны СССР и Международный отдел ЦК КПСС считают целесообразным:

...3. Направить в Афганистан в помощь главному военному советнику опытного генерала с группой офицеров для работы непосредственно в войсках (в дивизиях и полках)...

4. Для обеспечения охраны и обороны советской авиаэскадрильи на аэродроме Баграм направить в ДРА, при согласии

## Кому мы обязаны «афганом»?

афганской стороны, парашютно-десантный батальон в униформе (комбинезоны) под видом авиационного технического состава.

Для охраны совпосольства направить в Кабул спецотряд КГБ СССР (135—150 чел.) под видом обслуживающего персонала посольства.

В начале августа с. г., после завершения подготовки, направить в ДРА (аэродром Баграм) спецотряд ГРУ Генерального штаба с целью использования в случае резкого обострения обстановки для охраны и обороны особо важных правительственных объектов...

*А. Громыко, Ю. Андропов, Д. Устинов, Е. Пономарев  
27 июня 1979 г.*

*Приложение 8*

### **Обращение Политбюро ЦК КПСС к Политбюро ЦК НДПА от 27 июня 1979 года**

К пункту IX прот. № 156

КАБУЛ

СОВПОСОЛ

Сов. секретно

ОСОБАЯ ПАПКА

Первое. Срочно встретьтесь с Тараки и передайте ему следующее Обращение Политбюро ЦК КПСС к Политбюро ЦК НДПА:

«Дорогие товарищи!

Политбюро ЦК КПСС шлет свой братский привет Политбюро ЦК Народно-демократической партии Афганистана и выражает чувства товарищеской революционной солидарности

с героической борьбой НДПА в защиту завоеваний Апрельской народной революции 1978 года.

С большим удовлетворением мы отмечаем, что за короткое время, прошедшее после свершения революции, Демократическая Республика Афганистан приступила к осуществлению политических, социально-экономических и культурных преобразований, отвечающих чаяниям трудового народа страны.

Мы хорошо понимаем всю сложность условий, в которых протекает ваша работа. По собственному опыту и по опыту революций в ряде других стран мы знаем, что никогда враги трудящихся не сдают своих позиций без боя.

Дорогие друзья, в это трудное для вас время мы, советские коммунисты, движимые чувствами пролетарского интернационализма, считаем необходимым по-товарищески, откровенно поделиться с вами некоторыми соображениями.

1. Мы разделяем вашу озабоченность тем, что внутривнутриполитическая обстановка в Демократической Республике Афганистан продолжает оставаться сложной и напряженной.

В сложившейся обстановке, по нашему глубокому убеждению, крайне важное значение имеет объединение всех революционных и патриотических сил страны. Обеспечить поддержку со стороны широких масс населения революционным мероприятиям НДПА и правительства ДРА, добиться нейтрализации, а затем ликвидации вредного влияния классовых противников, реакционной части исламского духовенства, афганской эмиграции — вот в чем состоят, на наш взгляд, первоочередные задачи.

Претворение в жизнь этих задач требует в свою очередь совершенствования методов политической работы.

Прежде всего, о коллегиальности в руководстве. Опыт нашей партии, а также других партий социалистических стран однозначно говорит о необходимости придерживаться принци-

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

па коллективного руководства. Он создает возможность более полного учета всех точек зрения, что, безусловно, содействует успеху дела и позволяет избегать ошибок и промахов. Любой важный вопрос у нас решается только коллективно, с участием всех членов Политбюро. Действовать таким же образом советуем мы и вам.

Именно коллегиальность в партийном и государственном руководстве на разных уровнях — сверху донизу — обеспечивает принятие правильных, взвешенных решений, объективно отражающих волю и устремления народных масс. Ведь мы, коммунисты, всегда должны помнить слова Ленина о том, что «в народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает».

Последовательное осуществление принципа коллективности, должно, конечно, сочетаться с выполнением ленинского требования о личной ответственности. Другими словами — широкое свободное обсуждение в процессе выработки решений и в то же время полное единство, строжайшая дисциплина при выполнении принятых решений.

2. Серьезного внимания требует и такой вопрос, как создание стройной и эффективной системы местных органов власти.

Политическая структура любого государства — и социалистические государства не являются здесь исключением — предусматривает создание органов власти и управления не только в центре, но и на местах. Особо важное значение имеет вопрос об организации местных органов власти в рамках многонациональных государств, каким является и Афганистан.

Местные органы власти позволяют центральному руководству более оперативно проводить свои решения в жизнь по всей стране. Важно при этом, чтобы стоящие во главе местных

органов работники были, как правило, той же национальности или того же племени, что и большинство населения данного района. Такие органы власти позволят более эффективно оказывать политическое влияние на население, вселят народу уверенность в демократичность институтов нового государственного строя.

Очень важно и то, чтобы у населения не создавалось впечатление что народная власть проявляет себя только там, где находится та или иная воинская часть.

3. Первостепенное значение, по нашему мнению, имело бы то, чтобы Политбюро ЦК НДПА постоянно проводило работу по расширению социальной опоры нового режима, активному привлечению на свою сторону народа, недопущению того, чтобы между руководством ДРА и народом возникало отчуждение. В этой связи нам хотелось бы вновь обратить внимание на необходимость соблюдения революционной законности и недопущения необоснованных массовых репрессий. Подобные репрессии способны лишь подрывать авторитет новой власти среди населения, затруднять дело защиты революции. На наш взгляд, принятие действенных мер по обеспечению законности и пресечению административных злоупотреблений во многом способствовало бы оздоровлению обстановки в стране.

4. В условиях активизирующейся деятельности внутренних врагов революции, опирающихся на поддержку извне, особо важное значение приобретает вопрос об объединении всех здоровых сил афганской нации. Объединившись вокруг НДПА, члены партии и беспартийные, рабочие и крестьяне, офицеры и солдаты, ремесленники и служащие, учащиеся и интеллигенция, молодежь и женщины составили бы такую силу, которой были бы не страшны происки любых врагов революции, внутренних и внешних.



Представляется, что делом первостепенной важности в этих условиях должно стать также решение вопроса о более широком приеме в НДПА классово преданных делу революции представителей рабочих, крестьян и других патриотически настроенных слоев афганского населения.

5. Мы знаем, что вами проводится большая работа по укреплению вооруженных сил, в том числе по доукомплектованию дивизий, которые сейчас находятся не в полном составе и, следовательно, не являются полностью боеспособными. Между тем вооружение для этих дивизий в Афганистане имеется, а при необходимости может быть поставлено и дополнительно.

Хотелось бы в этой связи подчеркнуть исключительную важность задачи укрепления армии — как в части скорейшего доукомплектования существующих дивизий, так и в плане последующего создания новых частей и соединений. Правильно было бы считать это одной из главнейших задач в деле обеспечения защиты революции.

6. И еще один вопрос, имеющий, на наш взгляд, весьма существенное значение в условиях Афганистана. Враги ДРА без устали распространяют лживые сообщения о том, будто в Афганистане преследуют мусульман, что там, мол, попираются каноны ислама и т.п. На этом играет как внутренняя, так и внешняя мусульманская реакция. Недооценивать ее коварства и опасности ее попыток поднять массы верующих против НДПА никак нельзя. Как нам представляется, было бы полезно всесторонне обсудить в Политбюро и наметить конкретные шаги, направленные на противодействие этой враждебной пропаганде, на привлечение все большего числа мусульманских улемов на сторону революции, на убеждение широких масс мусульман в том, что проводимые НДПА и народной властью социально-экономические реформы не только не затрагивают и не будут затрагивать религиозных верований мусульман, но

и направлены на осуществление социальной справедливости, необходимость которой проповедуется в исламе

Советское руководство выражает надежду, что афганские друзья правильно воспримут это наше товарищеское обращение к ним. Оно продиктовано искренним стремлением, опираясь на наш собственный опыт, оказать вам всяческое содействие в деле закрепления народной власти, установившейся в Афганистане в результате Апрельской революции».

Исполнение телеграфируйте.

Второе. Вам и руководителям всех советских групп советников, находящихся в Афганистане, необходимо в своих повседневных контактах с афганскими руководителями с соблюдением, разумеется, необходимого такта последовательно и настойчиво внушать им те мысли, которые изложены в Обращении Политбюро ЦК КПСС к Политбюро ЦК НДПА.

*Приложение 9*

Совершенно секретно  
ОСОБАЯ ПАПКА

ЦК КПСС

**К событиям в Афганистане 27—28 декабря 1979 г.**

После государственного переворота и убийства генерального секретаря ЦК НДПА, председателя Революционного Совета Афганистана Н.М. Тараки, совершенных Амином в сентябре этого года, ситуация в Афганистане резко обострилась, приобрела кризисный характер.

Х. Амин установил в стране режим личной диктатуры, низведя положение ЦК НДПА и Революционного Совета фактически до положения чисто номинальных органов. На руководящие посты в партии и государстве были назначены

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

лица, связанные с Х. Амином родственными отношениями либо узами личной преданности. Из рядов партии были изгнаны и арестованы многие члены ЦК НДПА, Ревсовета и афганского правительства. Репрессиям и физическому уничтожению в основном подвергались участники Апрельской революции, лица, не скрывавшие своих симпатий к СССР, те, кто защищал ленинские нормы внутрипартийной жизни. Х. Амин обманул партию и народ своими заявлениями о том, что Советский Союз якобы одобрил меры по устранению из партии и правительства Н.М. Тараки.

По прямому указанию Х. Амина в ДРА стали распространяться заведомо сфабрикованные слухи, порочащие Советский Союз и бросающие тень на деятельность советских работников в Афганистане, для которых были установлены ограничения в поддержании контактов с афганскими представителями.

В то же время имели место попытки наладить контакты с американцами в рамках одобренного Х. Амином «более сбалансированного внешнеполитического курса». Х. Амин ввел в практику проведение конфиденциальных встреч с поверенным в делах США в Кабуле. Правительство ДРА стало создавать благоприятные условия для работы американского культурного центра, по распоряжению Х. Амина спецслужбы ДРА прекратили работу против посольства США.

Х. Амин стремился упрочить свои позиции путем достижения компромисса с главарями внутренней контрреволюции. Через доверенных лиц он вступил в контакт с лидерами правомусульманской оппозиции.

Масштабы политических репрессий приобретали все более массовый характер. Только за период после сентябрьских событий в Афганистане было уничтожено без суда и следствия более 600 членов НДПА, военнослужащих и других лиц, запо-

дозренных в антиаминовских настроениях. Фактически дело шло к ликвидации партии.

Все это в сочетании с объективными трудностями, специфическими афганскими условиями поставило развитие революционного процесса в чрезвычайно тяжелые условия, привело к активизации контрреволюционных сил, которые фактически установили свой контроль во многих провинциях страны. Пользуясь поддержкой извне, которая при Амине стала принимать все более широкие масштабы, они добивались коренного изменения военно-политической обстановки в стране и ликвидации завоеваний революции.

Диктаторские методы управления страной, репрессии, массовые расстрелы, несоблюдение норм законности вызвали широкое недовольство в стране. В столице стали появляться многочисленные листовки, в которых разоблачался антинародный характер нынешнего режима, содержались призывы к единству для борьбы с «кликлой Х. Амина». Недовольство распространилось и на армию. Значительная часть офицеров высказывала возмущение засильем некомпетентных ставленников Х. Амина. По существу, в стране сложился широкий антиаминовский фронт.

Проявляя тревогу за судьбы революции и за независимость страны, чутко реагируя на усиление антиаминовских настроений в Афганистане, находившиеся в эмиграции за рубежом Кармаль Бабрак и Асадулла Сарвари взяли курс на объединение всех антиаминовских групп, находящихся в стране и за рубежом, для спасения родины и революции. При этом учитывалось, что находившаяся в подполье группа «Парчам» под руководством нелегального ЦК провела значительную работу по сплочению всех здоровых сил, включая сторонников Тараки из бывшей группы «Хальк».

Были устранены существовавшие разногласия и ликвидирован имевший место в прошлом раскол в НДПА. Хальковцы (в лице Сарвари) и парчамисты (в лице Бабрака) объявили об окончательном объединении партии. Бабрак был избран руководителем нового партийного центра, а Сарвари — его заместителем.

В чрезвычайно сложных условиях, которые поставили под угрозу завоевания Апрельской революции и интересы обеспечения безопасности нашей страны, встала необходимость оказания дополнительной военной помощи Афганистану, тем более что с такой просьбой обратилось и прошлое правительство ДРА. В соответствии с положениями советско-афганского договора 1978 г. было принято решение направить в Афганистан необходимый контингент Советской армии.

На волне патриотических настроений, охвативших довольно широкие массы афганского населения в связи с вводом советских войск, осуществленным в строгом соответствии с положениями советско-афганского договора 1978 года, оппозиционные Х. Амину силы в ночь с 27 на 28 декабря с.г. организовали вооруженное выступление, которое завершилось свержением режима Х. Амина. Это выступление получило широкую поддержку со стороны трудящихся масс, интеллигенции, значительной части афганской армии, госаппарата, которые приветствовали создание нового руководства ДРА и НДПА.

На широкой и представительной основе сформированы новое правительство и Революционный совет, в состав которых вошли представители бывших группировок «Парчам» и «Хальк», представители военных и беспартийные.

В своих программных заявлениях новые власти провозгласили борьбу за полную победу национально-демократической, антифеодальной, антиимпериалистической революции, защиту

национальной независимости и суверенитета Афганистана. В области внешней политики провозглашен курс на всемерное укрепление дружбы и сотрудничества с СССР. С учетом ошибок прошлого режима новое руководство в своей практической деятельности намерено уделять серьезное внимание широкой демократизации общественной жизни и обеспечению законности, расширению социальной базы и укреплению власти на местах, проведению гибкой линии в отношении религии, племен и национальных меньшинств.

Одним из первых шагов, привлечших внимание афганской общественности, явилось освобождение большой группы политзаключенных, среди которых находятся видные политические и военные деятели страны. Многие из них (Кадыр, Кештманд, Рафи и др.) активно и с энтузиазмом включились в деятельность нового Революционного совета и правительства.

Широкие народные массы с нескрываемой радостью встретили сообщение о свержении режима Х. Амина и выражают свою готовность поддержать объявленную программу нового правительства. Командование всех основных соединений и частей афганской армии уже заявило о поддержке нового руководства партии и правительства ДРА. Отношение к советским военным служащим и специалистам продолжает оставаться в целом благожелательным. Обстановка в стране нормализуется.

В политических кругах Кабула отмечают, что правительству Бабрака, разумеется, предстоит преодолеть значительные трудности внутриполитического и экономического порядка, оставленные ему в наследство прежним режимом, но выражают надежду, что НДПА с помощью СССР удастся решить эти задачи. Бабрак характеризуется как один из наиболее подготовленных в теоретическом плане руководителей

## Кому мы обязаны «афганом»?

---

НДПА, трезво и объективно оценивающих обстановку в Афганистане, он всегда отличался искренними симпатиями к Советскому Союзу, пользовался высоким авторитетом в партийных массах и в стране. В этой связи высказывается уверенность, что новое руководство ДРА сумеет найти эффективные пути для полной стабилизации обстановки в стране.

*Ю. Андропов, А. Громыко, Д. Устинов, Е. Пономарев*

*31 декабря 1979 г.*

*№ 2519-А.*

## СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ.....	3
------------------	---

### ВВЕДЕНИЕ

«Афган». У каждого свой и один на всех .....	5
--	---

### ГЛАВА ПЕРВАЯ

Коминтерн: Афганистан, Монголия, далее везде.....	42
---	----

Эмиры приходят и уходят, но отношения с шурави не меняются.....	58
--	----

Незапланированная репетиция «Афгана» .....	61
--	----

Кабул верен себе и своему слову.....	65
--------------------------------------	----

### ГЛАВА ВТОРАЯ

Годы послевоенные, судьбоносные.....	70
--------------------------------------	----

### ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Б. Кармаль: «Россия хотела, чтобы здесь произошла революция» .....	87
---	----

Король подает сигнал Старой площади.....	96
--	----

Правоверные реагировали иначе .....	98
-------------------------------------	----

НДПА: одна партия — две линии .....	105
-------------------------------------	-----

### ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Король мне брат, но истина дороже .....	114
---	-----

«Красный принц» и НДПА .....	120
------------------------------	-----

«Красный принц» и «мусульманская молодежь» .....	128
--	-----



Нашла коминтернская коса на афганский камень .....	131
«Тихие» американцы действуют по-тихому .....	137
Конец эпохи «красного принца» .....	140

#### ГЛАВА ПЯТАЯ

Тараки во власти .....	146
Монголия: по пятам старшего брата .....	153
Процесс пошел... ..	158

#### ГЛАВА ШЕСТАЯ

Старая площадь. Заговор молчания .....	174
1979-й в лицах и событиях .....	178

#### ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Шило в мешке не утаишь .....	275
«Так все-таки зачем мы влезли в Афганистан?» .....	286

#### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

М.А. Некрасов: «Бывали хуже времена, но не было подлей...» .....	303
ПРИЛОЖЕНИЯ .....	315

Научно-популярное издание

*Гриф секретности снят*

**Жемчугов Аркадий Алексеевич**

**КОМУ МЫ ОБЯЗАНЫ «АФГАНОМ»?**

Выпускающий редактор *М.К. Залесская*

Корректор *Д.В. Мельник*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: [veche@veche.ru](mailto:veche@veche.ru)

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 18.10.2011. Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 11,5. Тираж 3000 экз. Заказ № 3849.

Отпечатано с электронного оригинал-макета,

предоставленного издательством,

в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: [printing@yaroslavl.ru](mailto:printing@yaroslavl.ru) [www.printing.yaroslavl.ru](http://www.printing.yaroslavl.ru)



ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

Проходит время, и то, что вчера считалось великой государственной тайной, перестает ею быть. Тайна становится общим достоянием и помогает понять логику и героических, и трагических событий в истории нашей Родины. Афганская эпопея, на первый взгляд, уже не является чем-то секретным, запретной темой, которую лучше не затрагивать. Но ни в одной из появившихся в последнее время публикаций нет внятного, однозначно ответа на вопрос: кому мы обязаны «афганом»? Свои истинные цели в Афганистане Старая площадь скрывала как только могла. Даже принимая 12 декабря 1979 г. решение о вводе войск, она не осмелилась дать однозначное объяснение, во имя чего советская армия вторгается на территорию дружественного нам государства.

Реконструкция событий 1979 г. позволяет не просто проследить от начала до конца весь процесс «вызревания» окончательного решения о вводе в Афганистан «Ограниченного контингента советских войск», но и понаблюдать за тем, как вела себя при этом Старая площадь, верховная, ни перед кем не подотчетная инстанция власти в Советском Союзе.

Книга издается в авторской редакции.

ISBN 978-5-9533-5973-3



9 785953 359733

ВСЧС  
20 лет